ИЛ

ЗА ИЛЛЮМИНАТОРОМ

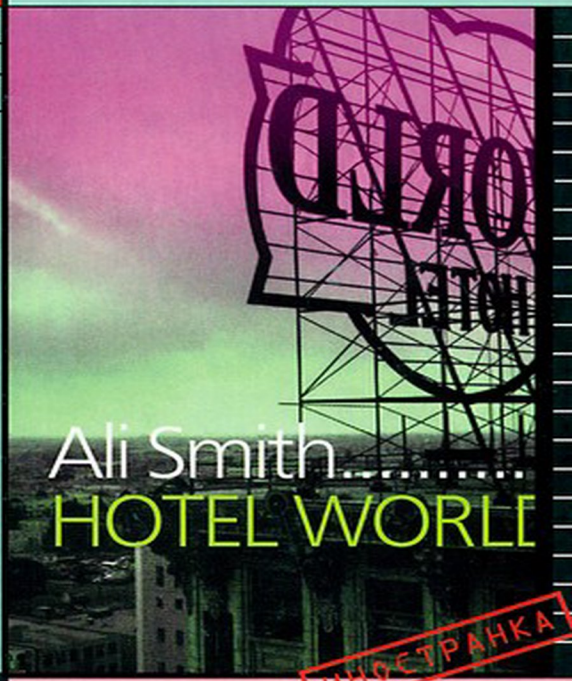
Составитель серии И.Кормильцев

©

9 785941 451202

АЛИ СМИТ

Отель – мир

0 1 5

[Клетка, в которой сидело сердце, распахнулась настежь, и оно вылетело вон. Думаю, это было сердце. Скок из груди в рот. Так все и началось. Впервые (слишком поздно) я узнала вкус своего сердца.]

Отель — мир

Али Смит

Аннотация
Али Смит. Отель — мир
Прошедшее
Настоящее историческое
Будущее условное
Совершенное
Будущее в прошедшем
Настоящее

Аннотация

Али Смит (род. 1962) — одна из самых модных английских писательниц. Роман «Отель — мир» номинировался на «Букер» 2001 года.

Странный, обескураживающий, но в то же время очень смешной роман Али Смит — это пропуск в шикарный мир отелей «Глобал». «Отель — мир» — книга о смерти, воспевающая жизнь, и книга о жизни, воспевающая смерть.

Али Смит
Отель — мир

Благодарю Королевский литературный фонд за помощь, оказанную при написании этой книги.
Спасибо тебе, Саймон, спасибо тебе, Дэвид.
Спасибо вам, Филиппа, Энгус, Кейт, Фрэнсис. Ксандра, Кейша, Сильвия.
Спасибо, Бекки.
Спасибо, Доналд.
Спасибо, Сара.
Отрывок из стихотворения Эдвина Мьюра «Смерть ребенка» процитирован с разрешения издательства «Фабер энд Фабер».
Автор предпринял все усилия, чтобы связаться с правообладателями; в случае обнаружения упущений — непредумышленных — просьба связаться с издателем.
Дафне Вуд,
за ее щедрость
Эндрю и Шине Смит,
за их доброту
Саре Вуд,
за все на свете

Помни о смерти[1].

Мюриэл Спарк

Энергия есть вечное блаженство[2].

Уильям Блейк

Вселенная, мой друг, мой враг.
Все звезды уложив в рюкзак,
С тобой расстанусь наконец.
То, что могу уйти я прочь.
Оставив страх, и день, и ночь.
Есть чудо, мне сказал отец[3].

Эдвин Мьюр

Традиционные религии постулируют постоянство, модернисты с их механистичными моделями — предсказуемость, но Вселенная гораздо более динамична, чем предопределенный мир или мертвая машина… Каждый скачок есть великая тайна.

Чарльз Дженкс

---

[1] Примечания: 1
Из романа «Memento mori».

[2] Примечания: 2
Из книги «Бракосочетания Ада и Рая», *пер. С.Степанова.*

[3] Примечания: 3
Из стихотворения «Смерть ребенка», *пер. А.Осокина.*

Падение свершится на рассвете[4].
Альбер Камю

[4] Примечания: 4
Из повести «Падение», *пер. Н.Немчиновой.*

Прошедшее

О-ооо-гого-

-гого-ооо, вот так сорвалась понеслась ринулась рухнула во мрак во свет вот это прыжок парение глухой удар вот это рывок прыжок камнем вниз вот это ужас дикий оборванный свист вот это плюх всмятку вдрызг да сердце вон из груди что за конец.

Вот так жизнь.

Вот так миг.

Вот это да. И вдруг — все.

А дело было так; начну с конца. Я упала, когда разгоралась весна; на деревьях зеленела листва. А сейчас разгар зимы (листья давным-давно опали), и вот наступила моя последняя ночь; сегодня больше всего на свете я хочу пройтись по тротуару с камешком в ботинке. Хочу прогуляться перед отелем, чувствуя, как он перекатывается в ботинке, впиваясь тут и там в ступню, и эта боль скорее в кайф — словно расчесываешь болячку. Представьте: у вас болячка. Представьте: нога, тротуар под ногой, камешек, который под весом тела вдавливается глубоко в кожу ступни,

в косточку большого пальца или других пальцев, во внутренний изгиб стопы, в пятку или маленький бугорок мышц, благодаря которому человек держится прямо, сохраняет равновесие и передвигается по неподвижно твердой земной поверхности, от которой захватывает дух.

Потому что с тех пор, как мой дух, так сказать, отлетел, мне не хватает таких вот мелких неприятностей. Ничего больше не надо. Меня бесконечно занимают мелочи, о которых я и на миг бы не задумалась, когда была жива. Скажем, взять, для очистки совести, мое падение. Мне страшно хочется узнать, сколько оно длилось, с точностью до секунды, и я бы тут же повторила его, появись у меня возможность, драгоценная возможность прожить минуту, целых шестьдесят секунд, о, как это много. Да, я повторила бы падение, обрести мое тело утраченный вес, будь у меня хоть несколько секунд, если б я только могла (только на этот раз я бы бросилась вниз по собственной воле о-ого-

-ого-ооо и считала бы про себя: раз овечка, два овечка-а-а), если могла бы опять ощутить удар, удар о бетонный пол, упав с высоты четвертого этажа, и сразу — мертвец, конец. Мертва нога. Мертва рука. Мертва ладонь. Глаз мертв. Аз мертв.

Между мной и жизнью — четыре этажа, этого хватило, чтобы меня не стало, вот она — мера, длина и конец всего, короткое проща…

Просторные коридоры, высокие потолки, все по первому классу. Ничего не скажешь, мне достались шикарные декорации: номера на третьем и втором этажах, недавно и со вкусом обставленные, — дорогие солидные кровати, потолки с карнизами — да широкая парадная лестница, в шахту позади которой я и упала. Двадцать одна ступенька между этажами и еще шестнадцать до цокольного этажа; я миновала все. Впечатляющее расстояние между толстыми коридорными коврами, от этого к другому, от верхнего к нижнему, а в самом низу пол голый, бетонный (помню, какой твердый), мое падение было стремительным, на каждый этаж ушло меньше секунды, меньше одного драгоценного мига — насколько я могу судить сейчас, спустя немало времени после падения, нисхождения, конца. Это было счастье. И падение. И ощущение. Полет в никуда, навстречу глотку пыли.

Хорошо бы набрать в рот пыли. Ведь ее можно собрать, когда угодно, правда же, когда захочется — по углам комнат, под кроватями, по верху дверей. Пух волос, сухая дрянь, микроскопические

частицы кожи — пленительные отходы живых существ, смолотые в прах, спрессованные в одно целое с остатками старой паутины и легчайшими хлопьями — трупиками ночных бабочек, прозрачными мушиными крылышками. Ведь проще простого (этим можно заняться когда угодно, было бы желание) окунуть в пыль руку, растереть самую малость этого сокровища между большим и указательным пальцами, глядя, как она въедается в рисунок кожи, твой, неповторимый, твой и ничей больше. А потом ее можно слизнуть; и я бы слизнула, появись у меня снова язык, влажный язык, который ощущает вкус пыли. Пыль — прекрасная, серая, древняя, копоть самой жизни — прилипает к рифленому небу, почти безвкусная, но почти — это лучше, чем ничто.

Я бы все отдала. За один глоток пыли.

Потому что, хотя меня уже почти не осталось, я пребываю в небывалом единстве с этим миром. Теперь я всего лишь воздух и хочу лишь одного: сделать глоток воздуха. Теперь я нема навеки, ха-ха, но вся запуталась в словах, словах, словах. Теперь я не могу потянуться и коснуться, но только этого и жажду.

А кончилось все так. Я забралась в этот, как его, лифт для посуды, небольшой ящик, подвешен-

ный в шахте, а под ним — бездна; я забыла, как он называется. Стенки, потолок и пол у него из серебристого металла. Мы поднялись на последний, четвертый этаж; двести лет назад, когда при доме жили слуги, здесь находились их комнаты, потом в доме был бордель, и сюда отправляли сбывать свой товар женщин подешевле, больных или не первой свежести, и вот теперь здесь отель, где каждый номер ежедневно приносит доход, а номера поменьше и стоят поменьше, поскольку здесь, под самой крышей, потолок ближе притиснулся к полу. Я вытащила из лифта тарелки и поставила стопкой на ковер. Осторожно, чтобы не выпали объедки. Это было мое второе ночное дежурство. И я справлялась. А туда я забралась на спор; свилась, как улитка в раковине, шея и затылок вдавлены, вжаты до упора в металлическую крышку, лицо стиснуто меж плеч, тело — меж бедер. Я свернулась аккуратным калачиком, и тут комната качнулась, трос лопнул, и ящик полетел о-ооо-гого

-гого-ооо и разбился вдребезги, а с ним и я. Потолок рухнул, пол взлетел навстречу. Разбиты спина и шея, лицо и голова. Клетка, в которой сидело сердце, распахнулась настежь, и оно вылетело вон. Думаю, это было сердце. Скок из груди

в рот. Так все и началось. Впервые (слишком поздно) я узнала вкус своего сердца.

Мне так не хватает сердца. Чтобы оно постукивало, разгоняло по телу тепло, не давало мне заснуть. Я брожу тут из номера в номер, вижу кровати, смятые после любви и сна, позже — чистые и застывшие в ожидании, когда в них снова нырнут; хрустящие простыни расправлены, кровати разинули пасти в приветствии: Добро пожаловать, скорее сюда, спать пора. Как они радушны. Каждую ночь по всему отелю они раскрывают пасть навстречу людям, которые нырнут туда вдвоем или в одиночку; люди со стучащим сердцем займут ту же частицу пространства, которую их предшественники, укатившие бог знает куда, согревали всего пару часов назад.

Я все стараюсь вспомнить, каково это; спать, зная, что проснешься. Я пристально разглядывала человеческие тела и видела, что они вытворяли по прихоти сердца. Я разглядывала их и после; сидела на постелях людей, ублаженных и нет, храпящих, равнодушных, страдающих от бессонницы, уверенных, что они здесь одни, что, кроме них, в номере никого нет.

Скорее. Спать пора. Цвета умирают. Сегодня я заметила, что шоссе бесцветно, что зимняя улица

целиком поблекла, пробыв слишком долго под ветром и солнцем. Даже солнце, даже небо сегодня не имеют цвета. Я знаю, что это значит. Я не вижу зеленого там, где привыкла. Почти не вижу красного или синего. Я буду скучать по красному цвету. По синему и зеленому. По силуэтам женщин и мужчин. По запаху, исходящему летом от моих ног. Я буду скучать по запаху. По своим ногам. По лету. По разным зданиям и разным окнам. По яркой упаковке продуктов. По мелким монеткам, на которые ничего не купишь, по их тяжести в кармане или в ладони. Мне будет хотеться услышать песню или просто речь из приемника. Поглядеть на огонь. На траву. На птиц. На их крылья. На бусинки их… Ну, чем они видят. Чем видим все мы. Гляделки, целых две штуки, там, повыше носа. Эх, вылетело слово. Ведь секунду назад помнила. У птиц они черные и похожи на бусинки. У людей это крохотные дырочки в ободках разного цвета — зеленого, голубого, коричневого. А иногда серого, ведь серый — тоже цвет. Мне захочется видеть. И снова испытать убийственную радость полета, после которого-ооо-гого

-гого-ооо я стала тем, чем стала. Ни хрена себе, вечному бесконечному миру — ныне и присно

и во веки веков — кранты, аминь. Я бы сигала и сигала. Каждую ночь после падения в то последнее (для меня) лето я поднимаюсь на верхний этаж, и хотя лифта уже нет — его убрали бог знает куда, из так называемой деликатности (случился скандал, трагедия, об этом не принято говорить, темная история, сегодня моя смерть попала в газеты, чтобы быть преданной забвению назавтра, надо же отелю оставаться на плаву), — но шахта по-прежнему нависает позади парадной лестницы, суля недоброе сверху донизу; и все, на что я способна, — это броситься вниз, чтобы спланировать в пустоте, опустившись на дно жалкой снежинкой. А если я превращаюсь в снаряд, с силой бросаясь вниз, чтобы после отвесного падения шмякнуться о бетон, то вхожу в него, словно в воду, словно горячее лезвие в масло. Я ни на чем не оставляю вмятин. Да и разбивать мне больше нечего.

Представьте, что вы ныряете, врезаетесь в воду плечами, и она расступается, впуская вас в себя. Представьте тепло или холод. Или как холодное масло золотится на поджаренном ломтике хлеба, тает на поверхности, впитывается. Поджаренный кусочек хлеба как-то называется. Я же знаю это слово. Знала. Нет, не помню.

Продолжим. Ударившись о бетон о-ооо-ох я раскололась на части и отлетела от тела — как язычки пламени от костра. Я явилась на похороны — посмотреть на себя прежнюю. Было пасмурно. Стоял холодный июньский день; люди были в пальто. Вообще-то ее похоронили в прелестном месте. Вокруг пели птички, доносился гул шоссе; тогда я еще слышала все разнообразие звуков. Сейчас голоса птиц звучат приглушенно, а машин, тех почти не слышно. Я часто там бываю. Сейчас зима. На могилу поставили плиту с именем, датами жизни и овальной фотографией. Она еще не выцвела. Должно пройти время; она купается в послеполуденном солнце. На других плитах точно такие же застекленные фотографии, их мочит дождем, а в разное время года плиты нагреваются и охлаждаются, и влага под стеклом то появляется, то исчезает. Напротив, через полосу кладбищенской травы — соседи, мальчуган в школьной кепке; престарелая дама, любимая жена; юноша в своем лучшем костюме, модном лет двадцать пять тому назад. Они до сих пор дышат под стеклом. Надеюсь; и наш снимок будет дышать. То есть ее снимок.

Там, под землей, в холоде, среди терпкого букета запахов почвы, дерева и отсыревшего лака с

ней происходит столько интересного! Может, ее старательно исследуют щекочущие ротики червей; да не важно. Мы были девушкой и умерли в юности; мы умерли в старости наоборот, вот когда. У нас было имя и девятнадцать лет за спиной. Так гласит плита. Ее/моя. Она/я. Тук-тук. Кто-ооо-

-ооо там? Я. Кто-ооо-

-ооо «я»? Да ты сама. Кто-то обрезал ее фотографию до нужного размера. По неровному краю вокруг головы видно, как от старания дрожали ножницы. Девичья головка, темные волосы до плеч. Сдержанная улыбка. А штучки, которыми смотрят, — ясные, взгляд робкий. Они были зелено-голубые. Та же головка, что под овальным стеклом, красуется в рамках по всему дому — в гостиной, в комнате родителей и в прихожей. Я приметила самую печальную пару и пошла за ними — поглядеть, где мы жили. Эти люди мне кого-то напоминали. В церкви они сидели на первой скамье. Но я сомневалась. Пришлось рискнуть. Мне показалось, что они, эти двое — наши, и я угадала. После церкви мы пошли домой. Домик небольшой, одноэтажный, и упасть-то по-настоящему неоткуда. Стул в доме занимает чуть ли не целую стену. А диван с парой кресел так загромождают комнату, что сидящим людям

буквально некуда девать ноги.

Собака через два дома облаяла меня. Сквозь нас, там, где у нее были щиколотки, шмыгнула кошка, потершись боком о пустоту. Пришел еще народ с похорон, и дом совсем скукожился. Я смотрела, как все пили чай на крохотном пятачке в ее доме. Я пошла к ней в комнату. Там теснились две кровати. Я взлетела над одной. Потом вернулась обратно сквозь стену. Пролетела над теми, печальными. Над телевизором. Зависла пылью над пылесосом.

Все поели лосося, салат, маленькие бутербродики и ушли, пожав руку мужчине, стоящему у двери, отцу. Уходили с облегчением. Черное облако над головами почти у всех гостей рассеялось, едва садовая калитка захлопнулась у них за спиной. Я вернулась в дом посмотреть на оставшихся. Их было трое. И печальнее всех женщина. Она сидела в кресле, а вокруг головы вился рой невысказанных слов, мол, вроде бы я у себя дома, где живу уже двадцать пять лет в окружении знакомых людей и вещей, и вдруг в одночасье перестала понимать, зачем я, собственно, живу на свете. Мужчина приготовил чай и вымыл посуду. Целый день, пока пили чай, который, остывая, покрывался пленкой, он

собирал чашки на поднос, шел в кухню, ставил чайник, заваривал новую порцию и приносил в комнату чашки, полные до краев. Сейчас он постоял на кухне, открыл дверцу шкафа и, ничего не достав, захлопнул. У них остался второй ребенок, тоже девочка. От линии ее пшеничных волос начиналась гневная складка и, пересекая лоб, шла поперек лица, деля надвое подбородок, шею, грудь и доходила до живота, где закручивалась в черный узел. Только этот узел и не давал ей разорваться пополам. Она сидела, обняв колени, под фотографией мертвой девушки в рамке. На снимке та в галстуке, смущенная, а в руках приз — гибкая фигурка пловца.

На блюде остался кусок лосося. Мне захотелось его попробовать. Мужчина вошел, унес его и сгреб в пакет для мусора на заднем дворе. Ну и зря. Мог бы оставить. Съели бы его вечером или на другой день, он не стал бы хуже, наоборот, надо было сказать об этом мужчине. Я посмотрела на него грустно так, неуверенно. Мужчина выронил пакет, тот с шуршанием опустился на потрескавшуюся плитку дорожки. Он раскрыл рот, но не издал ни звука (тогда у меня еще был отличный слух). Я помахала ему фигуркой пловца. Он побледнел. Улыбнулся. Потом потряс головой

и посмотрел сквозь меня, тогда я опять исчезла, и он выбросил рыбу. Добрую четверть тушки — а ведь лосось был приготовлен превосходно, и кости вышли бы с легкостью. Мясо с чудным розовым оттенком. Это случилось прошлым летом, для меня (как ни странно) последним. Я еще различала весь спектр красного.

Тогда я решила попрактиковаться с фотографией на телевизоре. Невинное усталое личико, тринадцать лет, эти штучки, как же их, слегка косят. Ну, гляделки. Я научилась мастерски воспроизводить их красноту с другого снимка, где она с подругами, все получились расплывчато, с красными точками в глазах, выражение лиц отвязное, в руках бокалы. Перед тем как принять ее облик, я сверилась со снимком, чтобы не ошибиться в выборе объекта. Да, вот она, прячется сзади. Я изо всех сил старалась передать теплоту ее взгляда с фотографии на каминной полке, где она обнимает за плечи женщину, сейчас потерянно сидящую в кресле. Это ее мать.

Лицо с овальной фотографии на надгробии получилось у меня с ходу; естественная, легкая улыбка, выражение при этом серьезное; фотография на загранпаспорт в мир иной. Но больше всего я любила копировать ее изображение на

совместном снимке с живой сестрой, который та прятала в бумажнике и разглядывала только когда родители уже заснули или заперевшись в своей комнате. Обе девушки на диване, и мертвая как раз что-то говорит, отвернувшись от фотографа. У меня получился настоящий шедевр — поворот в движении, смеющийся взгляд, видно, ей хочется многое сказать. Эта безыскусность потребовала большого искусства.

Все лето я из кожи вон лезла. Являлась отцу. Матери. Сестре. Отец притворялся, что не видит. Он все чаще и чаще отводил взгляд. От плеч к голове у него стала расти круговая стена; при каждом моем появлении сверху ложился новый ряд кирпичей. К осени стена уже поднималась выше макушки — шаткая, с неровной кладкой, того гляди, обрушится — и почти доставала до потолка гостиной, задевая абажур, отчего, когда отец пересекал комнату, свет и тени пускались в пляс.

Матери я явилась лишь дважды. Она расстраивалась, рыдала, становилась нервной и дерганой. Неприятное зрелище. Обе попытки кончились для нее слезами и неделями бессонницы. Это было жестоко, и я оставила ее в покое.

Зато сестра просто пила из меня соки, с жад-

ностью. Ей все было мало. Я показывалась ей с вымпелом, с красными точками в глазах, и с паспортной улыбкой, и с таинственной. И каждое новое обличье втягивалось и утекало в трещину, которая рассекала ее тело сверху донизу. Кончилось лето, наступила осень, а ее жажда не ослабевала; напротив, она делалась все мучительнее, все требовательнее, а теперь цвета стали блекнуть. С приходом зимы я сдалась. (С той поры я обнаружила, что легче являться людям, которые тебя не узнают. Один взгляд на перекошенное от страдания личико девушки, и до меня дошло: перед лицом столь выразительным проще вовсе не иметь лица.)

Надо мной звучат голоса птиц, все тише и тише. Каждый день они чуть дальше, чуть приглушеннее, словно мои уши забиты комками шерсти. (Представьте себе: шерсть. Грубовато-шершавое трение.) Я присела в невесомом воздухе над самой могилой. Была суббота, разгар дня; я устала тревожить своих, устала являться случайным людям, которые знать нас не знали. Листья на деревьях пожухли. Трава — молоденькая, хорошенькая — побурела к зиме, а под набухшей влагой ковром, под землей, вздыбленной, а затем щедро уложенной сверху пластами в четыре фута, лежала она. Я

взглянула на овальный пропуск, на лицо — плод нашего совместного позирования. Там, под землей она спала. Она не могла вылезти. Зато я могла спуститься к ней. Вниз, сквозь суглинок, сквозь яичные кладки стоногих существ, мимо термитов и жирных забурившихся в норки личинок, которые ждут не дождутся, чтобы лопнуть, как только придет время года после зимы — забыла, как оно называется, — когда цветы снова высунут из земли свои легкомысленные головки.

Только очутившись глубоко внизу под осоловевшими луковицами, я проникла сквозь свинцовую крышку деревянной каморки, гладкой и дорогой с виду, дээспэшно-дешевой изнутри. В последний раз скользнула в нашу старую оболочку, натягивая на себя ее плечи, с усилием втискиваясь в руки и ноги вдоль осколков ребер, но без особого успеха — все кости были перебиты, а плоть начала гнить — и вот я лежу, наполовину торча из тела, под вычурно-резным потолком ее комнатки, холодной как лед и абсурдно розовой во мраке.

Эти, которыми глядят, у нее почернели. Рот был заклеен наглухо.

Привет, произнесла она сквозь клей. Опять ты. Чего тебе неймется?

Как ты тут? говорю. Хорошо спится?

(Она услышала!)

До сих пор ничего. Ну, все? Давай на этом и закончим.

Мне просто надо кое-что узнать, прошептала я. Только одну вещь. Кстати, ты знаешь, что сегодня суббота? А знаешь, что на прошлой неделе сестренка посадила у твоего изголовья крокусы?

Кто? говорит она. Чего? Отвали. Отстань от меня. Я умерла, господи ты боже мой.

Мне очень надо знать, сказала я. Ты помнишь само падение? Можешь вспомнить, сколько оно длилось? И что произошло перед ним? Ну, пожалуйста.

Молчание. (Но я знала, что она все слышала.)

Я не уйду, пока ты не расскажешь, заявила я. Не уйду, пока не узнаю.

Молчание. Я стала ждать. Я пролежала с ней в этой каморке несколько дней. И, конечно, всячески ее изводила. Расчесывала ей швы. Шмыгала из нее туда-обратно. В одно ухо влетала, из другого вылетала. Пела песенки из вест-эндских мюзиклов *(ах, какое чудесное утро*[5]*; где бы комнатку*

---

[5] Примечания: 5

Строки из мюзикла «Оклахома», авторы Р.Роджерс и О.Хаммерстайн. (*Здесь и далее прим. перев.*)

мне раздобыть/ чтобы холод ночной позабыть[6]*; в путь-дорогу, возвращайся поскорей*[7]*; за мной беги/ в меня пали/ я люблю тебя*[8], пела в самый затылок, и только протесты из соседних могил заставили меня умолкнуть. Тогда я воткнула ей в ноздри ее же пальцы и стала дергать за мочки ушей.

Я пропустила целых три заката и рассвета (я-то ценю каждый день, в отличие от нее, — лежит себе с полными карманами земли, покрытая самой солью земли, в уютной безопасности своего колодца дней и ночей, который уходит все глубже и глубже, и нет конца, нет дна его бездонности), пока наконец не раздался ее невозмутимый голос:

Ну, хорошо, хорошо. Я расскажу. Если ты обещаешь уйти и оставить меня в покое.

Ладно, обещаю, заметано, сказала я.

Клянешься? спросила она.

Жизнью твоей матери, отвечаю.

О, господи. «Моей матери»! Правило первое,

---

[6] Примечания: 6

Строки из мюзикла «Моя прекрасная леди», авторы Ф.Лоу и А.Д.Лернер.

[7] Примечания: 7

Строки из мюзикла «Оливер!», автор Л.Барт.

[8] Примечания: 8

Строки из мюзикла «Парни и куколки», авторы Ф.Лойсер и А.Берроуз.

древнее как смерть: ни о чем не напоминать, сказала она. И второе: речь пойдет только о падении. Больше ни о чем.

Ладно, говорю. Я за этим и пришла.

Что именно ты помнишь? спросила она сквозь крепко стиснутые зубы. С чего мне начать?

Ну, я помню, как вытащила тарелки из такого маленького лифта, говорю я. Помню, что старалась ничего не выронить. Потом забралась в лифт, поджав наши ноги, как ребенок в чреве матери, но не помню, зачем. А еще помню падение, ооо-гого

-гого-ооо ничего-о себе.

Я ударила нашими ногами в тонкие деревянные стенки. И почувствовала: ей это не понравилось. С убийственным вздохом она проговорила:

Это не лифт. Больно мал для лифта. Это кухонный подъемник, ты что, забыла?

Да, вот как он называется; точно: дурацкий подъемник, подъемник, подъемник.)

Ладно, слушай, раз уж тебе приспичило: за долю секунды до того, как будет слишком поздно, ты совершенно счастлива.

Слишком поздно? Для чего? спросила я.

Не перебивай, отрезала она. Я рассказываю, как считаю нужным; ты слушаешь? Я влюбилась.

Как в яму свалилась. Раз, и я в капкане. Сначала навалилось счастье, потом страдание. Что мне было делать? Я всю жизнь хотела влюбиться в какого-нибудь парня или мужчину, все ждала его, высматривала. И вот однажды у меня встали наручные часы. Я подумала, может, в них попала вода, и отнесла в часовой магазин, что напротив рынка. Знаешь, где это?

Нет, но найти сумею, сказала я.

Отлично, сказала она. Стрелки часов остановились на без десяти два, упорно показывая неверное время. Я сняла их, положила на стойку, и девушка за конторкой взяла их посмотреть. Она держала часы в руках. Какие чуткие руки! Я подняла глаза, чтобы понять по ее лицу, во сколько обойдется починка, но тут она нахмурила брови, ощупывая, поворачивая и тряся часы, а пока разглядывала циферблат, по личику мелькнула тень сосредоточенности, и в тот же миг я пропала. Влюбилась. Она продает часы — самые разные, а еще ремешки и батарейки. Она отсылает чужие часы, чтобы им прочистили внутренности и они снова стали ходить. Она стоит в окружении шкафчиков и ящичков с часами, между стен, сверху донизу увешанных неисправными часами (я понятия не имела, сколько на свете часов всех мастей),

стрелки которых указывают любое время, какое только можно вообразить. В то утро единственные исправные часы в магазине красовались у нее на руке, потикивая в тыльную сторону теплого запястья. Она открыла крышку моих мертвых часов и проверила батарейку. Секонда.

Это ее имя? спросила я.

Слушай, я тебя предупреждаю, сказала она, не раскрывая рта. Рассказываю только раз, поняла? Мы с тобой договорились. «Секонда» было написано на часах; это название марки. А еще — первое слово, которое она произнесла. «Секонда»? Именно так, с вопросительным знаком в конце. У меня тоже «Секонда». Она повернула руку ладонью вверх и показала циферблат. Цифры на нем были римские. Потом она сказала: ваши часы придется отправить в мастерскую. Починка займет недели три, не меньше. И обойдется в тридцать пять фунтов. Это примерная цена, окончательная может оказаться еще выше, не могу сказать точно. Дешевле купить новые. Будете чинить? Да, сказала я; ей я сказала бы «да» на что угодно. Их чинят в мастерской, сказала она. Мы отправляем туда все «Секонды». Их невозможно починить на месте. Да, повторила я, да, взяла протянутую квитанцию и вышла из магазина

под звяканье дверного колокольчика.

Оказавшись на улице, я прислонилась к стене, в ушах стоял звон колокольчика. Я обхватила себя руками. Я не понимала, что со мной. Я представила, как снова вхожу в магазин и говорю: ваши часы гораздо симпатичнее, мне нравятся с римскими цифрами, я куплю у вас такие же. Но я не двинулась с места. Просто не смогла. Я стояла на улице и слушала тиканье своего сердца. Все это было странно и необычно.

И вдруг я поняла: я влюбилась. В девушку из часового магазина. На меня нахлынуло счастье. А в руках была квитанция.

(Я потянулась, лежа на ней там, в подземной каморке. Да, тесновато; как хорошо, что я такая бесплотная. Увлекшись рассказом, я и забыла, что мы мертвы. Но, оглянувшись, увидела опущенные уголки ее беспощадно поджатого рта.)

Я смяла квитанцию в кулаке, сказала она. Сунула руку в карман, и бумажка стала теплой. Потом я целых три часа слонялась по улицам, чувствуя себя полновластной хозяйкой города, хозяйкой всего мира.

А потом пошла поплавать.

Был теплый майский день; я пошла в открытый бассейн. Помнишь, там еще стоят старые кабин-

ки с деревянными дверцами, которые болтаются туда-сюда, как в салунах из вестернов?

Помнишь, как мы тащились от вестернов? сказала я.

Давай без ностальгии, сказала она. Помни о правилах. Так о чем я? Да. На бассейн тоже сходи взглянуть. В тот день я плавала как русалка. Я была счастлива, и вода сама толкала меня вперед. Потом я пошла в свою кабинку с полотенцем на шее. Я досуха вытерла волосы и тут услышала какой-то странный, необычный для бассейна гул. Я выглянула. Два мальчугана показывали на меня пальцами. Какие-то люди, сидящие на балконе, тоже тыкали в меня, перегнувшись через перила. Глазела девушка, замерев высоко в небе на трамплине, глазели все — снизу и сверху, с бортиков, даже из воды, ухватившись за бортик и отфыркивая воду из ноздрей; кто-то смеялся. У меня по спине пробежал холодок.

Но то была лишь струйка воды из мокрых волос; люди глядели и показывали пальцем не на меня. Конечно нет. Их привлекло что-то другое, рядом со мной. Я еще больше вытянула шею и увидела такую картину.

Через три кабинки от меня женщина средних лет пыталась закрыть за собой дверцы. Но у нее

не получалось. Она была не то чтобы толстуха, но кабинки на женской стороне маленькие, и ее выпирающий живот не давал дверцам закрыться. Она вышла из кабинки и попыталась войти животом, но дверцы все равно не закрывались. Теперь мешал зад. Она снова вышла, решив зайти боком, но безуспешно. Похоже, она совершала эти па уже некоторое время.

Я снова влезла в воду и переплыла на другую сторону. Люди на бортике подвинулись, освободив место, чтобы я могла усесться, опустив ноги в воду, и поглазеть вместе с ними.

И я стала глазеть. Женщина уже оставила попытки закрыть дверцы и стала снимать одежду прямо так, но ей все равно было тесно поднимать руки и нагибаться в кабинке, и она вышла наружу. Вот она сняла туфли. Потом нагнулась, чтобы снять колготки, и мы увидели ее ляжки. Кто-то поощрительно свистнул. Все покатились со смеху. Она завела руки далеко за спину, стягивая кофту. Из клубка одежды показалось ее лицо, красное, разгоряченное. Она приступила к белью. Мы заулюлюкали спасателю, который бежал к ней вокруг бассейна, чтобы помешать раздеться догола. Другой подобрал ее одежду с кафеля. Она удалилась под крики и аплодисменты в сопро-

вождении двух спасателей, словно магазинный воришка или подсудимый под полицейским конвоем. Босиком, в юбке, сверху — только лифчик. Все видели ее морщинистые подмышки. Какой-то мужчина крикнул: прикройся! Раздался одобрительный женский шепот. Пусти такую в бассейн — вода выйдет из берегов, а нам, грешным, вообще хана, сказал мой сосед; теперь он глазел на мою мокрую шею, я кивнула с улыбкой — он явно клеился — и скользнула в воду.

Зато весь бассейн страшно возбудился. Я натягивала на мокрое тело одежду, которая прилипала и собиралась в складки, под не стихающий гвалт. На пути к выходу несколько человек попрощались со мной как старые друзья, словно мы давным-давно знакомы и пережили вместе важное событие.

Вечером того дня я лежала в кровати, а моя младшая сестра раздевалась перед сном. Вдруг она взглянула на меня. Чего пялишься? говорит. Я и правда пялилась. Не отдавая себе отчета, я смотрела на изгибы ее тела, на живот, и ниже, где начинаются трусики, и представляла, как выглядит тело той девушки из часового магазина без одежды. Я никогда, никогда в жизни ни про кого так не думала и вдруг почувствовала, как

стыд разливается у меня из нутра по всему телу. Ничего, говорю. Вот и не пялься, идиотка, бросила сестра, потом отвернулась и стала надевать верх пижамы через голову, не сняв лифчик. Она повернулась снова, не глядя на меня, но с пылающим лицом, словно тоже сгорала со стыда. Легла в постель, выключила свет, и наступила темнота.

Я решила еще немного подумать в темноте о той девушке. Темнота принесла с собой облегчение. Теперь думать о девушке уже не казалось таким крамольным делом, как при свете. Я думала о ней, пока не услышала неровное дыхание уснувшей сестры.

Я знала, что подумала бы сестра; знала, что подумали бы родители; сквозь стену доносилось их сопение. Я знала, что подумали бы соседи; они сопели сквозь другую стену. Знала, что подумали бы Шивон, Мэри, Анджела и вся наша компания из бара. Что подумали бы все мои знакомые; все, кто знал меня плохо или не знал вовсе — к примеру, люди в открытом бассейне, — если бы я разделась у них на глазах, разом обнажив кожу, под которой бьется сердце.

А сердце билось как ненормальное.

Завтра я просто пойду туда с квитанцией и попрошу часы, девушка просто возьмет квитан-

цию, найдет и вернет мне сломанные часы, а передавая их через прилавок, просто поднимет глаза и увидит меня.

Наутро я пошла в часовой магазин. И простояла весь день на улице.

На следующий день я снова пошла в магазин. И снова стояла на улице.

Так продолжалось три недели по рабочим дням, даже по субботам. У нее был скользящий график работы, и на обед она ходила когда как. Он мог прийтись на любое время между половиной двенадцатого и четырьмя. Всю третью неделю она обедала в половине первого; каждый день вдруг открывалась дверь, звякал колокольчик, и, помахав рукой кому-то в магазине, она шла через тротуар, потом через дорогу — сюда, прямо на меня — и проходила мимо, почти вплотную. Она была красивая; проходя мимо, она смотрела сквозь меня, будто сквозь стекло.

Любовь превратила меня в невидимку.

На восемнадцатый день слежки я решила, что провожу взглядом ее коричневый пиджак в последний раз. И пошла домой. Я закрылась в нашей спальне. Сложила квитанцию как можно плотнее, в маленький квадратик, готовый разжаться в моей ладони, и спрятала в музыкальную

шкатулку, что стояла на туалетном столике. Эта шкатулка была у нашей матери с шестидесятых, с самого детства. Когда поднимаешь крышку, пластмассовая балерина на сцене разгибается, поднимается и начинает вращаться; у нее одна ножка, приклеенная к пьедесталу. Ну, как бы две, прижатые друг к дружке. Руки балерины сложены над головой, образуя овал, пальцы сплавлены друг с другом. Пока она вращается, звучит мелодия. Тема Лары из «Доктора Живаго». Убого, как из шарманки. Я засунула сложенную квитанцию в щель под сценой у самой ножки балерины. Крышка захлопнулась, музыка смолкла, балерина сгорбилась. Я поставила шкатулку на место и быстро собралась. Я торопилась. Мне предстояло первое дежурство на новой работе.

В первую же ночь парень, обслуживающий номера, обещал показать мне, как тут «дергать за веревочки». Было воскресенье, дел по горло. На вторую ночь мы поднялись на последний этаж. Это был понедельник. Наверху было мало постояльцев. Не помню, как его звали. Он рассказывал мне историю отеля. Карманы у него топорщились от бутылочек с напитками для мини-баров. Мы валяли дурака, сидели на кроватях в пустых номерах, смотрели по телеку передачи с субтит-

рами, убрав звук, чтобы нас не застукали. Было еще довольно рано, примерно пол-одиннадцатого. Он убирал тарелки в этот чертов подъемник. На тарелке под металлической крышкой лежала целая отбивная и почти нетронутая порция картошки. Я съела пару ломтиков. Не ешь, сказал он. Лично я бы не рискнул, ты ведь новенькая и не знаешь, как тут готовят жратву. Я сказала, спорим на пятерку, я туда помещусь. Вынула поднос. Я боялась, что пролью подливку на ковер, но все обошлось, я поставила поднос на пол и забралась внутрь, вписалась идеально, и когда высунула голову, чтобы сказать: теперь ты мой должник, и вдруг…

Остальное ты знаешь, сказала она. Ты же там была.

Наше разбитое тело на дне шахты. Да, я там была. О-ооо-гого-гого-ооо, да, вот что я почувствовала. Теперь вспомнила. Сколько секунд? спрашиваю.

Твое время вышло, сказала она. Конец фильма. Уходи.

И все-таки сколько? повторила я. Неужели ты не помнишь, сколько времени мы падали?

Нет, отвечала она.

А что за веревки он имел в виду? спросила я.

Короткие или длинные? Как от них зависела скорость падения?

Какого хрена, сказала она. Я рассказала все, что знаю.

Контакт терялся. Я зашла с другого боку. Кстати, о бассейне, говорю. Ты когда-нибудь прыгала с самого верхнего трамплина? Это очень высоко? А в других бассейнах? Спорим, это то-ооо-

-ого-ооо же самое, даже покруче.

Конечно, прыгала. Сама знаешь. И у меня неплохо получалось. Я могла сделать в воздухе двойное сальто. Слушай, боль усиливается. Уходи. Ты же обещала. Я тебе все рассказала. Тебе что, некуда податься? Разве ты не должна отправиться в рай, ад или еще куда?

Да, уже скоро, отвечаю. (Бог знает куда.)

Чем скорее, тем лучше, сказала она. Я устала. Уходи. И не возвращайся. Нас с тобой больше ничто не связывает.

И захлопнулась, словно крышка. Тогда я поднялась наверх. Она погрузилась обратно в сон, а я стала распускать каждую букву нашего с ней имени, бросая прочь маленькие пестрые ниточки, из которых было сплетено наше единственное и неповторимое имя.

Мне хочется еще раз спросить ее, как называ-

ются штуки, которыми видят. Как называется поджаренный хлеб.

Я опять забыла, как называется этот лифт для посуды. Утомилась, пересказывая вам эту историю — всем вам, кому есть чем шагать по тротуару, кто имеет зрение и слух и снует туда-сюда перед главным входом в отель. Я забываю слова; они устилают землю подобно бесчисленным осколкам гранита, летевшим из-под резца, который выводил на плите ее имя. Я поднялась сквозь землю. Хорошо бы набить рот землей, темной, вязкой, с дерном и камушками, она прилипает к языку, застревая под ним и между зубами, как зернышки горчицы. Вот бы взять горсть земли; если растереть ее между пальцами, дерн с травой и тонкий слой почвы будут крошиться, как рассыпчатый кекс, а смочишь ее слюной, и она пристанет к коже, словно краска.

Будь у меня слюна, пальцы, рука, рот.

Ты-то можешь набить рот землей, а? Да-да, вот ты. У тебя есть рука. Есть чем зачерпнуть землю. Я прошла сквозь землю, но не смогла ухватить ни щепотки. Я пролетела над эстакадами, стонущими под тяжестью автомобильного потока. Видела чахлую травку по периметру железнодорожных станций; видела выброшенный холодильник;

сгоревшую машину; старую мебель, гниющую под дождем. Вот подо мной провал бассейна. Из него слили воду, осушив на холодное время. Темнело. На глубоком конце жухлая листва водила хороводы.

По обе стороны бассейна дребезжали шеренги запертых на зиму дверец. Воробей дождался, пока листья улеглись, поскакал по дну бассейна, наклонил головку набок. Никого. Нечем поживиться.

Я обратилась к воробью и пустому бассейну: у меня для вас новость. Слушайте. Помните: надо жить.

Верхний трамплин еле качнулся подо мной от слабого порыва ветра.

Куда я могла податься? Обратно в отель. По пути я видела стремительно низвергающийся водопад лиц. Вот они: молодая женщина с трудом плетется по улице, тащит битком набитые сумки. Мужчина на крыше у открытого люка, волосы и нос в чем-то белом; за ухом карандаш. Вот очередь; мужчина запустил руки под юбку стоящей рядом подруги. Он поднимает ее, ухватив за пах; у обоих пьянчужек счастливые лица, они хохочут. Остальные люди в очереди колеблются между вежливым безразличием и яростью. Я

заглянула в мысли одного мужчины и увидела поножовщину.

Я видела, как старик тянул руки вслед мужчине намного моложе, который уносился прочь в нагруженной скарбом машине. Рука старика маячила в воздухе еще долго после того, как машина скрылась, потом он просто стоял у стены своего сада среди птичьего гомона и пустоты. До меня донесся слабый запах булочек. За столиком в кафетерии женщина читала газетную статью про семью, которая отправилась покататься на лодке, и всех, кроме одного, съели акулы. Она читала вслух про откусанные ноги и изуродованные головы женщине за стойкой, а та нервно хихикала. Сигаретный дым извивался и застаивался у нее в горле, образуя налет. Ранним дождливым вечером на неприметной автостоянке я видела машину с буквой У спереди и сзади; внутри сотрясали сиденье юноша и женщина. А, любовь. Испытать тяжесть другого тела. Женщина держала под мышкой папку с зажимами, а другой рукой обнимала парнишку, бедняга прямо кипел. От обоих шел пар и оседал на стеклах машины.

Я сказала им всем.

Людям в очереди в кино. Они хотели что-то

посмотреть. Людям в аптеке «Бутс»[9]. Они ждали рецептов. (Представьте, что у вас насморк, о, этот божественный дар. Или что вас щиплет за причинное место молочница. Представьте, что это значит, каково это — иметь цвет.) Я пошла в супермаркет. Ряды с лотками ломились от еды. Я сказала девушкам-кассиршам. Они ждали полудня субботы, чтобы пойти домой. Для них суббота — не день, а каторга.

Помните все: надо жить.

Почти стемнело. Я набрела на магазин, где все окна пестрели часами. Там в одиночестве сидела девушка, положив руку на стеклянную гладь прилавка. Часы были и под ней, и над ней. Она уставилась на свое запястье; стрелка ее часов дергалась и замирала, шаг-стоп, шаг-стоп.

Я прошла сквозь нее. Не удержалась. И не ощутила ничего. Надеюсь, это был тот самый магазин. И та самая девушка. Она передернула плечами и стряхнула меня.

Я прижалась сбоку к ее голове не существующим больше ртом. И сказала:

У меня для тебя новость. Слушай.

Она тряхнула головой, поправляя волосы. По-

---

[9] Примечания: 9
«Boots» — сеть аптек в Великобритании.

чесала шею у затылка. Снова опустила руку на прилавок и стала смотреть, как ее часы по секунде отмеряют время.

О-ооо-

-ого-ооо? Что на этот раз? Да ничего. Я пробую снова и снова. По нулям. Только сон наваливается. Мое время почти вышло.

Сегодня мое последнее «ночное дежурство». Я кружу по отелю, заклиная камни, пыль, фундамент. Одни комнаты поменьше, другие побольше. Размер диктует цену.

Я брожу по коридорам невидимкой, воздухом из кондиционера. В ресторане порхаю от столика к столику, от обычного блюда к диетическому. Я просачиваюсь сквозь дверь на кухню; там в глубине, у задней стенки стоят пять баков, доверху полных нетронутой еды.

Я парю в регистратуре дежурной мелодией отеля. Вы меня узн***а***ете; я — набивший оскомину мотивчик. Я скольжу вверх по сверкающим перилам на самый верхний этаж, сквозь дверь какого-то номера, над ковром, сквозь окно, делаю пируэт — и опускаюсь вниз, ко входу в здание (где на тротуаре выложено плиткой название отеля, и каждое утро в половине седьмого, в любую погоду, темно ли, светло ли, ее приходит мыть

изможденная женщина с ведром и шваброй; завтра я ее не увижу, а жаль). О-ооо-

-ого-оooy меня для вас новость, кричу я черному небу над отелем и окнам по периметру, где в половине пятого зажигается свет, кричу с фасада и сзади, кричу двери-вертушке, что вдыхает и выдыхает людей.

Только что дверь заглотнула девушку. Она хорошо одета. Никакого груза за плечами. Возможно, ее жизнь скоро изменится. Там, внутри еще одна девушка, в служебной форме, она работает в регистратуре. Она больна, но пока об этом не знает. Жизнь, она скоро изменится. А вот третья девушка, рядом со мной, она сидит, закутавшись в одеяла, недалеко от входа в отель, прямо тут, на тротуаре. Ее жизнь тоже изменится.

Вот и все.

Помните: надо жить.

Помните: надо любить.

Мните: да фюить.

(Мне будет не хватать дождя. И листвы. Мне будет не хватать этого… Как же он называется? Забыла слово. Так называется… Ну, знаете. Нет, не дом. И не комната. Я имею в виду, так устроен… Не от сего… Уйти в лучший… Слово.

Я вишу падаю разбиваюсь между этим словом

и другим.

Засеки время, ладно?

Ты. Да, вот ты. Я к тебе обращаюсь.)

Же на улице. Пока ее улов — одна мелочь, в основном медяшки, в пять-десять пенсов. Случайная серебряная монетка блестит среди них, словно только что из кассы «Маркс энд Спенсер»[10], но большинство монет потускнели от употребления и от холода. Кто пожалеет о каком-то пенсе, что выпал из пальцев или из кармана на тротуар? Вот лежит монетка, совсем рядом с ногой Же. Кому сдался один пенс? Да никому, на хрен — конечно, если говорить о нормальных людях. А что, забавно: трахнуться *ни с кем* — с пустотой, где лишь могло находиться тело — ритмично дергаясь взад-вперед.

Если она наклонится вперед, то сможет дотянуться до пенса, не вставая.

Она наклоняется. Наклоняться больно.

Она передумала. Подберет его, когда двинется в путь. Она

(Пдт мнтк)

сидит у вентиляционной решетки, из которой поднимается слабое тепло. Здесь рядом с

---

[10] Примечания: 10

«Marks and Spencer» — сеть супермаркетов в Великобритании.

отелем — отличное место, оно в ее полном распоряжении, стоит только забиться в стенную нишу, удобную и вполне приличную, к тому же расположенную на приличном расстоянии от входа, чтобы Же не доставали служащие отеля. Она смотрит вверх. Потолок для нее — небо. Оно все ниже, сейчас рано темнеет. На верхнем карнизе здания напротив собрались скворцы, вроде бы уселись и снова всполошились, устроив кучу-малу из лап и клювов. Яйца скворцов бледно-голубого цвета. Они строят гнезда из травы и перьев, а порой из разного сора, на деревьях, высоких карнизах или В углублениях каменной кладки. Это настоящие городские птицы. Грудки у них в звездочках. В сумерках они собираются в стаю, вытирая небо дочиста одним размашистым жестом.

А сумерки уже спустились; улица, разделяющая здания, залита сиянием фонарей, светом из окон отеля, из витрин, от фар проезжающих машин. Оттого что Же так долго смотрела вверх, у нее заболела шея. Она опускает взгляд к подножию здания напротив. Так и есть. Девчонка опять там, сидит на ступенях выставочного зала Мира ковров. Да, это она. Видно, входит во вкус. Все знают, что это территория Же. А девчонка ведет

себя так, словно не знает. Лица под капюшоном не разглядеть, но это точно она.

Же наблюдает за девушкой. Та смотрит куда-то мимо Же. Тут Же отвлекается. Мимо проходит женщина, она увидела Же, но решает не замечать; большинство людей вообще ее не видит, так что тут верный расчет: если Же попросит, ей что-нибудь перепадет.

(Пдт мнтк. Спсб.)

Две по десять пенсов.

Если положить в рот десятипенсовик и попробовать надкусить, слабые зубы могут и не выдержать. Какой металл прочнее — серебро или медь? Это не настоящее серебро. Какой-то сплав. Она посмотрит название в библиотеке, когда снова будет дождь, а там будет открыто. Она уже как-то смотрела, но забыла. Лично ей кажется, что десятипенсовик прочнее, и на то есть основания. Однажды они с Эйдом набили рты мелочью, так, что чуть щеки не лопались. У Эйда поместилось гораздо больше, чем у нее; у него-то рот побольше, ха-ха. Щеки у него раздулись, как у хомяка; сквозь щетину можно было разглядеть ребрышки монет. Берегись: кто набил деньгами рот, тот башкой не шевельнет.

Эти воспоминания вызывают у нее смех. Сме-

яться больно. Потом все деньги у них были в слюне; он выплюнул всю блестящую массу ей в ладони, вот гадость. Держи, сказал он, тебе они больше пригодятся. Господи, должно быть, они были пьяны или обкурились; ведь знали, что на монетах полно микробов, а все равно запихали их в рот. Вкус во рту был металлический. Когда потом Эйд поцеловал ее, поцелуй тоже отдавал металлом. Раздвинув ее зубы языком, он протолкнул десятипенсовик ей в рот и сбросил плашмя на язык, как облатку, она подержала монетку на языке, словно ждала, пока та набухнет от слюны, а потом открыла рот и вытащила. Монета выпуска 1992 года. О, боже. Они перецеловали

(Пдт мнтк)

все монетки разной величины, которые у них нашлись, толкая туда-сюда изо рта в рот, устроив игру, чтобы вкусить от каждой.

Же пытается вспомнить.

Она помнит вкус поцелуя даже лучше, чем самого Эйда, его внешность, лицо. Бывает, целое событие сводится к одному-единственному ощущению, к краткому мигу. А целая личность к блику лика. Сейчас она иногда протирает монетку о джемпер и кладет в рот; вкус серебра острее, чем вкус меди. Медь отдает гнилым мясом. У

монеток в один и два пенса ребро гладкое; а у пяти- и десятипенсовиков — с такими узенькими прорезями; но если прикоснуться кончиком языка, они кажутся довольно широкими. Кончик языка очень чувствительный. А вес фунта ее просто поразил. Nemo me impune lacessit[11]. Он предупреждает. Вот что читает кончик языка по ребру тяжелых монет.

Этот вкус пристал к ее пальцам, сидит у нее в глотке. А может, у ангины просто-напросто тот же вкус, что у денег, да и у любви.

Же вскинула голову, смотрит через дорогу. Сегодня девчонка напялила капюшон, и люди будут давать ей меньше денег, потому что им не видно, парень это или девушка. Сняв капюшон, она заработала бы намного больше. Впрочем, она и так недурно загребает. Во всяком случае, куда больше Же. Но без капюшона дело пошло бы гораздо лучше. Же должна пойти на ту сторону и сказать ей. Она ничего не понимает. Она пришла в десять минут пятого. На вид ей лет четырнадцать, от силы пятнадцать; у нее на лбу написано: школьница. Она просто

---

[11] Примечания: 11

«Никто не тронет меня безнаказанно» (*лат.*) — девиз Ордена Чертополоха, высшего шотландского ордена, учрежденного королем Яковом II в 1687 г.

(Пдт мнтк)

воплощение прилежной ученицы. Волосы у нее под капюшоном слишком блестящие и ухоженные. Она не похожа на нищенку. Она меняет одежду. У нее несколько курток. Она больше смахивает на беглянку, из новоиспеченных, сегодняшнего «призыва». Поэтому она и собирает деньги с легкостью, еще бы, это все равно что растерявшийся звереныш с шоколадной коробки, какие продавали много лет назад, по сравнению со взрослой кошкой или собакой. Единственное, что можно сказать точно, — вид у нее несчастный, какой-то заиндевелый. Цвета треснувшего ледка на луже. Же ей сочувствует.

Но, похоже, девчонке не нужны деньги. Она даже не замечает, что люди бросают ей монеты. Всякий раз повторяется одно и то же; она зарабатывает золотые горы, до которых ей, по всей видимости, нет никакого дела. Же помнит, что значит быть юной и плевать на все. Это заставляет их, прохожих, давать тебе больше, чтобы оставить хоть какой-то след в твоей жизни. Некоторые даже предлагают девушке купюры. Же сама видела. Они садятся перед ней на корточки и что-то говорят, покачивая головой и кивая с серьезным видом, а у девушки на лице такое

выражение, словно, словно… Же пытается подобрать слова. Вот: словно она проснулась утром, встала с постели, спустилась по лестнице, вышла на улицу

(Пдт мнтк Спсб.)

и вдруг обнаружила, что все люди вокруг, весь город почему-то говорит на совершенно непонятном языке, норвежском, польском, или на каком-то неведомом наречии.

Мимо идут люди. Они не замечают Же — или решают не замечать. А Же на них смотрит. Некоторые прижали к уху мобильные телефоны, будто схватились за щеку в приступе дикой боли. А обладатели новинки, мобильного с наушниками, бродят по улицам, словно психи, которые болтают сами с собой, пребывая в мире грез. Же становится смешно, а от смеха — больно. Небо — потолок, здания — стены; а за спиной у нее сейчас стена отеля, которая позволяет ей держаться прямо. А внутри еще одна стена не дает ей упасть; слепленная из мокр***о***ты, она поднимается от живота до горла, и в такие моменты, когда Же не в силах сдержаться, когда она кашляет и не может остановиться, стена начинает пошатываться. Же кажется, она крошится, как дрянной цемент. Но и польза от стены есть. Она не дает

Же свалиться. Она поддерживает ее изнутри, как сзади — стена отеля.

Же представляет себе: вот ее сердце, мышцы, вот кровь омывает ребра и легкие. Ей кажется, что ее легкие издают резкий свист, захлебываясь кровью, ее мышцы — плохонькие провода, причем совсем устаревшие, и что кто-то решил с их помощью провести телефон там, где это невозможно в принципе. Словно приезжает человек с кучей проводов, чтобы подключить, куда надо, вылезает из фургона и видит перед собой офигенный замок со смотровыми щелями вместо окон, — а дело происходит в пятнадцатом веке, когда никакого электричества не было и в помине.

(Пдт мнтк)

Только представьте: телекантроп, эволюционный выкидыш дарвинской системы, этакий футуристический неандерталец в комбинезоне — на плечах мотки проводов, за спиной фургон, набитый здоровенными катушками, — стоит столбом, почесывая голову на манер шимпанзе, потому что в земле не видать люка, чтобы спуститься куда следует и выполнить работу, а дамочка с покрывалом на голове глядит на него в бойницу как на марсианина, ведь на дворе — пят-

надцатый век, и таких фургонов еще не изобрели. Представляю себе их лица. От смеха она закашлялась. Кашель — давай, Господи, думает она во время приступа — посылает ей в грудь сноп стрел из пятнадцатого века с острыми крюками и зазубренными железными наконечниками, а ведь она сейчас справилась всего лишь с «детским» кашлем, а настоящий (она все еще борется, делая микроскопические вдохи, чтобы восстановить силы) сотряс бы ей все нутро и отправил бы в ров добрый кусок ее внутренней крепостной стены. Настоящий кашель (мышцы рук и плеч успокаиваются, она встряхивает головой) — это когда все старье Национального треста рассыпается на хрен, обращаясь в никчемное каменное крошево.

Же должна остановить бег мыслей. Должна обуздать свое

(Мнтк пдт.)

воображение. Она не смеет больше смеяться; не смеет кашлять. Кто знает, что она может выхаркать? Судя по ощущениям, какую-нибудь хрень размером с поросенка, да еще покрытого щетиной. Черт. Вот паскудство, блин. Кашель так и прет, неся освобождение и боль. Она кашляет от смеха. Оттого, что дышит. Можно предположить,

что и реальный хрен вызвал бы у нее кровотечение. Она кашляет от любого движения, от простого поворота плеч или головы. Же не смеет шевельнуться, еще не время.

Когда она решит подняться, то сделает вот что. Она в третий раз подряд направится через дорогу к девушке и соберет деньги, которые набросали той под ноги. Они, Же и девушка, сами установили правила игры, сейчас вы их узнаете. Сначала Же поднимается. Потом переходит дорогу. Девушка видит, что она приближается, и убегает. Же собирает деньги. Это справедливо. У нее есть право. Все знают, что отель — территория Же. Но ей надо сыграть свою роль без сучка, без задоринки. Надо правильно рассчитать время. Если двинуться с места слишком рано, можно спугнуть девчонку и лишиться потенциального барыша. Но если она засидится, девчонка может сама встать и уйти, а вдруг на этот раз она заберет деньги с собой? Вдруг она решит, что деньги ей пригодятся? Же восстанавливает дыхание. Все обойдется. Скоро хлынет поток людей с работы и еще скорее сойдет на нет; кто его знает, за это время девушка может заработать целое состояние. Же подождет. Будет тихонько сидеть и ждать, потому что там может оказаться десять, а то и все

пятнадцать дармовых фунтов,

(Пдт мнтк)

ровно на пятнадцать больше, чем заработала Же, поскольку сегодня она наскребла считай что ничего. С этим чертовым кашлем ни хрена не заработаешь. Тебя обходят стороной, делая большой крюк. Три фунта сорок два пенса — вот и все, что она заработала за целый вечер. Она, того и гляди, привяжется к девчонке. Ведь они, можно сказать, деловые партнеры. Сегодня Же сможет хорошо поесть, а возможно, и заплатить за ночлег.

Если только девушка не уйдет первая, забрав деньги.

Если Же переждет час пик, а девушка все будет сидеть.

Если никто не сгонит их с места.

Двигай отсюда.

Люди не хотят это видеть.

И я не хочу.

Ясно?

Вот и умница.

Спасибо.

Вот что еще время от времени говорили Же полицейские:

Это твои вещи? Тогда собирайся. Иначе мы все

выбросим. Давай. Двигай отсюда. (мужчина)

Сколько вам лет? Этак вы и года не протянете. Сами знаете, верно? Я ведь не выдумываю. Такова статистика. Такие, как вы, умирают каждый день. Я не выдумываю. Мы каждый день это видим. Человек вдруг падает прямо на улице. Вы что, не хотите дожить до тридцати? (женщина)

У тебя есть дом. У всех где-то есть дом. Иди домой, вот так, молодец. (мужчина)

Уходи, Же, так не положено; сама знаешь, не положено. (женщина)

Ты никогда не хотела поработать? Другие почему-то вкалывают. Не все хотят шляться без дела, как ты. (женщина)

(шепотом) Говорю тебе без экивоков и повторять не собираюсь. Хочешь, чтобы тебя изнасиловали — пеняй на себя. Еще раз тебя здесь увижу — получишь по полной. Я серьезно. Я не угрожаю. Я гарантирую. Ты меня слышишь? Слышишь, нет? (мужчина, в участке)

Неужели до тебя никак не дойдет, тупица, что нормальные люди ненавидят такую мразь? Вы — отбросы общества. Вы портите жизнь всем остальным. Вы — отбросы общества, мать вашу. (женщина, в участке)

Держи, моя хорошая. Тебе с молоком и саха-

ром? Размешай как следует, там на дне порошок. (мужчина, в участке)

Ты не читала нашу доску объявлений, Дженет? Нет? А ведь ты имеешь право ходить к нашему психотерапевту. Он принимает по четвергам здесь, на четвертом этаже. Ты имеешь право. Это значит, что занятия бесплатные, бедняки ничего не платят. Пойми, мы здесь для того, чтобы помогать людям. Тебе нужно только записаться. Только захотеть. (женщина, в участке)

Же помнит это слово из школы. Бедняки. Она узнала его на уроке истории: когда-то давным-давно жили филантропы (тоже слово из прошлого), к ним принадлежал, в частности, Роберт Оуэн, который построил для рабочих своей фабрики церковь, школу и больницу и не нанимал на работу малышей, дети начинали работать у него с более старшего возраста, чем было принято у тогдашних коммерсантов. Его фабрика называлась Нью-Ланарк, Новый Ланарк, вроде как новое место обетованное на Земле. Бедняки. Вот для кого история исправляла свои ошибки, кому хотела облегчить жизнь. Но одно дело — тогда. А другое — теперь. На одной из газетных страниц, которыми она обернула ступни (ботинки слишком велики), есть статья, в

которой автор предлагает установить ящики для добровольных пожертвований нищим в магазинах вроде «Сейнсбериз»[12], чтобы все желающие по-прежнему давали попрошайкам деньги, а остальных людей они

(Пдт мнтк)

оставили в покое. При таком повороте событий (она отваживается на короткий смешок; что-то отдается эхом в груди, потом замирает) Же останется без работы.

Пенс, который она подберет через минуту-другую, лежит у ее ноги решкой вверх, Же видит чеканку, монетка совсем новая, с рельефным портретом королевы в преклонные годы. Монетка под надежным присмотром. Она никуда не денется. Же обретет ее совсем скоро.

Она любит обертывать ноги подходящим материалом. В ЦЕЛОМ СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ СЕЙЧАС ВЫШЕ, ЧЕМ 20 ЛЕТ НАЗАД. КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ ЗА ЧЕРТОЙ БЕДНОСТИ. Этот заголовок у нее под пяткой. Ха-ха. Она вырвала эту страницу из газеты в библиотеке. Старинный город, на тротуаре которого она сидит, с кварталами средневековых и

---

[12] Примечания: 12

«Sainsbury's» — сеть супермаркетов в Великобритании.

современных зданий над средневековой канализацией, — вот и все, что осталось от истории; надо же туристам где-то тратить летом свои дорожные чеки. Истинная история умерла, Же знает, она же умница; она всегда отличалась умом. Сегодня она помнит, как пишется филантроп. Но все-таки не может вспомнить назначение стрелок на часах, то ли короткая показывает минуты, то ли длинная.

(Пдт мнтк Спсб.)

Мнтк. Пдт.

Сл в прчт т бвлн, т смжт ст скртрм и плчт хрш рбт.

Сначала она представляет, что плчл хрш рбт, и выходит из офисного здания вроде того, что высится над Миром ковров, с уложенной прической, в стильном узком покупном костюмчике, на модных нейлоновых ножках добротные туфли. Потом она вспомнила, как в детстве во время поездки в Лондон, сидя в метро с отцом, который читал все объявления про хрш рбт, она, востроглазая девочка с зачесанными назад волосами, в чистеньком платьице, сшитом матерью, прочитав тогда это объявление и все смекнув, вообразила, что верная расшифровка стенографической записи — лишнее доказательство ее

ума. Тут Же становится смешно. Смех вырывается наружу; она не может его сдержать. А со смехом вырывается и кашель, громкий, внезапный, трусившая мимо собака пугается, дергается на бегу и разражается лаем, кашель и лай звучат в унисон, рука оттаскивает собаку, и тогда кашель начинает причинять боль, это девочка, засевшая в ней острым осколком, причиняет боль, это дитя кашля и прошлого схватило ее зубами и треплет, как собака тряпку.

Чтобы остановить эту трепку, эти мысли, она начинает думать о секретаршах, обо всех на свете секретаршах с хрш рбт, о вереницах

(Пдт
(она закашлялась
надолго и упустила прохожего)
мнтк)

стенографисток, 100 слов в минуту. Только вообразите, они аккуратно потрошат слова, а поток выкинутых и, о, у, э, я, е, а переполняет мусорные корзины. Но теперь их отправили в отставку, всех этих стнгрфстк, думает она. Они вымерли. Ха-ха. Их вытеснила поросль безукоризненных деловых девушек с диктофонами и компьютерами, которые печатают слова, как только они вылетают изо рта. Может, все стнгрфстк оказа-

лись на улице и занимаются той же работой, что Же. Ей тоже не нужны гласные. Она владеет всеми видами стенографии. Она представляет, как тротуар усыпают буквы, что выпали из произносимых ею слов-калек (целые слова ей ни к чему). Представляет объяснение с полицейским, или муниципальными дворниками, или недовольными прохожими. Я все уберу, обещает она им про себя. Это ведь просто буквы. Между прочим, это органический мусор. Он гниет, как листва. Получается отличный компост. Птицы выстилают ими гнезда, чтобы держать яйца в тепле.

У скворцов яйца бледно-голубые. У малиновок — белые с красными штрихами. У дроздов — в коричневых мазках. У воробьев — серые и коричневые, крапчатые. У зябликов — розовые с переходом в коричневый. У черных дроздов — зеленовато-синие в коричневую крапинку. Она различает яйца городских птиц; с детства, еще когда гуляла в саду позади дома и разглядывала в гнезде черного дрозда, устроенном в изгороди, три маленьких сине-зеленых яичка в ложе из травинок и прутиков. Не трогай их, сказала мать. Если прикоснешься к яичкам, птичка-мама об этом узнает и больше не прилетит, и тогда они умрут. А как она узнает? спросила Же. Узнает,

и все, сказала мать, не трогай, говорят тебе. На Же было желтое кримпленовое платье с розовой лентой-каймой вокруг ворота, на манжетах и по краю юбки. Стоял месяц май семьдесят девятого года, тысячу лет тому назад. Яйца были такие хорошенькие. Она взяла одно и подержала в руке. Оно было невесомое, его было так легко повредить. Она могла без труда раздавить его; стоит чуть нажать, и оно треснет. Она положила его обратно, рядом с двумя другими. Никто ничего не видел.

Но на следующий день дроздиха не вернулась. Через три дня яйца были холодные. Птенчики там внутри превратились в слизь, их кости не успели сформироваться, разве что сгибы-локотки крыльев.

Хватит реветь, сказала ей мать. Бедным птенчикам это не поможет. Она подарила Же книгу с птицей на обложке. Книга только растравляла рану. Же стала заучивать из нее разные факты. К началу следующего лета, когда разреженный воздух в конце дороги дрожал от зноя и гнезда, притаившиеся на ветках и в изгороди, кишели оперившимися птенцами, а история с прошлогодними яйцами казалась дурным сном, Же (в новеньком синем переднике с вырезом у шеи,

на кармашке вышиты маргаритки) уже знала назубок: у стрижей яйца белые, продолговатые, у сорок — синеватые в коричневую крапинку.

Же часто снится один и тот же сон: она входит в комнату, где все стены заставлены платяными шкафами. Открывает дверцу первого, а там на полке швейная машинка матери, накрытая толстым целлофановым чехлом от пыли. Вокруг машинки, снизу и сверху, идут полки с ящиками. Внутри каждого — сложная система отделений. А в каждом отделении — ставший мал нарядец. Платье, кардиган, жилет, брюки, передник. И каждая вещица сшита специально для нее. Отделения заполняют ящики, ящики — шкафы, а шкафы так загромождают комнату, что в ней почти нет свободного места, и каждый наряд в своем отделении лежит сплющенный до предела, без единого вздутия, словно в вакуумной упаковке. У Же кружится голова. Она распаковывает первую одежку, вторую, и они одна за одной ложатся в кучи у нее в ногах и по бокам, и хотя она достала уже сотни тряпок, перед ней еще сотни нераспакованных вещей, среди которых нет и двух одинаковых, и все ручной работы, с аккуратной стежкой, а ее ждут еще тысячи закрытых ящиков. Рукава-фонарики. Маечки и жилетки. Подолы с

фестонами. Черная кайма зигзагом. Кримплен и хлопок, нейлон и шерсть, полиэстер, терилен, замша, и все на выброс; слишком маленькое, слишком тонкое, слишком чистое, все слишком; шкафы, набитые неизношенной любовью, бесконечны, но с острой безнадежностью Же сознает, что это сон, и хотя ничего с собой не унесешь, ее старые рубцы в который раз занюют оттого, что надо проснуться, вновь утратив навсегда эти кофточки и платьица с пустыми рукавами.

Просто кошмар.

Дошло до того, что Же не хочет засыпать, боится, что вновь увидит этот сон, и в то же время — что больше не увидит.

Она попыталась рассмеяться. И снова закашлялась. Лучше ей не стало. Она знает: у нее все внутренности в язвах; так выглядит покореженная от жара краска. Ее органы обветшали, как стены заброшенного, идущего на слом дома, где все стекла разбиты и пол голых комнат устилают осколки. Если кто-то, скажем, она, решит забраться туда на ночлег, то может здорово порезаться. Если она захочет сесть, то опустится на битое стекло. Когда Же дышит или ходит, она чувствует, что напичкана битым стеклом.

Ведя подобную жизнь, она сгубила свой ор-

ганизм. Она сама знает. Это не смешно. На нее навалилась беда. Она как будто разрушила свои внутренности, выжгла их, а потом навалила сверху земли, ну, чтобы потушить огонь. *Верность сердца, Красота. Душ пречистых простота. В прах обращенны*[13]. В слове обращенны лишняя буква. Брщн. Это шекспировское. Шкспрвск. В этом городе хорошая библиотека. Мысли Же переключаются на библиотеку. Здешняя лучше, чем бристольская. Обычно она и работает допоздна, и библиотекари редко выгоняют, даже если человек пришел туда вздремнуть. Она читала поэтов-метафизиков. *Здесь Верность и Краса лежат*[14]. Или так: *Мои составы вновь слиты. Из Нощи, Смерти и Тщеты*[15]. У поэтов, думает Же, следя за дыханием, ночь набухает, словно речь идет об ее особой разновидности, и пишется с большой буквы. Нощщщь, квинтэссенция тьмы. Она читала стихотворение о мальчике, который играл в пьесах для самой Елизаветы I,

---

[13] Примечания: 13

Из стихотворения У.Шекспира «Феникс и голубка».

[14] Примечания: 14

См. выше.

[15] Примечания: 15

Из стихотворения Д.Донна «Вечерня в день святой Люции, самый короткий день в году», *пер. Г.Дашевского.*

прославился в ролях глубоких стариков и умер в тринадцать лет. Еще Же нравится Уильям Батлер Йейтс[16]. *Огнем пылала голова, когда в орешник я вступил*[17]. *Иди же, иди дорогой своей. Путь мой — к цели иной. К девицам на берегу морском. Сроднившимся со тьмой*[18]. Она больше не тратит время на романы. Она столько их прочла — на всю жизнь хватит. Слишком уж они длинные. И слишком многословные. А ведь требуется сказать не так много. Повествование в них влачится как связка пустых жестянок, привязанных к башмакам городского сумасшедшего.

Же в панике. Она замечталась, а девчонка ушла. Же ее не видит. Ушла или не ушла? На той стороне улицы мельтешит толпа, за ней ничего не видно. Же ее не видит.

Все нормально. Все хорошо. Толпа прошла, девчонка на месте. Сидит, как сидела. На голове капюшон.

Девочка вся сгорбилась, словно мучаясь от

---

[16] Примечания: 16
Ирландский поэт и драматург (1865–1939).

[17] Примечания: 17
Из стихотворения У.-Б.Йейтса «Песня скитальца Энгуса», *пер. Г. Кружкова.*

[18] Примечания: 18
Из стихотворения У.-Б.Йейтса «Беспутный, распутный старик», *пер. В. Рогова.*

боли. Такие молоденькие вечно попадают в истории, и, судя по стеклянному взгляду, с ней стряслось что-то серьезное. Но она вовсе не кажется изможденной; напротив, здесь, на улице она — инородное тело, как серебряная ложка, которую на днях обронили в саду, а когда находят, она по-прежнему лежит в траве на том же самом месте. Она явилась сюда из другого мира, где есть сады и летняя мебель.

Же представляет, что девушка сидит в саду, в шезлонге. На высоких стеблях покачиваются цветы. Она пьет колу из банки. Вид недовольный. Кто-то зовет ее из кухни. Что? кричит она, голова повернута вбок, рот открыт. Что ты сказала?

Впрочем, нет. Никто не кричит. На дворе зима, вокруг ни садов, ни парков, девушка просто сидит там напротив, в темноте, блеклой тенью на блеклых ступенях Мира ковров, и глядит на отель.

Так потерянно выглядят жертвы любви. Да, вот

(Пдт мнтк)

именно. Она ждет, чтобы кое-кто вошел или вышел из отеля. Например, сосед по улице, друг родителей, который регулярно трахал ее, четырнадцатилетнюю, на курточке, расстеленной на дорогом вельветовом диване в гостиной — после

школы, в обеденный перерыв, или пока мать принимала душ и ходила в магазин, — а потом его жена или ее мать все узнали, а может, его раскусил отец девочки и теперь хочет набить морду; за ним погоня, и она пришла к отелю предупредить его, улизнув из своей комнаты, она вылезла в окно и спустилась по трубе, потому что дверь была закрыта на ключ, ее заперли в комнате, но она помнит, что он собирался остановиться именно в этом отеле, если этот «он», конечно, существует.

Или: она ждет, чтобы кто-то выглянул в окно и увидел ее. Может, менеджер по продажам, который бывает в их городе проездом дважды в месяц, вот он ослабил узел галстука, расстегнул молнию на брюках костюма и стоит с хвостом выпущенной рубашки, глядя в ночь, простертую над городом, и вдруг, надо же, увидел ее, терпеливо ждущую, эту, гм (какой могла быть их встреча?), застенчивую шалунью, которая подавала чай-кофе на конференции по продажам два месяца назад, там они флиртовали, обмениваясь пакетиками с сахаром, и он лишил ее девственности где-то между 10:45 и 10:50 утра в пустом конференц-зале за высокими штабелями кресел, второпях, потому что ей в одиннадцать надо было снова за стойку, а ему сразу после перерыва

— читать лекцию.

А-а, любовь. Же — у нее от смеха кишки наружу — тут знаток. Между прочим, разные представители «общества» постоянно требуют от нее любви, будто платить им за мелочь любовью — ее обязанность. *Вот что в разное время говорили Же представители общества (о любви):*

Согреешь меня? (мужчина в строгом костюме)

Извините, я только хочу спросить, как насчет бумажки в двадцать фунтов в обмен на небольшую услугу? (мужчина в спортивном костюме)

У меня кошмарный день. Я не знаю, что же мне делать. Я дошла до ручки. Я не знаю, с кем же мне поговорить. (Женщина присела на корточки и что-то шептала ей на ухо, доверчиво протянув ей руки. Же потом думала об этом. Она позволила женщине сидеть рядом и держала ее за руки с добрых полчаса; она предоставила себя в ее распоряжение, потому что уже давно никто, пусть и случайно, не обращался к ней по имени. Я не знаю, что, Же, мне делать. Я не знаю, с кем, Же, мне поговорить.)

Точно не хочешь? А за пятерку? (снова тот мужчина в костюме)

Сколько тебе лет? Хочешь, пойдем ко мне домой? (женщина в элегантном деловом костюме)

Может, заберешься к нам в фургончик? Я спою тебе песенку. Точно нет? Между прочим, у меня есть эскимо. А к нему — крепкая толстая палочка. (двое мужчин в кабине фургона для мороженого, остановились на светофоре)

Как вы себя чувствуете? Холодно сегодня. Все в порядке? Постарайтесь держаться в тепле (молодая женщина, просто из сочувствия. Но не все ли равно? В результате, думает Же, все сводится к одному. Эскимо на палочке, сочувствие — все это вариации одной и той же навязчивой песенки)

Сколько? (мальчик лет тринадцати. Он покраснел до самых корней волос на выбритом затылке. Она запросила десять фунтов, получила деньги вперед и повела его на многоярусную автостоянку. Был вечер; ярус Д был пуст и освещен; там, среди запаха бензина и выхлопных газов, на цементном полу между задними и передними крыльями малолитражек случилась любовь. Иногда он проходит мимо нее на улице. Он повзрослел; слоняется в компании прыщавых друзей, все в майках с названиями американских групп, играющих хэви-метал. Проходя мимо, он всегда косится в сторону с видом пойманного воришки. Они никогда на нее не бросаются. Он никогда не бросает ей денег.)

Женщина в служебной форме вышла из двери-вертушки и остановилась на ступенях. Как правило, униформа означает: уходи. Же замирает, подавляя приступ кашля. Теперь она абсолютно неподвижна. Она видела, так ведут себя пауки и мокрицы. В этом она мастер. Ее никто не заметит.

Когда она осмеливается поднять голову, женщина в форме уже пересекает дорогу, лавируя меж фар мчащихся машин. Она доходит до противоположного тротуара и, прежде чем отправиться дальше, одергивает форменный пиджак. Она успевает подойти к девушке в капюшоне совсем близко, пока та, наконец, спохватывается, вскакивает и уносится прочь по переулку вдоль стены выставочного зала, быстрее, чем птичка, углядевшая кошку.

Чрт, ругается Же вслух. Девчонка ушла. Она выплевывает слизь, которую все это время держала на на языке, подальше, чтобы не запачкать пальто. Она смотрит на то место, где сидела девушка. Черт. Она начинает кашлять, кашель вгрызается в тело глубоко-глубоко, и она чувствует, что ее внутренности раздирает надвое гигантский ярко-алый зигзаг (какие рисуют в мультиках), словно у нее в чреве разверзлась зубастая акулья

пасть от горла до

Все нормально? Может, вам плохо?

Же открывает глаза. Взгляд упирается в искусственную ткань униформы, от которой отражается свет фонарей. Же зашевелилась и начала собирать свои пожитки.

Нет, быстро говорит женщина в форме, махая рукой. Нет-нет, что вы, не надо. Сидите, сидите.

И женщина опускается на корточки рядом с Же.

Скосив глаз, Же видит совсем близко голову женщины в профиль; она поднимает взгляд; в свете, падающем из отеля, белок глаза у женщины нездоровый, в пятнышках. Же внутренне подбирается. Но женщина на нее и не смотрит; она уставилась через дорогу в пространство. На лацкане ее пиджака красуется коричнево-зеленая вышивка: ОТЕЛИ «ГЛОБАЛ». На нагрудном кармане белеет кружок из мелких слов. Верхняя половинка гласит: *По всему миру.* Нижняя половинка: *Для нас вы — мир.* Же уставилась вниз. По кромке стены отеля, там, где она смыкается с тротуаром, лежат кусочки стекла и гравия. Одни осколки зеленые, другие белые. Же различает цвета, хотя уже темно. Тут же — сплюснутый кругляш старой жвачки, ставший частью по-

верхности тротуара. Все эти мелкие предметы когда-то служили людям в деликатных, даже интимных ситуациях, некоторые побывали у них во рту, а кончили все равно на панели.

Женщина в форме моложе, чем кажется. Она вздыхает. Поворачивается к Же. Та снова отводит взгляд. Видит четыре бычка, два с фильтром, причем один в помаде, третий без фильтра, белый, расплющенный; раздавленный табак высыпался на асфальт. Четвертый бычок — самокрутка, плотно загнутая с одного конца, этакий набитый грязью роток.

Же кажется, что они сидят так целую вечность; она считает — четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать — накиды между вязаными узорами на одеяле.

Женщина громко выдыхает через нос, словно на что-то решилась. Потом качает головой.

Же упорно разглядывает свой рукав. Руку. Верхнюю часть ботинка (нога совсем затекла). Смотрит на грязь в щелях между тротуарными плитами. Одна плита треснула; должно быть, на нее упало что-то тяжелое; из центра плиты расходятся три трещины. А вот и ее собственный плевок из недр легких в бликах света на каменной плите.

Послушайте, говорит женщина.

Же по-прежнему косится вниз, но изображает на лице внимание — на всякий случай. Она осторожна. Она пока не знает, что за игру затеяла форма.

Хотите провести ночь в номере? — говорит женщина.

А-а. Же не удивлена, ни капельки. Теперь ее мало что удивляет. Она не отвечает. И продолжает упорно смотреть вниз.

Я работаю в «Глобал», говорит женщина. Говорят, сегодня ночью будет похолодание. Вы и так сильно кашляете; я слышу ваш кашель за конторкой.

Же напрягается.

А сегодня ночью обещали до минус шести. В отеле полно номеров. И большинство свободны. Можете занять любой.

Же так и видит коврик с надписью «Добро пожаловать». Ну вот. Теперь придется освобождать место, потому что люди в отеле слышат ее кашель.

Разумеется, бесплатно, денег не надо, быстро произносит женщина, словно досадуя на себя за глупость. Там вы хотя бы согреетесь. Я не возьму с вас ни пенса. Вы ничем не связаны.

Ну да, думает Же. *Три воспоминания, пришедшие в голову Же, когда она слышит фразу «вы ничем не связаны»:*

Десять лет назад. Она в Лондоне. Провела здесь лишь несколько дней, а денег почти не осталось. Она стоит у входа на станцию метро Кадмен, к ней направляется человек. С виду обычный мужчина. Такой опрятный, приличный, прямо кандидат от консервативной партии. В руке у него деньги; купюры свежеиспеченные, только что из банкомата, без единого сгиба. Он говорит, что даст ей три бумажки по десять фунтов — вот эти, гляди — если она просто пойдет с ним в номер отеля. Пусть она не боится. Он ее не обманет. Она ничем не связана. Он протягивает ей деньги. Она вдыхает их запах, запах новизны. И берет. Мужчина ловит такси. Последний раз она ездила на такси в детстве. Она сидит на длинном сиденье, мужчина напротив нее на откидном. У него интересная внешность. Он немного похож на ее отца. На нее — ноль внимания. Они выходят из такси у вокзала, это Кинг-Кросс; теперь она знает, а тогда не знала. Напротив вокзала забегаловка. Снаружи над входом вывеска со списком всех предлагаемых блюд, список длинный, буковка к буковке. Пока они с мужчиной ждут у пере-

хода через дорогу, она показывает на вывеску. *Смотрите,* говорит она мужчине. *СОКИГРИЛЬ.* Смешно. Но мужчина не слушает. Переходя дорогу, он крепко хватает ее за плечо и, не отпуская (у нее потом с неделю не сойдет синяк), тащит в переулок и нажимает кнопку у двери в стене. Кто-то там в доме нажимает другую кнопку, и дверь открывается. Мужчина толкает ее внутрь. Лестница пахнет дезинфекцией. На площадке второго этажа он открывает ключом какую-то дверь и пихает Же в комнату. У окна стоит мужчина. В комнате никакой мебели, никакой обстановки — ни ковра, ни стула. *Пусть сядет,* говорит мужчина у окна. *Я дал ей тридцатку,* говорит первый и глядит на нее. Сесть можно только на пол. Она быстро садится. Мужчина, стоя у окна против света, рассматривает ее с ног до головы. Он идет через комнату, кивая головой и бормоча себе под нос. Подойдя к ней вплотную, он засовывает руку за пазуху. И достает книгу. Мужчина открывает ее и держит над головой Же, в сантиметре над волосами. Он пахнет кремом от облысения. И несколько часов подряд, пока она наблюдает, как свет позднего утра переходит в дневной, а потом в вечерний, двое мужчин поочередно читают заклинания, держа книгу у нее над головой. Они

молятся о ее спасении и прощении. Держатся так, словно ее здесь нет. Наконец, когда один удаляется в туалет, а второй погружается в транс, она встает и уходит. Дверь захлопывается позади сама собой, и вот она снова на улице. Мимо идут люди. На нее никто не смотрит. Ее вырвало в мусорный бак. И сразу охватило чувство дикого голода. Выйдя обратно на оживленную улицу, она заказывает в той забегаловке кебаб. Дает продавцу одну бумажку в десять фунтов и кладет сдачу в карман, где лежат две другие сложенные купюры. У *вас смешная вывеска,* говорит она продавцу, который срезает мясо с крутящегося стержня. Тогда она еще умела произносить слова целиком. *На ней написано: Соки. Гриль. Но между словами нет пробела, и получается соки-гриль.* Но мужчина не понимает. Он бросает на нее равнодушный взгляд и протягивает тарелку. У него на усах жир. Наверное, клевая работа, здесь всегда можно поесть.

Еще: ей четырнадцать, она только что вернулась из школы. Сейчас четыре часа, они с мистером Уайтло трахаются в гостиной. Когда она пришла домой, он был у них. Он торчал тут целый день — развешивал в комнатах жалюзи по просьбе ее матери. Ему перевалило за сорок. Он

похож на Патрика Даффи из «Далласа»[19], только седины побольше. Ее мать наверху, принимает душ. Она ничего не услышит, титан шумит. *О, господи,* говорит мистер Уайтло. Лицо у него блестит от пота, лоб пересекают морщины. Глядя на них, она вспоминает изображение системы отопления в Шотландской Истории, том третий. Он смотрит поверх ее головы. Там по телевизору идет мультик про Вуди Вудпекера[20]. Она слышит музыку и периодически звук трещотки, это Вуди смеется. Неожиданно ее осеняет: а вдруг одновременно мистер Уайтло смотрит телевизор? *О, господи,* стонет он, словно его тошнит от мультика. А потом говорит*: Дженет. Пусти. Пусти спину. Ты слишком крепко держишь. Не впивайся ногтями. Господи. Пусти. Ах ты, маленькая. Ах ты, чертова.* Она делает не так. Она обнимает его слишком крепко. А надо полегче. Хоть режьте, но она понятия не имеет, как это делается. Тут ей вспомнилась Белоснежка, марионетка, что висит на двери ее комнаты с внутренней стороны. Она

[19] Примечания: 19

«Dallas» — один из самых популярных американских телесериалов. Шел в 1978–1991 гг.

[20] Примечания: 20

Woody Woodpecker — дятел, персонаж американского мультипликационного сериала.

представляет, как куклу снимают с крючка и кладут на кровать, расслабив ниточки на ручках и ножках. Она воображает, что у нее такие же руки и ноги, они не имеют к ней никакого отношения и подчиняются только кукловоду. *Вот так,* говорит мистер Уайтло. Он возит ее взад и вперед по вельвету. Она думает про нос марионетки, маленький деревянный колышек на клею. Создатели Белоснежки смастерили и Пиноккио с выдвигающимся носом. Же разбирает смех, когда она думает про нос и про то, что топорщилось у мистера Уайтло под комбинезоном, когда она вошла. Только бы не рассмеяться. Она пытается думать о чем-нибудь другом. На мне были путы, но теперь их нет, думает она. Я больше ничем не связана. Ее голова бьется о подлокотник дивана, и в ней крутится идиотский мотивчик из мультфильма. *Э-эх,* говорит мистер Уайтло. *Умница, Дженет. Ага. Вот умница.*

И еще: они с Эйдом глубокой ночью бродят по Бристолю. Дойдя почти до Брэндон-Хилл, они видят старика, который лежит наполовину на дороге, наполовину на тротуаре. Он пьян в стельку. Из-за акцента они не сразу разбирают его бормотание. *Ноги,* говорит он. *Я не могу встать. Ноги не ходят. Ходят ваши ноги,* говорит ему Эйд.

Ну же, вставайте. Они поднимают старика. В нос ударяет запах виски и новенькой кожи. Они вдвоем поддерживают его, обхватив за плечи. *Я не могу идти,* твердит он все время, пока они ведут его домой. *Подвели меня мои ходули.* Он говорит, что ему семьдесят два года, и объясняет, где живет. *Вы ангелы, небесные ангелы,* говорит он. *Заменили мне ноги. Может, зайдете в гости? У меня есть коробка печенья.* У него комната в блочном доме. Войдя, он включает свет. В одном конце комнаты унитаз, ширма отодвинута. В другом — раковина и плита с конфорками. В центре комнаты — кровать. Старик падает на нее плашмя. *Мои ноги,* говорит он, *совсем не желают ходить.* Эйд делает большие глаза. Он показывает на свисающие ноги старика. Его штаны заправлены в высокие ковбойские сапоги. А сапоги сияют; они великолепно прошиты; на бежевой коже ни пятнышка грязи. Только под коленями и у щиколоток складки. Через минуту старик уже храпит во сне. Эйд осторожно снимает с него сапоги. Они решают переночевать; Эйд уверен, что старик не будет против. Рядом с кроватью — кусок ковра, довольно большой; они вдвоем отлично на нем поместились, только ступни Эйда оказались на линолеуме, а хитрая Же легла, положив ноги на

него. Она поджимает ступни. Проводит пальцами по ногам Эйда; на ощупь они волосатые, с упругими, крепкими мышцами по всей длине. А первое, что она видит, проснувшись наутро, это старые сношенные ботинки Эйда рядом с офигенными сапогами старика. Ботинки Эйда приняли форму ступней. Продетые в дырочки прочные зеленые шнурки, благодаря которым ботинки держатся на ногах, завязаны, чтобы не обтрепались концы. В то утро, вытянувшись во всю длину на куске потертого ковра, Же зевнет, слушая близкое дыхание Эйда, и будет наблюдать, как ослепительный луч солнца карабкается по двум парам ботинок. Потом она будет часто вспоминать то утро, и солнце, и ботинки, как один из редких моментов, когда она была абсолютно счастлива.

Ну вот, опять. Женщина в форме что-то говорит, но Же мутит, и она слушает вполуха. Она смотрит на туфли женщины. Совсем новые, модные, на толстой подошве из прессованного пластика, придающей обуви современный и одновременно допотопный вид.

Женщина поднимается. Но вдруг быстро приседает и что-то поднимает. Держите, говорит она Же, протягивая руку.

Между большим и указательным пальцами у

нее тот самый однопенсовик, который не могла подобрать Же.

Же кивает и берет.

Она ваша, говорит женщина. Чуть не сбежала.

Женщина выпрямляется и уходит. На мгновение застывает на краю тротуара у дороги, глядит налево, направо.

Пока, бросает она через плечо.

Она идет по тротуару обратно, поднимается по ступеням и исчезает в отеле. Стеклянная вертушка вспыхивает бликами: тьма, свет, снова тьма, и снова свет. Же подносит пенс к кучке мелочи у колена. Бросает вниз. Новая монетка тихо звякает, здороваясь с товарками.

Приближается человек, нагруженный покупками.

(Пдт мнтк)

Безнадежно. Больше никого не видать. Же накрывает кучку мелочи уголком одеяла. Вытаскивает из-под себя одну ногу, медленно. Потом вторую, тоже медленно. Уже хватит кашлять. Она старается кашлять потише, ведь ее могут услышать в отеле. Она поднимается на ноги, оттолкнувшись от стены отеля. Ее мутит; она сплевывает. Обычное дело, когда встаешь после долгого сидения. Она восстанавливает дыхание,

ждет, пока поток машин поредеет, и начинает свой путь. Бордюр; помни, Же, надо шагнуть вниз. Один шаг, другой, третий, шаг за шагом; вот полдороги и пройдено. Машина; жди. Еще машина. Пора. Один шаг, другой, третий. Бордюр; шаг вверх.

Сердце Же прыгает от радости. Она кашляет. Смеется. Девчонка не взяла деньги, вот они лежат на тротуаре.

Она опускается на ступеньку и считает. Неплохо, фунта тридцать два — тридцать три. Тридцать три фунта за час-другой, да, славный улов. В десять раз больше, чем у Же. Покажи девчонка свое лицо, они дали бы еще больше. Да не важно. Не важно. Хороший сегодня день, думает Же, ей здорово везет, во всяком случае пока.

С этой стороны дороги отель не просто бросается в глаза. Такое впечатление, что вся улица была построена ради отеля. Он застыл перед Же в позе большого послушного пса. Здание освещено изнутри; фонари, расположенные по всему фасаду, придают ему роскошный, дорогой и загадочный вид. Из стен торчат голые флагштоки; флаги вешают только летом, для туристов, догадалась Же. Если присмотреться, фасад отеля напоминает лицо. Симметричные тенты по обе стороны вхо-

да — веки, а шрамом поперек обоих — надпись «ГЛОБАЛ». Чем выше этаж, тем меньше окна. Некоторые освещены. И все наглухо закрыты. Дорогие шторы смотрятся весьма эффектно. Между ними видны одинаковые лампы. Внизу на уровне первого этажа отель окружает ограда с остроконечными зубцами, выкрашенными в белый цвет. Же вспоминает, что у них в школе была девочка со шрамом на подбородке, она упала на такую вот ограду; острие прошило ей подбородок, рот и язык. Бедняжке накладывали швы.

Над дверью-вертушкой, не уступающей по размерам самому широкому из окон, на каменном своде арки высечена головка не то ребенка, не то ангела, не то амура. От головки отходит одно-единственное крыло, обрамляя каменный лик на манер аккуратной бородки. Несколько столетий назад кто-то стоял на стремянке и высекал детское личико, отрезая куски камня, словно ломти пирога или каравая. Здание отеля весьма старинное. Же думает, сколько же заплатили тому резчику. Много. По трудам. В те времена, должно быть, несколько пенсов. Она думает, интересно, где в конце концов очутились каменные осколки после того, как резчик закончил головку, перья и другие украшения вокруг двери и окон нижних

этажей.

Она начинает собирать монеты с тротуара. По-зимнему темный, холодный, пустой город. Улицы пустынны. Больше ей сегодня нечего ловить.

Заморосил дождь.

Она может занять место рядом с видеотекой, если ее еще не опередили.

Женщина из отеля сказала, что похолодает. Но Же и без того ощущает пронизывающую дрожь.

Она может пойти в ночлежку. В ночлежном доме установлены следующие правила:

а. Места предоставляется только тем, кому иначе пришлось бы ночевать на улице.

б. На территории ночлежного дома запрещено употребление наркотиков и спиртных напитков.

в. Во время пребывания в ночлежном доме постояльцы обязаны вести себя подобающим образом.

г. Постояльцы обязаны вести себя уважительно по отношению к жителям соседних домов по дороге в ночлежный дом и обратно.

д. Ночлежный дом открыт с 17.00 до 9.00. Постояльцы обязаны покинуть ночлежный дом до 9.00 утра.

Же старается не ночевать там без крайней необходимости. Ночлежка — это обыкновенная

комната, где всю ночь не смолкает громкое сопенье, кашель, храп, вопли десятков спящих или проснувшихся людей. В многоярусных стоянках (можно выбрать из трех) лучше, спокойнее, как правило, теплее, и, смотря, кто из охранников дежурит, есть гарантия, что не придется с кем-то разговаривать или трахаться. Только блеск кузовов да масляные пятна на полу, там, где машины стояли вчера и будут стоять завтра. С одиннадцати вечера и до семи утра на верхних ярусах сравнительно спокойно. Тут часто валяются монетки, оброненные автомобилистами в поисках мелочи для билетных автоматов. Свет горит здесь всю ночь. Низкие стены надежно защищают от сквозняка. Много удобных ниш, куда можно привалиться спиной. Видеокамеры; безопасность. Никто тебя не трогает. Как правило.

У нее есть выбор.

Крылатая головка над входом в отель. Вот бы на голове вместо волос росли перья! Было бы клево, если бы голова могла отрываться от тела и летать сама по себе. Же думает, куда бы отправилась ее голова, если бы она сняла ее, подержала в руках, затем, подбросив, запустила ввысь и та полетела бы, удаляясь от груди, живота, ног, рук, машущих ей вслед, планируя в одиночестве ми-

мо стаек озябших скворцов. И вот ей навстречу распахивается синий купол неба. Там в вышине голова должна быть осмотрительна. Держаться подальше от самолетов. Садиться своей шеей-ножкой только на верхушки деревьев, осторожно (чтобы не пронзить подбородок) опускаться на острие главного флагштока и глядеть оттуда на землю. Глядеть и изучать. Под ней раскинется весь город.

Там, далеко внизу, она увидит свои пожитки; спальный мешок, одеяло, дневной заработок. Там она сидит каждый день, прислонившись к стене отеля, как ненужный сверток, куча мусора.

Хватит фантазий. Так и спятить недолго.

Подъехало такси. Человек вышел, расплатился через окошко, поднялся по лестнице и вошел в отель.

Она может переночевать в отеле.

Сегодня она может переночевать в отеле.

Та женщина предложила ей номер в отеле; предложения, исходящие от женщин, никогда не бывают такими опасными, как мужские. Оно и понятно. Как правило, женщины слабее, да и вообще куда реже склонны причинить вред, хотя отнюдь не прочь соврать. Но она все проверит. Если что не так, она поднимет хай. В отеле точно

должны быть люди. Там есть служащие, которые убирают номера, по крайней мере, раз в несколько дней. В общем, если она попадет в передрягу, кто-нибудь обязательно окажется рядом.

Она ничем не связана. Кто знает, что ее ждет?

Может, деньги.

Может, неприятности.

А может, наоборот.

Может быть, это каким-то мудреным, загадочным образом приведет к счастливому повороту в ее судьбе.

А может, случится то, о чем она не знает, даже не догадывается, но все же. Все, Же. Но нельзя отрицать, что до сих пор день складывался весьма удачно. Она наклоняется назад, чтобы дотянуться до дверной рамы выставочного зала. Прикасается к дереву. Сегодня был очень хороший день. Что бы за этим ни стояло, номер с кроватью на ночь, в конце концов, не самое худшее.

Она горстями опускает деньги девчонки в дырявый карман пальто, откуда они проваливаются в подкладку.

Она перейдет дорогу, подберет деньги, которые спрятала под одеялом, и тоже положит в карман. Потом с видом человека, решившего переночевать в отеле, пойдет по тротуару. Она пройдет под

крылатой головкой. Толкнув вертушку и ощутив волну тепла, запах жаркого и подливки — таков вечный воздух отелей, — она уже не в состоянии различить фантазию и реальность. Ее никто не останавливает. Она идет по ковру, утопая в нем, как в густой грязи, мимо кресел, размером с нее, не меньше. Пока ее никто не останавливает. Конторка доходит ей до плеч. Та девушка говорит по телефону. В ярком свете она другая, деловая. Говорит очень громко, с акцентом, который отточен до стиля. Слова вылетают у нее изо рта, точно из точилки. Же представляет, что кто-то поработал над ними острыми фестонными ножницами; тонкие стружки неизвестного материала, откусанные острыми зубцами и осторожно снятые со слов служащей, плавно падают на пол и ложатся под столом у ее ног, как реплики персонажей старинных комиксов или религиозных полотен, написанных сотни лет назад.

Регистраторша нажимает кнопку на аппарате, убирает трубку от лица и поворачивается к Же.

Слушаю вас, говорит она.

А потом: А. Да-да. Итак, чем могу помочь?

Же прокашливается, сглатывает.

Хотите снять номер? говорит женщина. На одну ночь?

Же кивает.

Женщина опасливо оглядывается, сразу становясь моложе, неувереннее. Потом коротко кивает.

Итак, номер на ночь, громко произносит она. Конечно, мадам. Одну минуту.

Она барабанит по клавишам компьютера, задумывается, допечатывает. Потом нажимает кнопку. Где-то в коридоре звенит колокольчик. Же приготовилась бежать к выходу. Но все спокойно. Женщина поднимается и снимает со стены ключ.

Же подавляет клокочущий внутри кашель. Он рвет ей грудь, но она сдерживается. Положив руки на конторку, женщина ждет, пока Же станет лучше. Же, видит ее нагрудную табличку с надписью Л.А.Й.З. Она думает, а какое у нее полное имя?

Номер 12, говорит женщина. Завтрак входит в стоимость номера.

Лицо Же искажает паника, но женщина тихонько качает головой. И продолжает скороговоркой: по любому вопросу обращайтесь сюда, в регистратуру. Наш коридорный проводит вас до номера. Надеемся, вам понравится пребывание в отеле «Глобал».

Она протягивает ключ. Же берет. На нем брелок в несколько раз больше самого ключа. Он больше ладони и запястья Же вместе взятых.

Н хрн сб, говорит Же.

Лицо регистраторши озаряет луч восторга.

Второй этаж, говорит она с улыбкой.

Же в номере. Она лежит в ванной и смотрит на краны.

Яркие разноцветные бутылочки с шампунем и гелем для душа так похожи на пузырьки с детской микстурой, что она открыла одну и попробовала содержимое на язык, словно оно могло облегчить ей кашель. Она уже полюбовалась белизной полотенца, перехваченного картонным обручем с буквой Г, значит, «от Глобал». Где-то на далекой фабрике или мыловарне человек специально завернул мыло, чтобы перед мытьем его надо было развернуть, словно подарок. Рядом лежат ватные шарики, каждый в отдельной бумажке. При взгляде на эти шарики-одиночки Же стало грустно. А теперь она не может оторвать глаз от кранов.

Оба крана всегда ослепительно сияют. Каждый день кто-нибудь приходит и натирает их до первозданного блеска. В каждом серебристом изгибе длинных шлангов, в тупых рыльцах сверкающих

ручек Же как в кривом зеркале видит себя в ванной, всю розовую, в пару, сжатую отражением почти в точку. Она пытается отнестись к этой карикатуре с юмором. Пигмей. Цирковой уродец. Но она знает, что смутный силуэт — не кто иной, как она сама, маленькая и несчастная.

У отверстия одного из кранов вода собирается, набухает в каплю и обреченно падает в полную ванну, где становится еще полноводнее. Струйки влаги сбегают у Же по лицу и по груди, разделяя ту же участь: падая, они сливаются с массой воды.

Же съеживается в своем конце ванны и видит, как съеживается отражение в кранах.

Вот это был кашель, всем кашлям кашель, лучше не бывает; но она дала себе волю лишь после того, как парень/мужчина в гостиничной форме, не поднимавший глаз всю дорогу по лестнице и по коридору, ушел, а она заперла дверь, оказавшись наедине с четырьмя стенами и ванной — целой комнатой за отдельной дверью. Оставшись одна в номере, она заурчала и рявкнула, как лев. Потом бросилась плашмя поперек роскошной кровати; ей было охренительно больно, наверное, именно так бывает при родах, подумала она. Она разродилась кашлем. Поздравляем! Счастливая мамаша двойни — соплей и слизи

— издала смешок. Он отдается в ванной громким эхом, Же аж вздрогнула. Ей помог теплый кондиционированный воздух, щекотавший горло, как докторское перышко. Какой кайф — кашлять в комнате, где кроме тебя — никого, прокашляться всласть в тишине своего личного пространства, где некому пялиться (или *не* пялиться, что порой еще хуже). Что за дивное, упоительное наслаждение — вычерпать свои пожелтевшие гнилые внутренности, отправить из нутра в рот и выплюнуть, отхаркать в воду унитаза, услышав всплеск от падения, увидеть, как они тонут, и смыть прочь в никуда; вот это клево, честное слово; заперев дверь номера, она сразу стала колотить себя по груди, словно молотом по камню, дробя там все и выплевывая, решив отправить в чистенький унитаз для богатых побольше этой мерзости, и вот наконец ее одежда свалена на полу влажной грудой, а сама она, мокрая от струящегося пота, лежит в ванне ослабевшая, в изнеможении, мышцы ноют после взбучки, и все же оно того стоило.

Обстановка номера выдержана в едином стиле. В холодильнике — напитки и сладости; на дверце Же читает памятку: *Добро пожаловать в мини-бар «Глобал». В мини-баре установлен лазерный датчик. Предметы, взятые из мини-бара*

более чем на двадцать секунд, автоматически заносятся на счет постояльца. Вы найдете прейскурант нашего мини-бара в брошюре «Информация об отелях „Глобал“». Администрация отеля убедительно просит постояльцев не хранить в холодильнике посторонние предметы; это отразится на показаниях лазерного датчика. Отели «Глобал». По всему миру. Кровать в номере превосходная. Она пахнет особой чистотой, так не пахнет даже в магазинах, где продаются вещи, которыми еще никто не пользовался. На подушке лежит сложенная пополам карточка с таким текстом: *Вы можете набрать 0 для вызова горничной, которая расстелет Вашу постель перед отходом ко сну. Отели «Глобал». Для нас вы — мир.* Прочитав карточку, Же думает: может, дело в огромном количестве покрывал? Из-за них постель становится такой неподъемной, что расстелить ее можно только вдвоем? В номере есть ковер, кружки с буквой Г; электрический и заварочный чайники и маленькие пакетики с кофе и чаем. Чая — несколько сортов. Же заглянула в ящик комода. Там лежал фен.

На внутренней стороне двери висит *Прейскурант номера. Отели «Глобал». По всему миру.* Рядом огромное зеркало. Же не стала смотреть-

ся. В номере семь разных ламп. Же включила только одну. В гардеробе, белее призрака, висит халат из ткани для полотенец. На дне гардероба — прямоугольник из неизвестного материала, на котором нарисованы ботинки. Тут же лист бумаги с длинным списком. Же читает его в ванной. *Обслуживание номеров. Имя… Номер… ХИМЧИСТКА. Костюм-тройка £10.50 Костюм-двойка £8.40 Пиджак Брюки Пальто вместе £5.40 за каждый предмет Пальто отдельно £10.8 Спортивная/Кожаная куртка £5.80 Трикотаж £3.90 Платье повседневное £5.00 вечернее £9.00 Юбка обычная £4.00 плиссированная £7.00 Шелковая блузка/рубашка £6.00 Галстук £3.00 Жилет £4.90.* На листке, который лежит на полу в ванной рядом с грудой одежды, следы мокрых пальцев, Же читала его в воде. Прежде чем положить листок на место, ей придется его просушить (например, феном).

Когда парень/мужчина, который проводил ее в номер, закрыл дверь с той стороны, Же немного постояла у двери. Через минуту-другую присела на край кровати. Какая высокая; Же не доставала ногами до пола. Она посидела немного, читая сегодняшнее меню. Окорок паштет панчетта салат тальоне из креветок с чесноком и парме-

заном колбаски из оленины картофельное пюре крем-брюле ликер гран-марнье сезонные фрукты парфэ. Потом у нее начался кашель. Когда полегчало, она попыталась открыть окно, но то ли оно заклинило, то ли у нее силенок не хватило. Потом она решила принять ванну. Сняла ботинки, носки, джинсы, пальто, свитер, второй свитер, рубашку, майку с безрукавкой и взяла все с собой в ванную, а то мало ли что.

Теперь она лежит в ванне и смотрит на краны.

Ей не впервой чувствовать себя важной птицей. Да, не впервой, она ничем не хуже постояльцев отелей. Как-то весной в прошлом или позапрошлом году одна журналистка привела фотографа, чтобы снять вещи, которые носят в карманах бездомные. Же вывернула карманы на тротуар, и мужчина все сфотографировал. Он делал снимки для воскресной газеты. Содержимое карманов Же могли увидеть тысячи людей. Журналистка записала, как ее зовут; рассматривая вещи на снимке, люди могли прочесть рядом ее имя; возможно, фотография ее имущества вместе с именем проникли через глаза в мозг, а потом и в память миллионов читателей.

Она давно позабыла об этом событии.

Сейчас у нее не осталось ни одной из вещиц,

что она носила в карманах тогда.

Краны как краны. Дурацкие хреновины. Они способны лишь подчиняться посторонней силе. А как же иначе? Как, Же, иначе? Она тянется вперед и отворачивает ручку крана с горячей водой. До упора. Теперь вода бурлит у нее по бокам. Когда становится нестерпимо горячо, она вылезает, не выключая крана, а когда вода доходит до края ванны, она решает выдернуть заглушку. Цепочка так нагрелась — не дотронешься. Же оборачивает руку носком, опускает ее в кипяток, выдергивает цепочку из воды и быстро-быстро руку — из носка. Вода из крана обрушивается в ванну почти с той же скоростью, с которой утекает в сток. Же сидит на своей одежде в клубах пара.

Она решила не вытираться полотенцами; слишком уж они белые, эти свернутые треугольники на стеклянной полке рядом с унитазом. В комнате она досуха вытирается свитером. Потом вешает влажный свитер на батарею.

Кто-то в соседнем или верхнем номере смотрит телевизор. Же слышит бормотание приглушенных голосов, а приглушенную музыку будто засасывает в воронку, мелодию не разобрать. По стеклу текут капли дождя. Же включает свет. Если бы девушка в капюшоне, чьи денежки она

прикарманила, до сих пор сидела напротив отеля, то увидела бы ее в окне голышом.

За такое зрелище стоит выложить тридцатку, подумала Же.

На тротуаре перед Миром ковров безлюдно. Ночная дорога тоже почти пуста. Проезжает машина; ее двигатель издает пронзительный свист.

Вдруг Же замечает, что окна в отеле толще, чем обычные. Вот почему они не открываются.

Ей очень жарко.

Она смотрит на проезжающую машину. На мокрой дороге свет фар всегда кажется ярче. Полыхающая неоном надпись Мир ковров в витрине выставочного зала бросает цветные блики на умытый тротуар; оранжевый, красный, желтый; снег с дождем смешал цвета. Она думает, интересно, если встать внутри магазина вплотную к витрине — слышен ли оттуда дождь, громче ли звук проезжающих машин. Провести ночь в этом зале. Вот был бы улет. Там внутри свежий воздух и прохладно. Можно каждую ночь выбирать для ночлега новый ковер. Можно разглядывать их в свете неоновых букв. Можно раскатать ковры, по которым не ступала нога человека, и стать первым существом, коснувшимся

их поверхности.

А как же ее одеяло и сумка? Вещи промокнут под дождем.

Она должна за ними спуститься.

Она должна пойти и проверить, есть ли в выставочном зале задняя дверь или окно. Можно пойти туда, не откладывая. Рулоны ковров доходят до самого потолка. Сколько же их там!

Как только высохнет свитер и носок, она уйдет. Она заберет свои вещи, и если в выставочный зал нельзя пробраться сзади, она пойдет в многоярусную стоянку на Бэнк-стрит.

Однако сначала надо сесть на кровать и сосчитать деньги. Она сложит монетки столбиками, пенсы отдельно от двушек, двушки от пятаков, пятаки от гривенников, гривенники от полтинников, полтинники от фунтов, выстроит столбики в ровную шеренгу, словно бухгалтер в рассказе или романе столетней давности, тогда скрупулезный подсчет пенсов имел в сюжете огромное значение и мог стать исчерпывающей характеристикой целого персонажа.

Же сидит на кровати голышом, держа в руках пальто, подкладка которого отяжелела от монет. Она ложится на спину. Головой на тугие подушки. На лбу у нее то ли пот, то ли капли воды, она

не знает. Же закрывает глаза. Она до сих пор помнит все вещи, которые снял тогда фотограф, вещи из своих карманов, разложенные на тротуаре. И видит рядом свое имя. ДЖЕНЕТ. Она не сказала им фамилию.

Вещи из карманов Же на фотографии в газете «Воскресный мир»[21]:

Синяя пластмассовая прищепка.

Карандаш, который она нашла на улице у книжного магазина.

Открытка мужчины в гондоле, правда вся помятая, в сгибах, которую она хотела послать родителям из Венеции; старомодная открытка, цвета на ней лишь притворяются яркими.

Небольшой моток проволоки.

Коробок спичек.

Чайная ложка.

Расческа.

Монетка в десять центов.

Вкус серебра, металлический, островато-кислый.

Вода из крана в ванной все течет, с максимальным напором. Похоже на звук ливня. Еще минута, и она откроет глаза, встанет и уйдет. Она натяги-

---

[21] Примечания: 21

«The Sunday World» — самый популярный ирландский еженедельник.

вает пальто прямо на голое тело. Мелочь тяжело рассыпается по подкладке. Она закутывается в пальто с ногами. В комнате вроде бы тепло, но в то же время зябко.

Она чувствует пульсацию своей крови; даже видит. Правда, видит — с внутренней стороны век, в мельканье белых и черных точек. Зрачки под веками расширяются и сужаются в ритме пульса, подобно венчикам солнцелюбивых цветов в ускоренной съемке или чуткой диафрагме фотоаппарата.

Будущее условное

О себе — продолжение.

Если Вы будете испытывать затруднения при заполнении этой анкеты или ее части, звоните по номеру 0800 88 22 00.

Расскажите о себе.

Итак. Я хороший человек.

Это происходило где-то в будущем. Лайз лежала в постели. Вот, в сущности, и вся история.

Через минуту она приподнимется и сядет. Потом, восстановив силы, она займется поисками карандаша в складках одеяла и заполнит анкету.

Потом она зачеркнет слово хороший и напишет сверху больной.

Я больной человек.

Так она и сделает. Обязательно. Через минутку. Сколько минут в одном часе? Когда-то она это знала, просто знала, какие-то вещи люди просто знают, и все. Сколько часов в одном дне, сколько недель в году? Такие вещи знает любой ребенок, это помнят до конца жизни. Но случаются дни, когда она не может вспомнить, сколько месяцев в году. Или какой месяц сейчас на дворе.

Лето было в разгаре, значит, была середина какого-то летнего месяца. Она не могла сказать, какого именно, а еще — в каких месяцах тридцать дней, в каких тридцать один, а в каких тридцать два. И даже — какой сегодня день недели. Но (возможно) сумеет сказать завтра.

А сегодня она точно знала следующее:

Мацола
Чистое кукурузное масло
Мацола
Сохраняет аромат
Мацола
Вы чувствуете не масло
А только вкус еды
С Мацолой.

Голос, поющий в голове Лайз песенку про Мацолу, тот самый женский голос, что пел ее много лет назад в перерывах между передачами через динамики, вмонтированные в стенки телевизора, был приветливым и бодрым. Мацола сохраняет аромат. Сначала появляется бутылка масла, а потом аккуратные натруженные женские руки кидают ломтики картошки на бумагу для выпечки и тут же стряхивают, демонстрируя за секунду миллионам зрителей, что картошка совсем не жирная, а на бумаге почти не осталось масла.

Лайз сделала выдох. Потом вдох.

Лайз лежала в спальне своей квартиры на седьмом этаже многоэтажки, окна которой выходят на стены других многоэтажек. Люди в верхних и нижних квартирах жили обычной жизнью. Волочили по полу кухонные стулья, открывали и закрывали входные двери, включали и выключали телевизоры и приемники, что-то кричали через стены своим любовникам и домочадцам. Во внешнем мире люди привычно шли по своим делам. К примеру, за покупками. Они входили в супермаркет и не чувствовали головокружения и дурноты ни от количества людей, совершающих покупки, ни от количества продаваемых вещей, представьте все это в одном крытом помещении да плюс треск кассовых аппаратов, выдающих чеки за купленные вещи, и пестрая радуга всевозможных товаров, танцующая пополочно, от ряда к ряду.

Пополочно. Есть ли такое слово? Она не может вспомнить. Она не уверена. Лайз моргнула. На глаза опустилась тьма и тут же сгинула. И в голове, прямо за лобной костью, обтянутой кожей, вновь зазвучала песенка про Мацолу. Мацола, чистое кукурузное.

Лайз лежала в постели. Лежала и ничего не

делала. Она должна была что-то написать. Она ждала, пока вспомнит, что. Мысли медленно шевелились у нее в мозгу, словно пласты торфа, вскопанного человеком, которого она еле различала далеко на горизонте, на краю нетронутого поля, человеком, превращенным расстоянием в букашку, с движениями до того медленными от старости или усталости, что он с трудом ворочал лопатой.

Лайз чувствовала себя не фонтан.

Фонтан: прозрачное слово, уходящее в глубину, которую здоровые люди измеряют ради смеха, кинув монетку, и, перегнувшись с головой через бордюр, стараются услышать, как она упадет на дно там под водой, чтобы загадать желание. Интересно, чего могут желать здоровые люди, обладая всем на свете? Не-фонтан: фонтан со знаком минус. Там все вещи, должно быть, плоские, просто часть пространства, которая не заслуживает описания. Там нет жизни. Там ничего не происходит, во всяком случае пока.

Но Лайз, лежа в постели без движения, ощущала иное: она будто перегнулась через бордюр вроде описанного в предыдущем абзаце, и падала в бесконечное ничто уже много дней, как Алиса в колодец, размышляя сквозь дрему о кошках

и мошках, подчиняясь лишь тупой силе притяжения, там, где каждая секунда была растянута в тончайшую струну, до предела, так что можно было разглядеть ее жилы; и на протяжении долгих секунд этой вечности она (Лайз) словно не двигалась с места, хотя на самом деле стенки колодца проносились мимо нее со скоростью тысяча, а может, миллион миль в секунду, изогнутый монолит выщербленных холодно-склизких кирпичей находился в каких-нибудь сантиметрах от кончика ее носа и подбородка, от суставов рук и ног, а все тело было напряжено, наизготове, в ожидании неминуемого удара о водную гладь.

Значит, где-то в прошлом случилось событие, требующее внимания, события, последствия которого тянулись оттуда в настоящее и будущее, и Лайз все пыталась вспомнить, что это было. Но единственное, что вспомнилось ей в это утро, все крутилось и крутилось у нее в голове песенкой из глупой рекламы. Если не звучала песенка про Мацолу со своим навязчивым масляным обещаньицем, то прорывался гораздо более высокий и чистый женский голос: Принеси мне яблок, Принеси (не помню что), Принеси орехов, Принеси муки, Принеси всякой всячины из магазина

Келлогз[22].

Этот голос (не отпускавший ее потом столько лет) создавал впечатление, что его обладательница выросла на здоровых, качественных продуктах; голос как будто давал понять, что именно их ежедневное потребление позволило ей стать успешной, восходящей по социальной лестнице певицей легкого классического репертуара и наградило безупречной в нравственном отношении работой — петь по телевизору об этих распрекрасных продуктах для блага общества.

Снаружи светило солнце. Ей-то какое дело.

Да, Лайз должна была что-то написать. Но что?

Я (…) человек.

Она знала, что карандаш где-то на одеяле или под ним.

Она решила, что вряд ли сумеет пройти через всю комнату и взять блокнот с подоконника.

Дидри подаст, когда придет.

Но вдруг Лайз понадобится сделать запись до ее прихода? Что, если она все вспомнит и решит записать до появления Дидри, чтобы не забыть? Например — на телефонном справочнике. Справочник лежал у телефона. Телефон стоял

---

[22] Примечания: 22

«Kellogg's» — сеть супермаркетов в Великобритании.

у кровати. Чтобы дотянуться до справочника, требовалось минимальное усилие, и тогда оттуда можно вырвать страницы и записать все, что надо. Можно использовать внутреннюю сторону обложки, потом первые страницы, где точно должны быть пробелы, а потом — свободное пространство на страницах со столбцами номеров, а можно писать по краям, на полях; ей бы наверняка хватило места. Она знала, что сказать ей практически нечего. Все, что она в принципе хотела сказать, вряд ли заняло бы больше места, чем колонка фамилий на букву А в полном списке жителей ее района.

Но вырывать страницы — задача не из легких. Она могла бы положить телефонный справочник на колено, но груз жизней тысяч незнакомых людей казался ей неподъемным. Надо же, у нее в руке и так зажат сложенный листок бумаги, ждет своего часа. Так о чем бишь речь?

О себе — продолжение.

Через минуту она сядет и найдет этот карандаш.

Записывайте свои симптомы, сказала доктор. *Ведите дневник самочувствия, своих ощущений.*

Расскажите о себе. Я хороший/больной человек.

Лайз лежала в постели. Она собиралась заполнить анкету. Это было очень важно. Она держала анкету в руке. Возможно, не первый час; она не помнила, как брала ее со стола или доставала из конверта. Она могла проспать или провалять-ся с анкетой в руке несколько дней. Кто знает? Она спросит Дидри, когда та придет. *Анкета для определения степени нетрудоспособности. Не откладывайте заполнение и отсылку анкеты, иначе вы потеряете потраченные деньги.* Сколько дней я держала анкету в руке? думала Лайз. Интересно, я потеряла деньги?

Дидри наверняка знает.

Лайз начнет писать, как только почувствует силы. Я. Как только найдет карандаш.

Хороший человек. Точнее, стараюсь быть хорошей. Входя и выходя из магазина, я придерживаю дверь для пожилых людей, для матерей с колясками, да для кого угодно — человек, идущий следом или навстречу, не обязан иметь грудничка или быть старухой. Меня передергивает, когда в новостях показывают трупы в разных уголках планеты, я сочувствую родственникам погибших, чье горе демонстрируют по телевизору; я переживаю за тех, кто живет в горячих точках. Переживаю за детей, которых обижают родители

или старшие братья и сестры. Переживаю за жертв пыток. За собак, которых привязывают к хитроумным устройствам и заставляют курить, за лошадей, разводимых ради эстрогена, чьих жеребят безжалостно забивают. Переживаю за вегетарианцев, для которых в ресторанах нет особого меню и над которыми принято издеваться, однако не меньше — за тех, кто ест мясо, но ущемлен в своих законных демократических правах, за курильщиков, страстно мечтающих о сигарете в зданиях, где курить запрещено. Меня беспокоят легкие курильщиков. Я всегда помогаю людям с тяжелым багажом подняться по ступенькам автобуса. Я вежливо веду себя в очереди. У кассы я всегда пропускаю вперед тех, у кого меньше покупок. На дороге я сама любезность. Я практически никогда не превышаю скорость в жилых районах. Стоя в пробке, я пускаю в ряд водителей с боковых дорог. Я уступаю.

Я не важная птица. И не святая. Я не хочу переделать мир. Но, увидев на полу паука, я всегда накрываю его чашкой или стаканом, осторожно подсовываю под низ открытку, чтобы не повредить бедняге лапки, и выпускаю на улицу через входную дверь. Ведь это хорошо? Если в отеле есть сверхурочная работа и кому-то хочется ее

получить, я уступаю. А если кто-то просит поменяться сменами, я охотно соглашаюсь, если свободна.

Соглашалась. Делала. Была. Все на свете — машины, автобусы, работа, магазины, люди — все, кроме постели, в которой она лежала, относилось к прошедшему времени. А вот настоящее: я больной человек. Я ничего не делаю. У меня болит кожа. У меня болит лицо. Болит голова. И руки. И плечи, и спина, и ноги, и ступни, как правило, по очереди, но бывает, что всё одновременно. Боль гуляет по моему телу, забивая крохотные межевые столбики, будто закрепляя права на новую территорию. У меня кисти словно из камня. Они тянут руки к земле. Когда я ходила к врачу — больница находится не так недалеко, в какой-нибудь сотне ярдов, хотя теперь даже маленькая комната кажется мне пустыней, бескрайней, вылизанной ветром равниной, простертой от одной стены до другой, — тогда я поняла, что значит замедленное движение в кино. Тогда мое сердце подпрыгнуло в последний раз и забилось в груди, как птица, залетевшая в дом, как дрозд, что мечется по гостиной, ударяясь о нелепые предметы.

С тех пор я ни разу не выходила из квартиры,

не спускалась по лестнице и не появлялась на улице.

Каким тесным стал мой мир! А каким был необъятным! Недавно по телевизору показывали Париж. Вид города вызвал у меня панику — толпа народа, тучи смога, рев машин, и так день за днем.

С тех пор я перестала смотреть телевизор. У меня болит сердце. Словно в нем рана. Мои глаза болят от света. Темнота охватывает меня подобно апатии, я боюсь, что апатия тоже принесет боль, которая исподволь раздирает мне внутренности, и что одним кошмарным утром я проснусь и почувствую: она здесь.

Я сплю беспокойно. Я долго лежу без сна, пока снова не погружаюсь в беспокойное забытье.

Я не знаю, когда смогу — и смогу ли вообще — снова что-нибудь делать.

Лайз лежала в постели. Она думала, как лучше изложить все это в анкете.

Ее врач покачала головой; *честно говоря, мы не обнаружили у вас никакого заболевания,* сказала она. С таким, знаете, милым видом. Ведь она ничем не могла помочь. *Возможно, вы страдаете неизвестным заболеванием. В этом вы не одиноки. Вот, к примеру, посмотрите, у вас немного*

повышенный уровень лимфоцитов и моноцитов. Это может означать, что вы недавно перенесли легкую вирусную инфекцию. Но, возможно, у вас ничего не было, возможно, для вас это в порядке вещей.

Лайз лежала в постели. Дидри придет в четыре. Вот это — в порядке вещей. Сегодня Лайз способна вспомнить только песенки про всякую белиберду; про пластиковые бутылки и картонные пакеты с хлопьями, про продукты, изготовленные и съеденные сто лет назад, давным-давно сгнившие или закопанные в землю. И в этом кто-то виноват. Это Дидри виновата, что Лайз могла припомнить лишь рифмованную чепуху. Она сидела у Лайз в крови, как микроб; в конце концов, она и сама появилась, чтобы продолжить жалкую родословную. Дурацкие словечки и жалкие хромые рифмы сидели у нее в генах, ха-ха. Она расскажет об этом Дидри. Может, та развеселится. В какой-то момент и сегодня, как в предыдущие дни, часы пробьют четыре. Мгновенья сложатся в минуты, минуты в часы, наконец, стрелки часов образуют лихой излом, дверь распахнется, и войдет ее мать, триумф и стихийное бедствие во плоти. А вдруг ее мысль о генах медицински обоснована, и, помимо го-

ловной ревматической мускульной зубной боли мигреней простудных симптомов лихорадки невралгии тошноты непонятных ощущений и тому подобного, врачу следовало узнать и об этом? Возможно, это было важно. За моей спиной, подо мной, нет, вы послушайте, доктор, в земле, глубоко подо мной во тьму веков тянется вереница моих предков, в генах которых, возможно, сидел тот самый штамм безвкусицы, что достался мне по родословной непосредственно от матери. Она ничего вам об этом не говорила? Точно?

Тогда, в детстве, Лайз мучила мысль: куда разошлись тысячи пластинок с лицом ее матери на конверте? Кто купил их и принес домой, какие комнаты они повидали? И где они теперь? Эта улыбка. Проникновенный голос. Может, в пластиночном раю? Или лежат стопками в магазинах подержанных товаров, за крадеными проигрывателями? А может, они заперты внутри допотопных музыкальных автоматов по соседству с допотопными костюмами-тройками дома у ее престарелых поклонников вместе с альбомами Вала Дуникана, Лины Мартелл, Бобби Краша, Лины Заварони?[23] На гребне славы Дидри еже-

[23] Примечания: 23
Известные поп-исполнители 60-х гг.

недельно выступала в телепередаче с куплетами собственного сочинения на темы последних новостей. Самое популярное ее творение, Старая перфокарта, подобралась к вершине хит-парада Сто лучших поп-синглов; это была шуточная жалоба перфокарты, испещренной мелкими дырочками, на появление новых компьютеров, которые вытеснили ее с товарками из употребления. Дидри совершила турне по провинции и осчастливила автографами на альбомах множество пенсионеров.

То было двадцать лет назад, когда Лайз была маленькой. Теперь тогдашние пенсионеры в могилах, ее седеющей матери давно за пятьдесят, и она время от времени выступает по местному радио, а слушатели потешаются, передразнивая ее акцент. Прошедшие годы принесли ей много горя. Дидри, утоли моя печали.

С болезнью Лайз на нее свалилось счастье. Ровно в четыре часа, пританцовывая в такт музыкальной темы собственного сочинения, она влетала из коридора в комнату, как чертик из коробочки, как героиня третьесортной комедии в комнату больной дочери, не настоящую, а сооруженную армией профессионалов — повсюду столики, ящички, безделушки на стенах,

разбросанные книги, которым полагается находиться в обычных комнатах, — зрители видят три стены и готовы ржать и хлопать в ладоши, покатываясь от тупого каламбура, неудачной остроты и пошлой шуточки, уже как следует закусив расистскими или в меру неприличными анекдотами комика на разогреве. И тут навстречу теплым аплодисментам выплывает Дидри в воздушном шарфике, вроде бы само сострадание, но все-таки сияющая от счастья, потому что именно в этот период своей жизни (период как отдельная совокупность более-менее последовательных моментов жизни, которая состоит из тысяч, даже миллионов головокружительных возможностей) она веселее и счастливее, чем долгие-долгие годы, и вся раздувалась от великой важности своего нового великого проекта.

Знаешь, на полном серьезе сказала она Лайз в первый же день своей счастливой жизни, через три недели, как та слегла, сказала, опустившись на колени у ее кровати и приблизив лицо почти вплотную, но так, чтобы оно не расплывалось в неясное пятно, с тобой происходит нечто сокровенное, чудесное. Помнишь, как у Уильяма

Данбара?[24] Что-то такое, слаб и растерян человек, как ива на ветру. *Сей преходящий мир — обман*[25], помнишь? Твоя болезнь — откровение. Мистическое состояние духа. В нашем мире безумие — признак гениальности, моя девочка; в безумии пророков посещали откровения; и тебя ждет нечто подобное. Нет худа без добра, Лайз, так ведь, нет худа без добра, верно?

Твоя девочка! На ковре, перед крепко зажмурившейся Лайз сидела Дидри с восторженной улыбкой. Она прямо тряслась от возбуждения. Через какое-то время Лайз услышала, как мать встала и пошла мыть руки (она часто их мыла, боялась заразы). Она напевала и в ванной, возясь с полотенцами. Вот оно — истинное вдохновение. Через три дня она объявила о начале работы над новой эпической поэмой «Отель — мир».

Сейчас, лежа в постели, Лайз лишь туманно припоминала суть отрывка из этого опуса, прочитанного матерью; предмет гордости Дидри, метафизическая белиберда о сети отелей «Глобал», в которой работала Лайз, с рифмами вроде спиральный — спинальный, вечность — увеч-

---

[24] Примечания: 24
Данбар Уильям — английский поэт (1456?—1513?).

[25] Примечания: 25
Из стихотворения У.Данбара «Плач по Творцам».

ность, вдохновленный — зараженный. (Если бы кто-то попросил Лайз процитировать строчку-другую, она бы вспомнила от силы пару слов, а вот как на самом деле выглядела, к примеру, четвертая строфа:

Когда-то ты стояла в Холле,
Моя дочурка, на часах.
Теперь ты заперта в неволе,
Как постояльцы — в Номерах.
Здесь ключ в двери — предупреждение,
Вид из окна — лишь точка зрения.
Вся атмосфера — принуждение,
А в мини-баре — Страх.)

Дидри садилась у нее в ногах, помахивая вертикально поднятой шариковой ручкой. Почти каждый раз она просила, ну, расскажи мне что-нибудь. Ну же, доченька. Сегодня-то сможешь? Я помогу тебе сосредоточиться. Постарайся ради Дидри. Лайз. Лайз! Расскажи мне что-нибудь. Например — про свой отель. Про обычные, ежедневные дела. А уходя в половину седьмого, она снова повторяла уже в дверях: и все-таки, Лайз, если будешь в состоянии, если почувствуешь силы, запиши для меня все, что с тобой произошло.

Все, до малейшей подробности. Кто знает, это может быть важно.

Дело продвинулось лишь до восьмой строфы, а Дидри задумала целую поэму; в расчете на долгую упоительную болезнь. Но главное, самое главное, что Дидри придет. Вот-вот придет. Даже в зоне безвременья, где втайне от суматошного внешнего мира протекают дни больной, в четыре часа наступает время Дидри.

Лайз лежала в постели, рассматривая переплетения проводов на потолке. Лежать в кровати и смотреть вверх было мучительно. К голове по шее текла пульсирующая боль. А оказавшись под черепом, бурлила в извивах мозга. Боль пахла экскрементами и псиной. Боль растаптывала в прах все, что знала Лайз. Она была тяжелее стада бизонов. Она поднимала пыль, сквозь которую до Лайз доносился гул. *Опиши мне все, что с тобой произошло,* жужжала мать-поэтесса. *Опишите свои симптомы,* говорила врач. *Заполни меня,* требовала официальная анкета в руке. *Принеси мне яблони, принеси, не помню что,* пела женщина из супермаркета, грациозная, цветущая.

Принеси не помню что. Она никак не могла вспомнить слово из песенки про супермаркет Келлогз, и это сводило ее с ума. Сколько в этом

слове слогов, два или три? Лайз не помнила. Вы чувствуете не масло. А только вкус еды. Во всей песенке была только одна рифма: слово Мацола рифмовалось само с собой. Слава богу. Какое облегчение! Просто, как кукурузное масло.

Как заполнить оставшуюся часть анкеты

В разделе ***Дополнительная информация*** *на каждой странице опишите своими словами, каким образом ваша болезнь / нетрудоспособность влияет на выполнение повседневных дел. Опишите:*

боль, утомление, затрудненность дыхания, которые вы ощущаете при выполнении повседневных дел

боль, утомление, затрудненность дыхания, которые вы ощущаете после выполнения повседневных дел

Вам необязательно выполнять действия, перечисленные в анкете. Напишите, способны ли вы их выполнять, исходя из ощущений, связанных с вашей болезнью / нетрудоспособностью.

При необходимости вы можете продолжить описание на ***стр. 18****.*

Лайз лежала в постели. А может, полеживала? Лежала и симулировала? Лайз засомневалась. Ей стало не по себе. *Возможно, вы здоровы. Докажи-*

те, что вы действительно больны, говорилось в анкете. Она старалась двигаться как можно меньше. Она просто роняла страницы на пол, пока не дошла до восемнадцатой. Та была почти в самом конце анкеты. Дополнительное место было размером 6 на 6 дюймов. Что бы ей такого написать. Но рука бессильно упала; она слишком долго висела в воздухе и начала побаливать.

Она может написать о том, что при каждом визите жаждет услышать любопытная Дидри.

Возможно, Дидри позабавило бы открытие, что знакомые горничные Лайз, по крайней мере кто побойчее, вытирают туалетные сиденья в номерах, где царит особый беспорядок, полотенцами для лица. Что, когда постояльцы уходят из отеля, они обожают мерить одежду, развешанную в шкафу и разложенную по полкам. Что рыться в чемоданах постояльцев для них — профессиональный долг. А излюбленная шалость горничных — это включать дорогие фотоаппараты, оставленные в номерах, чтобы аккумуляторы постепенно разряжались, к досаде богатых постояльцев.

А еще на Дидри наверняка произвело бы впечатление обилие беспорядочных невидимых плевков в блюдах с доставкой в номер и в ресто-

ранной еде, попадающих туда на кухне отелей «Глобал», независимо от важности гостя и размера чаевых, а особенно ее поразило бы количество бактерий (включая те, что живут в моче), которые видны под обычным микроскопом поверхности мятных леденцов, ждущих постояльцев в большой вазе дымчатого хрусталя на стойке дежурного, за которой ее дочь проработала восемнадцать месяцев после окончания колледжа и до начала болезни.

Впрочем, Дидри привели бы в восторг любые, самые пустячные сведения, например, о весе простыней, которые разносят горничные (это огромная тяжесть, а персоналу, как правило, не разрешается пользоваться главным лифтом), или что миссис Белл зазывает каждую новенькую в помещение за стойкой и заставляет во время обеденного перерыва упражняться с туалетной бумагой, пока девушка не научится загибать кончик рулона под определенным углом. (Не для того, чтобы доставить удовольствие мне, приговаривала миссис Белл, постукивая карандашом по столу, а чтобы показать, с каким вниманием относятся в отеле «Глобал» к уборным; наше слово-девиз, девочки? Забота о клиенте. Одну девушку уволили, официально — за нечистоплот-

ность, но на самом деле за другое: она сказала, что девиз миссис Белл состоит из *двух* слов.)

А вот заурядные, совсем не интересные, даже скучные факты: каждый день ровно в шесть утра каждому члену персонала опускали в ящик схему расположения номеров с указанием, кто из постояльцев остается, а кто съезжает. Возможно, Дидри развеселил бы и фирменный прикол дежурных: когда отсутствует начальство и нет особой загрузки, ты отвечаешь на звонок *Отель «Глобал», добрый вечер, слушаю Вас. Одну минуту, я переключу Вас на службу информации,* потом нажимаешь девятку (тогда человек слышит в трубке концерт Моцарта № 23 для фортепиано), кладешь трубку на стойку, выжидаешь, сколько хватит наглости, потом снова нажимаешь девятку и говоришь в трубку, изменив голос: *Служба информации отеля «Глобал», слушаю Вас.*

И еще один факт: работа в отеле, чем бы ты ни занимался, — улыбался постояльцам у стойки в холле, плевал в еду на кухне, перестилал постели с разнообразными запахами, курил в нарушение правил на пожарной лестнице, — очень сильно давит, сплющивает тебе нос и перекашивает лицо, словно прижимая к окну, за которым чужая роскошь, а получаешь ты за это, как правило,

гроши.

Дидри с радостью выслушала бы эти и многие другие рассказы, сочтя их поучительными, если бы только Лайз сумела хоть что-нибудь вспомнить. Разумеется, при известном напряжении у нее возникали смутные воспоминания об отеле, вот не далее как сегодня. Но она не могла их удержать. Последнее из них имело отношение к ванным, что-то про ванную или связанное с ванной, но вот досада — у нее в голове крутилась только песенка бутылочки пены из телерекламы да мелькали рожицы детей, которых купает жизнерадостная мамаша. Бутылочка Мэйти — ваш друг. Ты в ванну возьми и налей. Все радостней станет вокруг. Ярче, бодрей, веселей. Пусть плещутся ваши салаги. Мэйти их вымоет пулей. Без всякой колючей мочалки. Будут блестеть грязнули. А вот кое-что напоследок. Ваш Мэйти все понимает. Он ванную тоже отмоет. До белизны отдраит.

Поющая бутылка имела форму морячка. О чем бы ни пыталась думать Лайз, он вихлялся на поверхности ее сознания, путая все мысли. В песенке были слова *салага* и *драить*, чтобы она звучала вроде как на настоящем морском жаргоне. Припомнив все это, Лайз, которая лежала

пластом, в легком ознобе, вдруг успокоилась. Все-таки были вещи, даже мелкие подробности, которые она до сих пор отлично помнила. Она улыбнулась, эта блеклая тень в блеклой комнате. Она задумалась, понравится ли Дидри песенка Мэйти. Может, надо записать для нее слова. Она найдет карандаш. Поющая бутылка с пеной для ванн. Это сильно. Она напишет слова песенки в конце анкеты.

Вы сидите на стуле. Необходимо выяснить, испытываете ли вы трудности, сидя на стуле. *Сидеть без напряжения означает не испытывать необходимости подняться из-за болезненных ощущений, не позволяющих вам сидеть. Стул должен быть с прямой спинкой, без подлокотников.* ***Отметьте первое показавшееся верным утверждение. Отметьте только одно утверждение.***

Я не испытываю болезненных ощущений при сидении

Я всегда испытываю болезненные ощущения при сидении

Я могу сидеть без болезненных ощущений, вынуждающих меня подняться, не более 10 минут

Я могу сидеть без болезненных ощущений, вынуждающих меня подняться, не более 30 минут

Я могу сидеть без болезненных ощущений, вынуждающих меня подняться, не более 1 часа

Я могу сидеть без болезненных ощущений, вынуждающих меня подняться, не более 2 часов

Лайз подумала, что анкета напоминает стихотворение. Может, она тоже пригодится Дидри. А может, сама Дидри ее и сочинила. Возможно, она права. Поэзия, как ложная, так и подлинная, в самом деле присутствует повсюду, куда ни глянь.

У Лайз заболели глаза. Она опустила веки. Видение. Поэзия. Откровение. Мистика. Да, подумала она, не открывая глаз. Что правда то правда. Болезнь — это своего рода откровение. Тебе открывается, что именно думают здоровые люди о больных. Они кладут букеты на кровать или ставят в вазу. Смотрят на тебя округлившимися глазами. Ты ни дать ни взять покойник, говорят они, смеются и тут же добавляют, шучу, ты здоров как бык. Потом они как-то тушуются (словно, заболев, вы поступили неприлично). Вскоре начинают вспоминать собственные болячки и расписывают их битый час. Некоторые гости ждут, что им предложат попить чаю или даже пообедать (ты же не *настолько* болен). Другие боятся к чему-либо прикоснуться. Они дышат с осторожностью, контролируя каждый

вдох. Смотрят куда-то мимо, словно ты пустое место. И стараются побыстрее уйти. Еще долгое время после посещения они прислушиваются к своему организму, подмечая увеличение гланд, легчайшее бархатистое шелушение на коже, першение в горле, тихий стук-постук симптомов. Кто там? Это я, Ви. Кто-кто? Ви, фамилия Рус, мы познакомились в доме вашей подруги, разве не помните? Неужто не узнаете? Впустите меня. Когда (и если) Лайз снова будет чувствовать себя хорошо, она пойдет на вечеринку, и, когда кто-нибудь спросит, *чем вы занимаетесь*, имея в виду ее профессию, она расскажет о своей новой работе. Я была больна. Я могла сидеть на стуле без болезненных ощущений не более тридцати минут. Сейчас я могу сидеть без болезненных ощущений почти два часа. Задача не из легких, но я делаю успехи. Должен же кто-то этим заниматься.

Лайз лежала в постели. Комната покачивалась. Стены то дрожали, как студень, то вновь замирали. Ее испугала одна лишь мысль о вечеринке. Каждый день Дидри упорно вставляла телефонную вилку в розетку. И каждый вечер, как только за матерью закрывалась дверь, Лайз выдергивала ее. Для этого не приходилось вставать с постели.

А теперь представьте, что к Лайз неожиданно

вернулась память.

Что потрясение было невероятным — как если бы вдруг у ее кровати зазвонил отключенный телефон.

Представьте, что у нее подпрыгнуло сердце. И мысль прорвала плотину.

Лайз за стойкой, на рабочем месте. На часах в компьютере 18:51, но как раз когда она подняла глаза, черная единица превратилась в двойку.

18:52.

Она рада, что увидела перемену цифр. В ней был какой-то смысл. Вскоре она об этом забывает. Заболела шея.

Камеры наблюдения у входа в отель отключены, над конторкой дежурного тоже, поэтому она расстегивает верхнюю пуговицу и оттягивает воротник назад. Она видит имя ЛАЙЗ на своей нагрудной табличке сверху задом наперед. Она отстегивает булавку, снимает табличку с груди и бросает в мусорную корзину в дальнем углу под стойкой.

Мимо. Табличка падает за ведро. Лайз сердито фыркает.

Она встает, проходит вдоль стойки, нагибается и достает табличку из-за корзины. Острие булавки впивается в подушечку пальца.

Ой, говорит она. Блин.

Она снова пронзает булавкой ткань лацкана и крепко защелкивает замочек. Садится обратно на стул. Барабанит пальцами по стойке. Замечает на ней капельку крови и сосет палец, проколотый булавкой. Вытирает кровь со стойки краем пиджака.

Она до сих пор в восторге от своего поступка.

Лайз смотрит на телефон. Снимает трубку, набирает девятку. Замирает с трубкой в руке. Потом кладет ее обратно, так и не набрав ни одной цифры.

Она хватает ручку и засовывает кончиком в рот. Встает. Набирает код на двери, чтобы выйти из-за стойки в холл, вытаскивает ручку изо рта и кладет на стойку.

Она идет через холл, там ни души. Лишь фальшивый уголь горит в камине пустынного зала.

Она толкает дверь-вертушку вперед, пока не оказывается снаружи, на ступенях, где ее обдает волной холода. Она стоит под надписью «Отель „Глобал“» и смотрит на противоположную сторону дороги.

Она никого не видит. Там никого нет.

Она возвращается в холл, в волны тепла. Оправляет форму и стремительно пересекает холл.

Снова заходит за стойку и садится. Из пальца до сих пор сочится кровь, а кожа вокруг места, куда вошла булавка, покраснела. Лайз жмет на подушечку, пока из ранки не выходит идеально круглая бусина крови. Кровь поразительно яркого алого цвета. Лайз сует палец в рот.

По лестнице медленно спускается Данкан, словно считая собственные шаги. Голова опущена. Он идет мимо стойки, не поднимая головы.

Спасибо, Данкан, произносит Лайз.

Данкан не реагирует. Он направляется прямо в Музей и закрывает за собой дверь, поэтому Лайз обращается к двери. Я позову, когда будет нужно, говорит она. Сегодня мертвяк.

Осознав сказанное, Лайз вздрагивает. Черт, выругалась она про себя. Впрочем, ничего страшного. Данкан не мог ее расслышать — хлопанье двери слилось с шумом динамиков, из которых, затопляя холл, льется инструментальная аранжировка песни «Как трудно расставаться».

18:53.

Пять часов до ухода.

Она смотрит на часы, чтобы увидеть, как цифры снова выкинут номер с превращением. Но отворачивается всего на долю секунды, и когда поворачивается, на часах уже 18:56, а она и не

заметила, как сменились цифры и пролетели минуты.

На часах уже 18:56: все знают, время ужасно обманчиво (хотя забыть об этом проще простого).

Пять часов до ухода: поскольку время, похоже, движется в более или менее линейной последовательности — от мига к мигу, от одной секунды, минуты, часа, дня, недели и так далее к следующим — то отдельная жизнь, протяженная во времени, тоже преобразуется в линейную последовательность, и в ней, в свою очередь, можно легко обнаружить определенную заданность, устремленность к цели. Лайз ждет очередной предсказуемой точки этой последовательности: когда можно уходить домой. На этой неделе у Лайз вечерние смены. В отелях «Глобал» вечерняя смена длится с четырех вечера до полуночи — начала ночной смены. Кстати, когда Лайз подумала: пять часов до ухода, до официального конца смены остается пять часов и целых семь минут, не считая обычной проволочки в служебной раздевалке, — пока скажешь привет-бывай, пока оденешься; как правило, после вечерней смены Лайз уходит из отеля не раньше 00:20.

Но сегодня она уйдет только в четыре утра.

Инструментальная аранжировка песни «Как трудно расставаться»: музыку, звучащую в холле, выбирает Питер Бернетт, помощник управляющего местного отеля «Глобал». Заперев в шкафу своего офиса проигрыватель с тремя компакт-дисками в режиме непрерывного воспроизведения, он может быть уверен, что в его отсутствие, например, по ночам, никто не покусится на его выбор. Впервые песня «Как трудно расставаться» Нила Седаки[26] стала хитом в Великобритании летом 1962 года, а потом — ровно десять лет спустя, в конце июля 1972 года, когда «Семейка Партридж»[27] вознесла ее на третье место британского хит-парада. Более-менее верные слова этой песни под инструментальную аранжировку безотчетно крутятся у Лайз в голове

(меня своей любви ты
не лишай
иначе сердце разобьешь мне
так и знай
когда уйдешь ты

---

[26] Примечания: 26

Седака Нил — известный американский поп-исполнитель 60-х годов.

[27] Примечания: 27

«The Partridge Family» — популярный музыкальный телесериал 70-х гг.

я умру с тоски)

в тот самый момент, когда она бросает взгляд на часы в компьютере.

Льется, затопляя холл: сказано метафорически. А примерно через час и двадцать минут вода из крана в номере 12 (одном из самых больших, шикарных и дорогих), наконец, буквально перельется через край ванны и зальет — слава богу, не холл, а лишь саму ванную, кусок ковра в номере и в коридоре перед дверью. Из-за беспорядка, обнаруженного на следующий день, будет уволена горничная Джойс Дэвис (28 лет).

Позже, между 8:00 и 9:30, из-за этой протечки поступят жалобы-близнецы от трех постояльцев на отсутствие горячей воды, в ответ на которые дежурная Лайз рассыплется в извинениях из утвержденного лексикона для служащих «Глобал», занесет происшествие в журнал и в компьютер, а потом вызовет сантехников отеля.

Сегодня мертвяк: у Лайз скрутило желудок; она сказала Данкану слово-табу.

Лайз обращается к двери: невелика разница. Теперь разговаривать с Данканом — все равно что стучаться в закрытую дверь толщиной в полфута.

Он направляется прямо в Музей: на местном

жаргоне Музеем называют комнату забытых вещей; здесь хранятся все предметы, оставленные постояльцами, пока те их не хватятся, или пока их не передадут в полицию, или не умыкнет кто-нибудь из служащих. Это даже не комната, а скорее большой чулан с бесконечными полками и коробками датированных, снабженных бирками, разложенных в алфавитном порядке вещей, где среди прочего: будильники, аккумуляторы, книги, фотоаппараты на любой вкус, кассеты и компакт-диски, одежда, в том числе перчатки, шляпы и семнадцать пар джинсов; компьютерные игры, упаковка презервативов и другие средства контрацепции, горы косметики, два мобильных телефона, подарочные коробки неизвестного содержания в упаковочной бумаге, протез ноги ниже колена, мужская, женская и детская обувь (в основном парная), мелкие детские игрушки, которые вечно теряются, зонты разных размеров, плееры для кассет и компакт-дисков, с наушниками и без. В Музее пахнет сыростью и пластмассой. Тут нет окон. На потолке голая лампочка. Последние полгода Данкан проводит рабочее время в Музее и выходит, лишь когда его вызывают. Он сидит в темноте на коробке с биркой 16 сент., ном. 16. В коробке — луковицы

нарциссов. Под ним, во мраке коробки одни луковицы выпускают стрелки из недр своей оболочки, другие скукоживаются под грузом многослойного наряда, постепенно разлагаясь.

Спасибо, Данкан, произносит Лайз: большинство служащих местного отеля «Глобал», во всяком случае, те, кто проработал здесь некоторое время, относятся к Данкану и его привычкам с большой деликатностью; они всегда охотно постучат в дверь Музея, предупреждая о приходе миссис Белл или Бернетта, чтобы его не поймали на месте преступления. Они знают, что Данкан все видел и слышал, что он был наверху вместе с Сарой, когда это произошло. Новенькие шепотом говорят друг другу: пусть либо сам уволится, либо его уволят. Они обсуждают слух о том, что он якобы отказался от денежной компенсации. Обсуждают, что ему пришлось пережить. Болтают про самоубийства. Про любовь. Думая, конечно, про Данкана. Когда он проходит, впереди и позади по коридору ползет шиканье — мол, тихо все — жуткий звук, приводящий в замешательство. Когда они с Лайз работают в одну смену, она любит давать ему небольшие пустяковые задания. Она считает, это ему на пользу. Когда Лайз только начала здесь работать, она думала,

может, они с Данканом станут любовниками. Он был остроумный, общительный, рисковый, к тому же красавчик. Теперь, работая с ним в одну смену, она ощущает неловкость. Она его опекает. (Он ее не замечает.) Втайне она считает, что ему нужна помощь психоаналитика.

Она сует палец в рот: инстинктивная тяга организма к природному антисептику.

Кожа покраснела: местная воспалительная реакция системы свертывания.

Стремительно пересекает холл: через полгода Лайз будет не в состоянии стремительно пересечь холл. Она будет даже не в состоянии пересечь комнату. Одной мысли о слове *стремительно,* одного призрака этого слова, мелькнувшего в сознании, будет достаточно, чтобы ее охватила паника. Как-то ночью во сне (на ближайшие десять месяцев ее сон превратится в беспокойное, смятенное состояние) ей привидится, что она сидит верхом на черно-белой свинье, которая несется галопом, почти летит на бешеной скорости через реку по какой-то местности, смахивающей то ли на Уэльс, то ли на приграничную Шотландию. Она очнется от сна в изнеможении и страхе, с обожженным сердцем. У нее будут ныть мышцы икр, которые сжимали

бока зверя. Это будет один из первых предвестников ее странной немощи.

Она оправляет форму: Лайз на секунду забыла, что камеры наблюдения выключены, так что сегодня вечером неопрятность и вообще любой изъян в ее форме не будет зафиксирован на пленку для начальства.

Там никого нет: не совсем точно. На улице *есть* люди — прохожие, водители в машинах. Имеется в виду, что никого нет на противоположном тротуаре, где Лайз ожидает, надеется увидеть девушку-подростка, сидящую на асфальте или под навесом магазина напротив «Глобал».

Она никого не видит: в каком смысле *никого* см. выше. Лайз уверена, что видела эту девушку на похоронах погибшей горничной, Сары Уилби. Сара Уилби (19 лет) работала в «Глобал» до своей нелепой гибели в прошлом мае — она упала в шахту и разбилась — об этой трагедии рассказывали как местные, так и центральные новости (25–26.05.99), а еще она привела, во-первых, к закрытию отеля на три дня, а во-вторых, после его открытия, к ажиотажному спросу на номера, который продержался почти до конца лета благодаря любопытству местных жителей и приезжих, жаждущих увидеть место кровавого

происшествия.

Начальство отелей «Глобал» приказало всем служащим отеля в обязательном порядке явиться на похороны Сары Уилби. После похорон среди служащих разошлась переделанная песенка Дорис Дэй[28] «Que Sera Sera», в которой обыгрывалось имя погибшей. Лайз уже не помнит слова, зато помнит, с каким восторгом они еще долгое время передавали их друг другу на работе, словно запретный косячок — в кухнях и кладовых отеля или прохаживаясь перед заколоченной дверью в цокольный этаж. Самые удачные каламбуры, вроде: *Как низко можно пасть,* или *Сару Уилби понизили,* или *Он ей сказал — спустись с небес на землю,* громким шепотом ползли вверх и вниз по лестницам отеля до самой осени, но постепенно эта забава, так сказать, отмерла.

В те выходные Лайз работала в одну смену с погибшей. Она смутно помнит какую-то брюнетку, но по субботам всегда суматоха, да и персонал постоянно меняется, новые горничные появляются часто, у них высокая текучесть кадров. (Высокая текучесть: выражение с богатым подтекстом.) Родные Сары Уилби стояли у входа в церковь. Идя

[28] Примечания: 28

Дэй Дорис — американская актриса и певица, звезда мюзиклов 50-х — 60-х гг.

вереницей, все служащие «Глобал» — впереди начальство, за ним управляющие, администраторы, дежурные, охрана, хозперсонал, повара, уборщицы — пожимали им руки. Недели две спустя Лайз вдруг осенило — вот откуда она знает девушку, которая все время сидит на той стороне дороги. Лайз видела ее у входа в церковь, когда они плелись мимо в своей дурацкой форме. Она почти уверена, что пожала девушке руку.

В тот же вечер Лайз вышла из отеля, чтобы поговорить с ней. Она собиралась спросить (но девушка убежала), нужна ли ей помощь, может быть, деньги, может, она хочет выпить кофе, перекусить или погреться в отеле, и вообще, что она, Лайз, может для нее сделать. Что я могу для вас сделать? Чем я могу вам помочь? Она заготовила первую фразу.

Лайз знала, что была знакома с Сарой Уилби. Они попали в одну смену в первый из двух дней карьеры Сары в «Глобал». Они наверняка хоть немного пообщались в тот вечер, обменялись парой слов, по крайней мере, взглядами. Но как Лайз ни старалась, она не могла вспомнить ничего конкретного. Она даже не помнила, как выглядела Сара Уилби за два дня до смерти. Ей гораздо легче представить внешность погибшей

по фотографиям в газетах и теленовостях, чем восстановить в памяти. Похоже, из-за этих фотографий облик настоящей Сары Уилби в ее памяти окончательно затянулся туманом.

Именно по этой причине — из-за белого пятна в памяти, этого смутного призрака без лица и тела, сходящего на нет человеческого силуэта, а еще поскольку сама Лайз хороший человек и хочет помочь, — она присматривает (только что выходила проверить, все ли в порядке) за девушкой, которая целыми днями сидит напротив отеля на ступенях выставочного зала.

Холл: во всех отелях сети «Глобал» — в Великобритании и за границей — одинаковые холлы, созданные швейцарским дизайнером по интерьерам Генрихом Голдблаттом. Перечисление всех обязательных деталей убранства заняло бы слишком много места; в оригинальном проекте Голдблатта с указанием конкретных изготовителей мебели и тканей этот список растянулся на добрый десяток страниц. Например, на шестой странице Голдблатт уточняет, что в холле у самого входа должны расти непременно леопардовые лилии.

Совет директоров и акционеров компании «Глобал Интернешнл» считает, что одинаковые

интерьеры в зданиях разных архитектурных стилей создают у постояльцев психологическое ощущение защищенности, даже ностальгии, заодно обеспечивая постоянство клиентуры отелей «Глобал» по всему миру.

В холле отеля, где работает Лайз, пахнет дорогими коврами, леопардовыми лилиями и слегка — ресторанной едой. Полгода спустя, уже больная, в постели, Лайз будет не в состоянии воскресить в памяти этот характерный аромат. А через два года, во время поездки в Канаду, в поисках убежища от внезапной весенней пурги Лайз забежит в «Оттава Глобал» и, войдя в холл, вдруг вспомнит запахи, которые ощущала, работая в «Глобал», вспомнит во всех подробностях, а ведь она и не подозревала (с изумлением поймет она после), что знала эти подробности, которые напомнили ей о давно минувшей поре жизни, еще до болезни и выздоровления, о поре, которая почти стерлась из ее памяти.

Вытаскивает ручку изо рта: на протяжении вечера слюна Лайз будет постепенно испаряться с кончика ручки в кондиционированный воздух холла. Через час сорок пять минут ручка полностью высохнет.

Где находятся посетители: проходя мимо

стойки, Лайз, как обычно, на секунду представляет, как она смотрится на своем рабочем месте со стороны. Сейчас она видит себя стильно одетой молодой женщиной, вроде этой новой постоялицы, чье пребывание в отеле подобного класса оплачивается по особой кредитной карточке как сотруднице центрального многополосного «Воскресного мира»; эта женщина — ровесница Лайз, однако ее одежда куплена в магазине, где элитарен сам воздух, окружающий вещи; одежда, освященная запахом денег, какую не купишь ни в этом городе, ни в этой части Великобритании даже сейчас, в эпоху постмодернизма, и вообще, такой наряд невозможно представить на обычной женщине, которая ходит по грешной земле и вкалывает, как все. Лайз воображает, что, стоя и заполняя бланки, видит саму себя (некую Лайз) по другую сторону стойки: серьезную провинциалку, прилежную, но заурядную служащую. Этакий аккуратный манекен — очень важно, чтобы девушка за стойкой убирала волосы в хвост и делала естественный макияж. Вот она, Лайз, как на блюдечке — нагрудная табличка с именем, над ней — лицо с естественным макияжем, все вместе — глянцевый, улыбчивый, безликий робот, который отлично справляется с работой.

Эта картина словно прибавляет Лайз сил, она чувствует себя лучше, даже злее, чувствует уверенность во всем теле от самого основания позвоночника. В голове крутятся неприличные словечки. Кроме того, хотя сегодня в отеле почти нет постояльцев и полно свободных номеров, она дала молодой пижонке номер на самом верху, из тех, что похуже, поменьше, с неважным видом из окна. Чуть позже, точно вычислив момент для демонстрации социального превосходства, Лайз с удовольствием наберет цифры ее номера (34) на аппарате дежурного, представляя, как на том конце раздается один-единственный звонок и рука женщины в жадном, но тщетном ожидании замирает над трубкой.

А еще Лайз подумала, что позже, глубокой ночью, улучив минутку, когда ночной дежурный отлучится, можно снять со стены запасной ключ, подняться на верхний этаж и, бесшумно войдя в номер, постоять над ни о чем не подозревающей богачкой, погруженной в сон. Лайз уже давно лелеяла в мечтах эту выходку, но пока не осуществила, поскольку вообще-то была существом безобидным. Но сегодня Лайз чувствует, что способна на все (по крайней мере, гораздо на большее, чем обычно; см. ниже, ***В восторге***

от своего поступка). К тому же сейчас у Лайз период особо трепетного отношения к деньгам. На прошлой неделе банкомат рядом с банком заглотнул ее кредитную карточку. Наутро Лайз пошла в банк и попросила вернуть ей карточку, но получила от служащей отказ. Эта девица, намного младше Лайз, смотрела на нее с нескрываемым подозрением и сказала, что карточка является собственностью банка, что они обеспокоены по поводу задолженности Лайз перед банком и поэтому выдадут ей новую карточку, по которой она сможет получать лишь часть суммы, зачисляемой на ее счет в качестве зарплаты. Так называемый «соло счет». Как выяснила Лайз, его обычно открывают лицам от пятнадцати лет. Служащая попросила у Лайз чековую книжку, *чтобы выписать необходимую информацию.* Когда Лайз просунула ее в щель под высоким стеклом, девица разорвала книжку надвое, положила в конверт, а конверт — в ящичек, который заперла на ключ. *Мы больше не можем позволить Вам выписывать чеки, мисс О'Брайен,* сказала она. *Ваша чековая книжка является собственностью банка.*

Зато сегодня Лайз уйдет из отеля с мусорной корзиной, набитой мелочью. Проспав всю ночь

за кухонным столом, утром она увидит мусорную корзину около стиральной машины и сосчитает деньги; там окажется почти двадцать пять фунтов. Она обрадуется. Она вспомнит, что заплатила из этих денег за завтрак в отеле, а еще купила по дороге круассанов и пинту молока в круглосуточной булочной, чтобы поесть дома. Круассаны так и лежали в сумке под рабочей одеждой. Она надрежет их вдоль, положит в гриль и побежит в магазинчик внизу за маслом. Она слопает на завтрак круассаны, щедро сдобренные маслом, с таким чувством, будто ей нежданно-негаданно крупно повезло. Весь завтрашний вечер форма, которую она не успеет постирать, будет слабо пахнуть круассанами.

Код на двери: 3243257. Дверь откроется только при условии, если набрать эти цифры в правильном порядке на кодовой панели. Обычная мера безопасности.

Через полгода Лайз будет не в состоянии вспомнить цифры кода. Ей это больше никогда не понадобится.

Замирает с трубной в руке: торжествующая Лайз не может решить, кому позвонить, чтобы рассказать, что она пустила на ночь в один из номеров бродяжку. Друзья, которые в состоянии

оценить ее поступок, сами работают в отеле и могут случайно, а то и намеренно настучать начальству. А те, кто работает не в «Глобал», просто не поймут, что сегодня она совершила героический поступок, проявив чудеса безрассудства и храбрости. Сначала Лайз разрывается от желания позвонить своей матери, Дидри О'Брайен, та бы точно оценила ее выходку по достоинству, но в свои двадцать с хвостиком лет Лайз не может перебороть осуждение и отвращение к матери, которое не дает ей увидеть их отношения в целом, и поэтому не имеет никакого желания разговаривать с Дидри, напротив, ее тянет на всякие авантюры главным образом потому, что о них никогда не узнает ее стремительно стареющая мать, из-за которой ей в прошлом не раз приходилось краснеть.

9: Цифра, набрав которую можно позвонить из отеля в город.

В восторге от своего поступка: сегодня вечером, пригласив бродяжку бесплатно переночевать в отеле, Лайз нарушила все правила Качества Обслуживания «Глобал». В связи с чем у нее поднялось настроение.

Лайз много раз замечала эту женщину около отеля. Та сидела у стены на солнце и на ветру,

иногда под дождем; своей позой с поднятыми вверх ладонями она напоминает молящегося буддиста. Лайз считает, что у нее несладкая, но правильная, свободная жизнь. Она находит весьма любопытными изменения в контингенте бездомных за последние годы; раньше то были старые пьяницы да сумасшедшие тетки средних лет, сейчас все больше и больше молодых. Лайз не могла определить возраст женщины, появившейся перед конторкой, и не была готова к сильной вони, распространившейся по холлу, но все равно была рада осчастливить кого-то хотя бы на одну ночь. В спонтанном приступе щедрости она занесет 12 номер в компьютерный список «номеров с завтраком» для утренней смены. (Впрочем, тут же запаникует и сотрет эту запись, поскольку в ней указаны ее инициалы, а в компьютере зафиксирован пароль ее смены. Зато участие в деле Данкана — вполне надежная гарантия; он молчун, а Белл и Бернетт стараются не трогать его после несчастного случая и вряд ли станут допрашивать, если все откроется. Ожидая, пока он проводит бездомную в номер и спустится обратно, она надеется, что из-за ее проделки он не запрется в Музее, может, они даже поболтают, как раньше.)

Барабанит пальцами по стойке: ритм первых строчек первого куплета британского хита Нила Седаки 1962 года «Как трудно расставаться». См. выше, ***Инструментальная аранжировка песни «Как трудно расставаться».***

Ткань гостиничной формы: форма отелей «Глобал» состоит на 78 процентов из полиэстера и на 22 процента из японского рексе. Что вызывает повышенное потоотделение.

В мусорную корзину: в плетеной пластмассовой корзине лежит только пустая блистерная упаковка таблеток «Эдвил»[29] (ее выкинула Лайз) и пластмассовый контейнер с надписью: Макароны «Св. Михаил», салат из шпината с помидорами, цыпленок «Бейзил», в котором осталась лишь использованная белая пластмассовая вилка (этот контейнер постоялец из номера 29 Брайен Морган попросил выкинуть дневную дежурную Линду Александер во время регистрации в два часа дня).

Капля крови: первая группа, резус положительный.

Табличка с именем: таблички с именами — одно из нововведений программы Качества Об-

---

[29] Примечания: 29

«Advill» — название американского болеутоляющего и жаропонижающего средства.

служивания «Глобал». Руководство по Качеству Обслуживания (Великобритания, 1999) гласит: *Качество Обслуживания — это свод правил, которые подлежат постоянному и неукоснительному выполнению. Руководство стремится выяснить качество обслуживания в отеле для точного определения суммы, которая тратится на исправление недостатков. Исправлению допущенных ошибок посвящается каждый четвертый день. Для этого в Отеле разработан сложный план мероприятий, в которых участвует персонал различного уровня. Цель программы Качества Обслуживания состоит в том, чтобы персонал повысил качество выполнения своих ежедневных обязанностей. Более качественное и дешевое обслуживание — залог быстрого роста предприятия, а также хорошего настроения клиентов, персонала и руководства Отеля.*

Никто из служащих местного отеля «Глобал» не может точно сказать, в чем смысл данного текста, если отбросить разглагольствования о разнице между плохим и хорошим обслуживанием и стремлением к лучшему. Главное изменение после введения Программы Качества Обслуживания заключалось в том, что младший персонал стал носить таблички с именем, а управляющие и

старшие управляющие — с именем и фамилией.

Камеры наблюдения у входа в отель: камеры наблюдения, подключенные к помещению охраны, были довольно халтурно установлены учеником электрика. Камеры наружного наблюдения отключаются всякий раз, стоит горничной задеть провод тележкой, разворачивая ее под определенным углом в конце коридора.

Несовершенство системы наблюдения и позволило Лайз поселить в номере 12 бездомную с полной уверенностью, что охранники не запишут ее действия на пленку.

Заболела шея: у Лайз увеличены лимфатические узлы на шее, под мышками и в паху. Пока она ощущает лишь легкую боль под ушами и подбородком, причиной которой считает слишком тесный воротник форменного костюма.

Часы в компьютере: сейчас они отстают от среднего времени по Гринвичу на 12 целых и 33 сотых секунды.

Компьютер содержит информацию о постояльцах, персонале, международных тарифах, а также общую информацию об отелях «Глобал». В персональные файлы (к которым имеют доступ лишь старшие служащие) занесены банковские реквизиты и домашние адреса всех служащих

«Глобал», в частности, горничной Джойс Дэвис, проживающей на Вейл-Райз, 27, Озерный край, которую миссис Белл уволит из этого отеля «Глобал» уже завтра утром, выслушав заявления дневной и ночной дежурных Линды Александер и Лайз О'Брайен о том, что номер 12 был свободен, и придя к выводу, что мисс Дэвис по нерадивости не заходила в номер 12 в течение двух дней и, следовательно, так или иначе виновна в том, что в отсутствие постояльцев в номере отелю был причинен ущерб из-за переливания ванны. Стоимость ущерба, 373 фунта 90 пенсов, уплаченных за ремонт и уборку, будет вычтена из увольнительного чека мисс Дэвис.

Лайз за стойкой, на рабочем месте: вот она, Лайз, за стойкой, на рабочем месте.

Холл пуст.

Сейчас она посмотрит на часы в компьютере как раз в тот момент, когда сменятся цифры и единица превратится в двойку. Она обрадуется, что увидела перемену. В ней есть какой-то смысл.

Это было в прошлом. А вот настоящее.

Лайз лежала в постели. Она летела в пропасть. Истории, которую вы только что прочли, никогда не было, а если и была, Лайз ничего не помнила. Она не помнила ничего из вышесказанного; все

это лежало внизу, кучей на морском дне, наполовину торча из песка. Сверху покачивались водоросли. Крохотные рыбки, арьергард дрейфующих косяков, сновали туда-сюда из кучи, вдыхая воду открытыми ротиками.

А даже если бы она все помнила — какая сейчас польза от памяти? Брось ее в воду, как шипучий аспирин, — разошлась бы она по телу, неся облегчение от мук? Смогла хотя бы приглушить ежедневную многоликую боль, как тот же аспирин? Невесомая лихорадочная планетка по имени Лайз кружилась в вальсе; в этом вращении названия разных местностей срывались с ее боков и уносились в никуда, моря и страны превращались в белые пятна, берега которых предстояло вновь открыть и назвать, а долготы и широты извивались и расползались как резиновые. Оттого, что вращение было столь неумолимым и стремительным, мосты и здания на планетке вдруг вспыхивали и сгорали дотла, а небеса грозно хмурились. На пиках обугленных ветвей птицы денно и нощно драли глотки о конце света. Почувствуйте вкус масла, заливался дрозд, сидя на обгоревшей изгороди. Ты в ванну воду налей, стонали дикие голуби в пылающей листве платанов. Принеси всякой всячины, над-

рывались ласточки, ныряя в клубы дыма, взлетая ввысь и снова падая в пекло.

Но было пророчество, что где-то пребудет чистота, и станет на свете выскобленно-свежо; там будут кукурузные поля, и деревья, и воздух, и чистая здоровая пища; там воцарится доброта, ясность, простота; там исцелятся немощные члены.

Лайз спала.

Ровно четыре.

Мать Лайз вставила ключ в дверь, повернула, толкнула дверь и вошла. Она проделала все с сознательной осторожностью. И медленно опустила чуть дрожавшую руку.

Она прокралась в комнату Лайз тише мыши. Надела на лицо приветливую маску. Лайз спала. Маска не пригодилась. Мать застыла на месте: вдруг Лайз проснется.

В квартире одну комнату от другой отделяло семь шагов. Задержав дыхание, мать прошла на кухню, прикрыв за собой дверь, чтобы Лайз не разбудило шуршание пакетов. Там она выдохнула и открыла шкаф. Перегрузила туда банки и коробки с едой; тунец, фасоль, макрель, мюсли. Убрала помидоры, молодую картошку, салат,

салатный соус, «гравадлакс»[30] и маленькие натуральные фруктовые йогурты в разные ячейки холодильника. Если Лайз позволит, она скоро купит ей новый холодильник. Она положила фрукты в вазу, а хлеб — на разделочную доску, которую предварительно протерла. Коробку с супами оставила у плиты, чтобы приготовить, как только Лайз проснется.

Мать открыла дверь; та снова скрипнула. Но Лайз не проснулась. Мать неслышно прошлась по ковру и воткнула вилку телефона в розетку; она тихо опустилась на ковер, привалилась спиной к стене и стала смотреть на свою доченьку, свою храбрую девочку Лайз, невозмутимую в двенадцать, загадочную в шестнадцать, замкнутую в юности, а теперь — совершенно непроницаемую. Лайз лежит в постели. Личико бледное, измученное, нахмуренное, далекое; она спит. Дышит прерывисто.

Мать ощущала разбитость во всем теле, ей было больно просто находиться рядом с дочерью. От одного взгляда, брошенного на бедняжку, морщины на ее лице становились резче. Лучше смотреть на постель. По ней были разбросаны

---

[30] Примечания: 30
Фирменное название филе копченого лосося в укропной заливке.

листки бумаги. Не потревожив Лайз, мать взяла с покрывала буклет. О себе — продолжение. Вы стоите. Необходимо выяснить, испытываете ли вы трудности, когда стоите. Стоять означает держаться прямо без посторонней помощи, без опоры на какой-либо предмет. Движения руками. Отметьте первое показавшееся верным утверждение. Я не могу перевернуть книжную страницу. Одной рукой я могу поднять монету в два пенса, а другой не могу. Зрение. Речь. Слух. Я плохо разбираю речь человека, говорящего нормальным голосом в тихом помещении. Контроль мочеиспускания. Отметьте только одну клетку. Другая информация — продолжение. В специально отведенной графе вы можете описать другие явления, о которых, по Вашему мнению, необходимо знать врачу.

В пустом прямоугольнике на этой последней странице было что-то нацарапано карандашом. Мать поднесла листок к свету, чтобы разобрать каракули. Это было нелегко. Два слова. Одно, похоже, *ванна*, а другое — не то *петь*, не то *пить*.

Она положила анкету обратно на постель. Стала смотреть, как Лайз дышит. Комната словно застыла, никакого движения. Она будет на посту, пока Лайз не проснется.

Она наклонилась и коснулась лба дочери тыльной стороной кисти, проверяя температуру. Заметила у нее на лице волосок и убрала за ухо, чтобы не попал в глаза. Снова откинулась назад, прижавшись спиной к стене.

А-а, любовь.

Совершенное

Пальцем одной руки Пенни печатала. Пальцами второй нажимала кнопки на пульте гостиничного телевизора.

Классический, отстучала она. Идеальный.

С экрана телевизора звезда кантри-энд-вестерна рассказывала камере, как сильно бог любит Нэшвилл. Бог обожает Нэшвилл, уверяла она. Это особое место, пядь Америки, излюбленная богом.

Удодный, напечатала Пенни. Стерла второе д, вставила б. Потом заменила строчное у на прописное.

Теперь на мониторе красовалось: Классический Идеальный Удобный.

Пенни нажала кнопку пульта. В ее телевизоре работал порноканал — видимо, остался после предыдущего постояльца. Две девушки, орудуя искусственными членами, ублажали друг дружку, а мужчина в кожаных плавках поощрительно шлепал их по задницам и похрюкивал. Пенни смотрела. У нее слегка приоткрылся рот. Глаза полезли на лоб. И, словно угадав, что она смотрит, словно дождавшись этого момента, изображение

отключилось.

Черт, сказала Пенни.

УУУУ

посреди зрительного зала, где собрались по большей части пенсионеры.

Вот же она, рядом с вами, говорил мужчина в костюме. Вот, посмотрите, да-да, вот она, тараторил он в микрофон. Вот же она, сидит слева от вас, стоит лишь повернуть голову. Кто это? Ваша мать?

Пенни закурила. Она выпустила изо рта облачко дыма, которое растаяло у нее над головой.

Моя мать жива, сказал мужчина, стоящий посреди зала. Вот моя мать, здесь она. Он махнул рукой на женщину рядом, и камера показала ее лицо; все в морщинах, ошарашенное, залитое резким светом камеры, словно в мистическом, божественном озарении.

Безупречный, осенило Пенни. И она напечатала: безупречный.

Телеаудитория хохотала. Вдруг мужчина в костюме зажал ладонями уши. Не знаю, кто эта женщина, но крик подняла нешуточный, сказал он. Кто же она такая? Так истошно вопит, что и мертвый проснется.

Зрители снова захохотали.

У меня есть тетка-покойница, сказал мужчина в свитере. Может, это она.

А знаете, что она кричит? спросил мужчина

в костюме. Слушайте: *я* не мертвая. Его голос зазвучал громче. *Я* не мертвая, повторил он. Не смейте называть *меня* мертвой! *Я* не мертвая!

Да, да, это моя тетка Элис, сказал мужчина в свитере. Она это, точно говорю. Просто жуть берет. Как пить дать моя тетка.

Пенни выключила телевизор; комнату пронзил сигнал-невидимка, и телевизор потух. Она пососала кончик сигареты и с шумом выпустила дым. Все умершие пребывают здесь, с нами; они бредут рядами и несутся вприпрыжку по всем странам и весям, томятся по всему свету в третьем корабельном классе — толпа, безбрежнее самого океана, или в ловушках бесконечных очередей себе подобных, как машины в пробках на трехполосных шоссе при въезде в Лондон, до отказа заполняя города, поселки, магазины, конторы, комнаты и, возможно, даже этот номер; они стоят за невидимой стеной, колотя в нее кулаками и беззвучно выкрикивая свое: *мы* не мертвые! Не смейте называть *нас* мертвыми!

Брр-р, произнесла Пенни и попыталась выбросить все это из головы, но уже не могла остановить бег осмелевшего воображения, которое тем временем перекинулось на динозавров, что оставили нам лишь отпечатки позвонков в

камне да сланце, на мохнатых мамонтов ростом с дом, что намертво заморожены глубоко под землей в снежных просторах России, на убитых и освежеванных львов и тигров, на гильотинированных оленей, головы которых она видела в гостиных и ресторанах, на трупы фазанов, что висели, подгнивая, в амбарах ее отца для обретения идеального вкуса. Потом она подумала о лошадях, собаках и кошках, что были у нее в детстве (ее сердце непроизвольно сжалось при мысли об их теплых мордочках, копытах и когтистых лапках, об их чудных пушистых животиках, о блестящих влажных глазах — лошади носились галопом по их поместью, собаки прыгали и крутились волчком, приветствуя ее заливистым визгом, а кошки, покачивая хвостами-антеннами, маячили неверными призраками в конце коридоров с полированным паркетом, на парадной или черной лестницах). Умерли не только они (она почти насильно разматывала цепочку размышлений, гоня прочь внезапно воскресшую скорбь по животным, которых давным-давно не было на свете). Животные умирали и в зоопарках, упрямо продолжала она свою мысль, перебирая всех по алфавиту, вид за видом, от антилопы до ящерицы. А вдруг все курицы со своими яйцами,

коровы с телятами, всевозможные рыбы, свиньи, овцы и ягнята, сотни и сотни живых существ, которых хотя бы она — да-да, она и никто другой — съела за свою жизнь, тоже были здесь, а над ними звенел щебет призраков всех птиц — кратких бликов, мелькнувших в поле ее зрения! А с ними и все мыши, придушенные в мышеловках, все отравленные крысы и лисицы, чьи трупики с высунутыми языками лежали на боку. И бабочки-однодневки, и ночные бабочки-самоубийцы, которые — она сама видела — бросались на лампочку, и прихлопнутые мухи, пожелтевшие, кишками наружу. И крохотные дрозофилы, что пронзали ее жизнь зигзагами своих траекторий, и мелкие жучки с твердым панцирем, обитавшие в балках под крышей, которых она, обнаружив в своей постели, давила между большим и указательным пальцами, и даже микробы, передающиеся по воздуху, что миллиардами существовали, погибали и растворялись в одном лишь ее организме. И все эти существа, все до одного, колотили в невидимую для нее стену своими кулаками, лапами, копытами, щупальцами, тоненькими, как у простейших одноклеточных, ножками, беззвучно выли и вопили на все лады, лаяли и клекотали, хрипели и мяукали, мыча-

ли, визжали, пищали и верещали, жужжали и свистели: Эй, вы там! *Мы* не мертвые! Не смейте называть *нас* мертвыми!

Адская какофония, зажмурившись, подумала Пенни. Дикая, вечная какофония. Какое счастье, что нам не дано ее слышать. Помни: ты тлен. Помни: ну и хрен. Пенни громко расхохоталась, достала ручку и записала рифму. Но смех вскоре замер, а телевизор молчал, и ее захватила врасплох тишина, в которой слышалась беззвучная возня обитателей этого мрачного здания, не подозревавших, что она находится рядом, а за стенами отеля в электрическом освещении чудилось глухое копошение мрачного заштатного городишка, широкая панорама которого открывалась из ее окна.

Тогда она заставила себя слушать, как ее палец стучит по клавиатуре лежащего на постели компьютера, выбирая нужные буквы для нужного слова.

Превосходный, услышала она перестук клавиш.

Умопомрачительный.

Она задумалась на секунду, подперев подбородок ладонью.

Место, где исполняются желания, написала

она под столбиком слов. Да, неплохо, услышала она собственный возглас. Там, где исполнятся желания. Там, где исполнились желания. Если вы ищете место, где исполняются желания. Если вы ищете классическое, идеальное, удобное место, безупречное — не пойдет. Превосходное. Умопомрачительное — не пойдет.

Она стерла умопомрачительное и безупречное.

Превосходное место, где исполняются ваши желания, произнесла она в пустоту. В ответ комната чуть сжалась. Стены присели, потолок грозовым небом навис над головой.

Вода в ванной была еле теплая. Пенни позвонила вниз с жалобой. Да и вообще вода из кранов лилась какая-то ржавая, желтоватая; потолок в номере требовал ремонта; в сущности, это была довольно обшарпанная комната с претензией на роскошь. На стене рядом с дверью были царапины неизвестного происхождения; если переключить телевизор на четвертый канал, он начинал издавать непрерывное жужжание; ковер был более потертый, чем казалось на первый взгляд; карандаши, ручки и другая канцелярия была лишь среднего качества; шампунь какой-то водянистый; чай и кофе в пакетиках — сомнительных марок.

Пенни села обратно на кровать. Та скрипнула.

Вот, пожалуйста, подумала Пенни. И кровать скрипит.

(Она как будто описывала обстановку в разговоре со знакомым, хотя на самом деле была в номере одна и думала про себя.)

Она легла на спину. Отели — это сплошное надувательство. Она сыта ими по горло.

Она сыта этим отелем по горло.

Она потихоньку отодвигала компьютер ногой по кровати. Подальше, подальше, еще немножко, пока тот не завис на самом краю, едва сохраняя равновесие — половина на кровати, половина в воздухе. Она резко столкнула его вниз. Компьютер грохнулся.

Она рассмеялась.

Потом до нее дошло: он же мог сломаться! Пенни нахмурилась.

Черт, выругалась она.

Зато из этого может получиться славная история. Например: я угробила ноутбук по дороге в свой отель. Слушайте, как все было. Вот. Представьте: грязноватый старинный город, хотя с виду все очень достойно — архитектура там и прочее. Нельзя сказать, что мэрия жалеет деньги на так называемые культурные нужды, город

кишмя кишит скульптурами и настенными росписями, в пешеходной зоне шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на образчик местного искусства. Но, если честно, дела это не меняет.

(Дела? Какого дела? Что с тобой приключилось, Пенни? Бряцанье опускаемых на стол вилок-ножей, слабый звон поднятых бокалов, общее шиканье, сытое рыганье и сладкое нетерпение слушателей, готовых к послеобеденным небылицам.)

Первым делом у меня выхватили чемодан.

(Что-что?! Кто выхватил? Кто?)

Один из них стоял совсем рядом, примерно на том же расстоянии, что вы, и нагло рылся в моей сумке. Там были все мои кредитки. И вообще всё — все вещи, без которых я не представляю свою жизнь.

(Пенни, а ты испугалась?)

Да, еще как.

(А сколько их там было?)

Пятеро. По-моему. Точно не помню, на меня нашел какой-то ступор. Знаю одно — улица была совершенно пуста. Ни машин, ни такси, ни прохожих. Никого. Как в кошмарном сне. Честно говоря, я до сих пор не верю, что решилась на это.

(На что? На что же ты решилась?)

У меня в горле пересохло, как в колодце. Но неожиданно для самой себя я обратилась к главарю банды, здоровенному бугаю лет восемнадцати…

(Смех.)

Нет, послушайте. Вот что я ему сказала, слово в слово: если ты меня тронешь. Если кто-нибудь из вас коснется меня или моих вещей хоть пальцем. Если ты не скажешь этим уродам, чтобы они сию секунду положили обратно мои вещи. Можешь поверить, я обрушу на твою голову всю мощь закона, да так быстро, что ты даже пикнуть не успеешь. Сейчас покажу.

И я ему показала.

(Что? Что ты сделала? Ну, Пенни, говори, что ты сделала?)

Огрела этого хулигана по башке своим ноутбуком.

(Что? Что? Не может быть! Женщины недоверчиво смеются, мужчины затаили дыхание.)

Да, честное слово, я огрела его ноутбуком. Он ведь тяжеленный. Я и сама с трудом в это верю. Вы же меня знаете. Я в принципе не способна на жестокость. Как говорится, мухи не обижу. Но что было, то было, слушайте дальше. Я так здорово

ему заехала, что он свалился, буквально рухнул на колени. А остальные, увидев, что вожак повержен, удрали, просто удрали, поставили сумку и кейс на землю, бросили рядом кошелек и убежали, а я осталась стоять столбом посреди улицы. В сущности, я легко отделалась. Все было на месте. И сумка. И кейс. Но, конечно, когда я попыталась включить ноутбук, он оказался сломан. Такой стоит несколько тысяч фунтов. Тысячефунтовая тяжесть технического прогресса. А я разбила его о голову несовершеннолетнего хулигана.

(Смех, кто-то говорит *улет*, аплодисменты, поздравления, одобрительное покашливание.)

Отлично придумано, подумала Пенни, лежа на кровати. Не совсем безупречно, но сюжет закручен классически. Не то чтобы умопомрачительно, но вполне сойдет.

(А как же тот парень? спрашивает один из воображаемых знакомых под возобновившийся звон бокалов и сигаретный дым, прядями поднимавшийся над столом. Он умер? Встал и был таков? Или остался лежать у твоих ног?)

Пенни прикинула, какой из вариантов она бы предпочла. Первый: она, потрясенная героиня, стоит одна-одинешенька под дождем на улице среди брошенных вещей и слушает топот ног,

удаляющийся в глубь грязного мокрого северного городка. Или: она, потрясенная героиня, но уже не одна, а рядом с поверженным (и, что не исключено, смазливым) парнишкой, который скорчился, истекая кровью на тротуаре прямо позади нее, подставив глаза ее острым каблучкам; дальше — больница, или полицейский участок, или дом его родителей, начало долгой дружбы, не знаю, что-нибудь в этом роде. Вот это было приключение. Это… Это было… Все могло…

Не важно, чем все это могло обернуться; кончилось тем, что Пенни потянулась вниз и втащила компьютер за ручку обратно на кровать, открыла, нажала старт, и тот, вернувшись к жизни, послушно загудел, цел и невредим.

Увы, все придуманные сегодня вечером слова пропали. Она не сохранила документ. И все стерлось. Вот черт. Придется начинать с начала. Вот западло, вот свинство, блин. Она с размаху дала компьютеру оплеуху, словно тот нанес ей оскорбление. Он покачнулся на мягкой постели.

Превосходно, подумала она. И тут же, открыв новый файл, напечатала. Да, превосходный. Но остальные слова она вспомнить не могла.

Через стену было слышно, как кто-то бродит по коридору и стучит во все двери подряд.

Может, самое время выбраться из этой дрянной комнатенки. Может, ей как раз и не хватало внешнего возбудителя. Может, человек в коридоре знает синоним для слова превосходный.

Она соскользнула с кровати и открыла дверь.

Простите, сказала она. Я услышала стук.

Девушка в форме горничной ковыряла дырку в стене в конце коридора.

Простите, повторила Пенни.

Девушка не обернулась, продолжая изучать стену.

Пенни заговорила снова.

Вы мне не поможете? Вы не знаете, как настроить каналы в телевизоре?

Она не сдавалась.

Извините! сказала она.

Девушка в форме подпрыгнула, повернулась и подалась назад. Молоденькая, светловолосая, почти подросток, может, лет шестнадцати, подумала Пенни. Худенькая, с темными веками, она была воплощенный идеал девушки-подростка. То, что надо, невольно отметила про себя Пенни. В трикотаже или в мехах на серии снимков «Зима в северном городе» на страницах «Лайфстайл»[31].

---

[31] Примечания: 31

«Lifestyle» — американский иллюстрированный журнал, посвященный разнообразным событиям современной жизни.

Девочка смотрела испуганно, того и гляди, пустится наутек по пожарной лестнице. Потом у нее сделалось решительное лицо.

У вас нет чего-нибудь острого? спросила она с акцентом.

Острого? заинтригованно повторила Пенни. Нет. Вы знаете, я безоружна.

Она улыбнулась. Девушка — нет.

Пилка для ногтей или перочинный ножик, что-нибудь с острым концом, сказала она.

Я… Я даже не знаю, сказала Пенни. Стойте. Подождите одну минутку.

Мне подойдет что угодно с острым концом, крикнула девушка ей вдогонку.

Пенни появилась из номера с косметичкой в руках. Вот, держите, сказала она. Подойдут?

Она протянула девушке свои щипчики для бровей; та взяла их и подняла повыше, чтобы рассмотреть концы. Пенни загляделась на ее взлетевшие вверх руки; какие нежные, бледные, чувственные.

Она взглянула на девушку. Та покачала головой.

Слишком маленькие, сказала она.

Пенни огорчилась. Вы уверены? спросила она. Затем вытряхнула косметичку на ковер. А нож-

ницы сойдут? Они очень острые, сказала она, доставая маникюрный набор.

Девушка взяла их и снова подошла к стене. Поковыряла в ней ножницами.

Нет, сказала она. Они слишком тонкие, маловаты. Надо что-нибудь потолще. У вас не найдется двушки или десятипенсовика?

Нет, что вы, я не ношу при себе денег, сказала Пенни.

Взгляд девушки, полный нескрываемого раздражения, буквально обжег Пенни. Девушка вздохнула и посмотрела в сторону номера Пенни. Разве в номере нет ножа? Или, там, я не знаю, чайной ложки?

Чайной ложки? повторила Пенни. Кажется, да, в самом деле. Как это так, номер без ложки, правда? Я мигом. Подождите.

В поисках ложки она с грохотом перевернула все блюдца и чашки на подносе, а найдя, торжествующе преподнесла Девушке в Стиле Лайфстайл, сидевшей у стены в коридоре. Та взяла ложку и стала рассматривать. Глаза у нее были темные. Какая красотка. Она подняла руки и, прицелившись, вдавила ложку, как удалось разглядеть Пенни, в шляпку шурупа, торчавшего на уровне ее носа.

Да, это то, что надо, сказала девушка.

У Пенни забилось сердце.

Но она — никак — не хочет — войти — туда — поглубже. Нет. Никак.

Дайте я попробую, сказала Пенни.

Край углубления ложки был слишком тонким и изогнутым; он не подходил к прорези на шляпке. Пенни попробовала черенком. Но он был слишком толстый и тоже не годился.

Никак, сказала Пенни. Зато отверткой мы бы справились в два счета. Здесь нужна отвертка.

Девушка ухом не повела. Естественно, будь внизу отвертка, девушка пришла бы сюда с ней, сообразила Пенни. А может, она ее просто забыла. Может, ее послали наверх с поручением, а за невыполнение грозит выговор, вот она и боится спуститься ни с чем.

Девушка тем временем ковыряла ложкой в шляпке шурупа.

Не стоит, сказала Пенни. А то повредите эту, как ее, ну, знаете — прорезь на шляпке. Тогда открутить будет гораздо труднее.

Горничная замерла. В глазах Пенни вспыхнул образ отчаяния — тяжелого театрального занавеса из роскошного бархата, повисшего над головкой девушки и готового вот-вот рухнуть

вниз. Она моргнула, и видение исчезло.

Гм, произнесла Пенни. И взглянула на стену.

Один кусок стены держался на шурупах. Теперь Пенни видела, что в том месте, где девушка успела с великим старанием поработать ложкой, под отвалившимся тонким слоем краски между стеной и привинченным куском обнажилась щель.

Что-то в лице девушки, близком, решительном, | полном удивительной чистоты, вызвало у Пенни желание помочь ей — чем угодно.

Не надо, сказала она. Подождите. Я что-нибудь поищу. Ждите меня здесь.

Вот это другое дело. Как здорово, вопила про себя Пенни, распахнув дверь на пожарную лестницу и вприпрыжку сбегая по ступеням. Пенни проводит очередной тоскливый вечер в очередном отеле, работая над очередной проходной статейкой, и вдруг нежданно-негаданно становится участницей по-настоящему интересного события. Если я помогу этой девочке, думала Пенни, перебирая ногами ступени, она всю жизнь будет вспоминать меня как хорошую тетеньку, которая выручила ее в тот вечер, когда она — в общем, когда она делала то, что делала. Да и я навсегда запомню этот случай и спустя много-много лет буду вспоминать, как однажды вечером по-

могала юной лолите выкручивать шурупы из стены в отеле.

Окрыленной Пенни казалось, что она спускается не по пожарной лестнице, а, словно героиня фильма, по парадной, в бальном платье, а внизу, у подножья в свете ламп канделябров толпятся гости с бокалами в руках, предвкушая ее долгожданное появление. Она же (сама грация и любезность в наряде от «Саузерн Бель»[32]) ищет всего лишь предмет с острым концом. Огнетушитель не подойдет. Она ступила на бархатистое (какое сочное слово, бархатистый, подумала она, просто замечательное: бархат, барский) покрытие коридора на втором этаже. Она видит одни пасторальные пейзажи в рамках — коровы в поле да мостик меж холмами — но, к сожалению, ничего острого. Первой на ее пути оказалась женщина, которая стояла у двери в номер; вот при каких обстоятельствах Пенни познакомилась с одной из самых оригинальных личностей в своей многолетней практике, которую по глупейшей ошибке, главным образом из-за длинного, довольно вонючего, но стильного старого пальто, она поначалу приняла за эксцентричную посто-

[32] Примечания: 32

«The Southern Belle» — иллюстрированный журнал, посвященный моде и красоте.

ялицу-наркоманку, а может, даже за бывшую рок-звезду среднего пошиба.

Женщина смотрела на Пенни с виноватым видом еще издали, до того, как та спросила у нее про острый предмет. Когда Пенни повторила вопрос, женщина помотала головой.

Там наверху требуется помощь, сказала Пенни. У вас случайно нет при себе мелочи?

Мм-м, промычала женщина в пальто. Вид у нее был пришибленный. Она посмотрела налево, потом направо. Казалось, ей неловко.

Нам нужна монетка, сказала Пенни. Чтобы выкрутить из стены шуруп. Мы считаем, что для этого сгодится небольшая монетка.

А? сказала женщина. И добавила: но бывают монеты худые. А бывают потолще.

Пенни рассмеялась: ее позабавила мысль о костлявых монетах. Женщина уставилась на нее в изумлении.

Сейчас я вам все объясню, сказала Пенни. Она доверительно наклонилась к женщине. Насколько я понимаю, требуется отодрать кусок стены. На шляпке шурупа есть такая выемка, не знаю, как называется, в общем, прорезь, примерно вот такой ширины. Она почти вплотную составила большой и указательный пальцы.

Женщина в пальто внимательно поглядела в щелочку.

Так что, может, у вас найдется двушка или десятипенсовик? закончила Пенни.

У-гу, произнесла женщина. Она шагнула назад. В недрах ее пальто зазвенела мелочь. Пенни снова рассмеялась. Вдруг ногам почему-то стало холодно, и она с удивлением посмотрела вниз. Ее замшевые ботинки промокли и потемнели. Там, где она стояла, ковер набух от воды. Пенни подняла одну ногу, потом вторую, рассматривая мокрые подошвы.

Черт, сказала она. Они же совсем новые.

Номер, того, протекает, сказала женщина.

Пенни снова рассмеялась. Женщина вытаращила глаза, и тогда Пенни схватила ее за локоть и под мелодичный звон монет потащила по коридору. Пойдемте, приговаривала она. Пойдемте со мной, развлечемся. Это же классно. Лично я обожаю развлекуху в рабочее время. Меня зовут Пенни. А вас?

А вас? отозвалась женщина.

Пенни зашлась от смеха.

У вас есть что-нибудь острое? обернувшись от стены, спросила девушка с таким видом, будто впервые видела Пенни, когда они с незнакомкой,

переводя дыхание, появились на площадке. Пенни была немного задета.

У этой дамы есть все, что нам нужно, сказала она, приобняв женщину в пальто за плечи и подталкивая вперед, потому что та, сопротивляясь ее хватке, уже сделала пару шагов назад к пожарной лестнице. Но вдруг она выскользнула из объятий Пенни, быстро, как по команде, опустилась на корточки и начала пригоршнями высыпать монеты из пальто на ковер. Одной рукой, другой, раз, два, полные горсти мелочи. Потрясающее зрелище — золотые горы в одном месте в одно и то же время, подумала Пенни.

Женщина встряхнула пальто, пошарила в подкладке и выкинула последние монетки.

Тут есть и мои, сказала она.

Девушка разровняла кучу монет ногой. Ах, да, звонил телефон, сказала она.

Какой, мобильный? спросила Пенни.

Не знаю, сказала девушка. Там, в номере. Был один звонок.

Ясно, сказала Пенни. Звонок был высокий, пронзительный? С такой, ну, знаете, короткой мелодией?

Да хрен его знает, огрызнулась девушка. Потом встала и, вертя монетку в пальцах, подошла к

стене.

Пенни призналась себе, что не в большом восторге от этой девчонки. Кстати, известно ли администрации отеля о поведении некоторых служащих? Она прошла к себе и не обнаружила новых сообщений на своем мобильном; на автоответчике гостиничного телефона тоже не было сигнала о сообщениях. Она достала бумажник из кармана пиджака, висевшего в шкафу, и увидела, что все ее кредитные и банковские карточки в сохранности. Убедившись, что чековая книжка на месте, в чемодане, Пенни осмотрела сам чемодан — не копался ли кто в ее вещах.

По ковру в коридоре были щедро разбросаны монеты, образовавшие причудливый узор.

Краска, проговорила женщина.

Девушка взглянула на Пенни и спросила, что она сказала?

Ох, проговорила Пенни. Неужели ни одна не годится? Она наклонилась и зачерпнула горсть медяшек. Вы все перебрали? Оказывается, есть монеты худые, а есть потолще, вы представляете?

Краска, повторила сидящая на полу женщина, помотав головой. Застряла.

Я не понимаю, что она бормочет, сказала де-

вушка.

Эх, сказала Пенни. Неужели не открутим? Вот досада. После всех трудов.

Она вставила в шкив шурупа пенс. Если надавить с силой, тот входил в прорезь; но шуруп не поддавался. Она решила попробовать еще раз, ухватив монетку под другим углом. Безуспешно.

Все дело в краске, сказала она девушке. Сверху шурупы были закрашены и теперь не откручиваются.

Лицо девушки омрачилось; на смену злости пришла растерянность, затем полная безжизненность. Пенни должна была придумать выход из ситуации. Иначе все закончится, интрига останется незавершенной, и через минуту она будет биться у себя в номере над восстановлением идиотского файла; а наша Пенни не привыкла сдаваться. Ведь из этого выйдет отличная статья. Например, она могла бы из чистой любезности (при условии, что девушка ответит ей тем же) вернуться в номер и поискать в справочнике телефон круглосуточного супермаркета. Если ей повезет — а в этом не было сомнений, такие магазины имеются теперь повсюду, — она узнает, есть ли там в продаже инструменты. Если есть, она назовет номер своей кредитной карточки;

нет, она может назвать номер кредитки для командировочных расходов и по возвращении получить возмещение на работе. Потом она могла бы позвонить в заказ такси, снова назвать номер кредитки и попросить привезти покупку вместе с чеком ей в отель. Если окажется, что в городе нет круглосуточных магазинов или что там нет инструментов, она могла бы попросить оператора службы заказа такси, чтобы кто-нибудь из таксистов привез к отелю свои отвертки, она уж не поскупится…

Есть!

Краска вокруг шурупа лопнула с легким треском; чуть подавшись вглубь по резьбе, шуруп повернулся; девушка, стоявшая сзади, напряглась, затаив дыхание, аххххх.

Потихоньку. Та-ак. Вот увидите, на что мы способны, сказала Пенни. Сердце у нее вдруг забилось от радости.

Ведь что ни говорите, а Пенни справилась. Той же монеткой она освободила от краски и провернула четыре верхних шурупа, ослабив их ряд настолько, что в образовавшуюся за панелью щель могла пролезть ладонь (не слишком большая). Тогда девушка с женщиной в пальто взялись за панель с двух сторон и дернули на

себя. Девушка даже подпрыгнула. Треснул новый слой краски. Потом дерево. Трах! Панель оторвалась от стены, и обе женщины упали навзничь, а вокруг фонтаном разлетелись щепки. Из дыры вырвался затхлый воздух. Поднялся огромный клуб пыли и стал медленно оседать на ковер.

Пенни, женщина и девушка заглянули в отверстие.

Там же пусто, сказала Пенни.

Глубоко, сказала женщина в пальто. Она свесилась в пустоту, и от ее голоса шло слабое эхо. Боже, сказала она. Гулкое *коо* и *жее* облаком окутало три головы.

Девушка молчала.

Пенни закашлялась. В воздухе висела пыль. Она отступила назад и в ярком верхнем свете разглядела, что в стене зияет отверстие, черное, прямоугольное, которое раньше, должно быть, прикрывала картина, а может, там находился сейф, взломанный грабителями. У нее онемели подушечки на большом и указательном пальцах, они покраснели и саднили, а монетка, которой она поворачивала шуруп, оставила на них отметины; рисунок ясно отпечатался на коже. Пенни потерла пальцы друг о друга. Она чувствовала себя обманутой. На дверь ее номера, открытую в

коридор, опиралась ободранная, изуродованная панель. Она помогла ее снять, и для чего? Чтобы лицезреть глубокую и совершенно пустую шахту.

Пенни сознавала, что пребывает в легком шоке. Она опустилась на ковер. Деревянные щепки и хлопья белой краски валялись среди разбросанных монет вперемешку с содержимым ее косметички; тени, карандаши для глаз, блеск для губ. Позади нее женщина в пальто, видимо, перебирала деньги; раздавался мелодичный звон монет. Пенни подняла кусочек белого дерева и крепко вжала его в палец, ожидая острой боли.

И ничего.

Ничто, или пустота, словно вертел пронизывающая отель, навевала жуть.

Что вы ожидали там увидеть? спросила она девушку. Изнутри к горлу медленно карабкалась паника. Зачем вас сюда послали?

Девушка водила рукой по краю дыры там, где заканчивалась стена и начиналась пустота. В тех местах, где шурупы еще удерживали обломки панели, наружу выдавались большие зазубренные куски дерева. Торча словно белые зубы в зияющей пасти. С головой перегнувшись через край, девушка заглянула в эту пасть, и, испугав-

шись, что она может упасть, Пенни чуть было не схватила ее за щиколотки; но как раз когда она собралась податься вперед, юная психопатка выпрямилась, пересекла коридор и подняла горсть монет. Потом она стала бросать, точнее, ронять их одну за одной в отверстие. Монеты неслышно исчезали во мраке.

У вас есть часы? спросила девушка. Она переводила взгляд с Пенни на женщину и обратно.

Увы, сказала Пенни. Я из тех недотеп, которые просто не в состоянии ладить с часами, не смейтесь, это правда. Стоит часам оказаться у меня на руке или какое-то время просто побыть рядом — скажем, в кармане или в сумке, — и скоро электронные цифры начинают скакать как ненормальные, мигая в бешеном ритме. Наверное, сгорает микросхема или я не знаю, что там у них внутри. А обычные, механические часы, даже если они у других шли как обычно, у меня на руке бастуют, я помню, одни так немилосердно спешили, что я успевала прожить полдня, при том что остальные люди — минут десять-пятнадцать. А некоторые часы у меня, наоборот, начинали отставать и наконец ломались, стоп и все, больше никогда не заводились — как в детской песенке, только я-то, в отличие от старика из песни, не

старуха и, как видите, жива-здорова. Ну, знаете, известная песенка, «У дедушки нашего были часы»[33], пояснила Пенни.

Слова лились из нее водопадом. Она говорила без остановки. Так ей удалось подавить панику. Девушка терпеливо дождалась конца ее речи и повернулась к женщине в пальто.

А у вас есть часы? спросила она.

Женщина помотала головой.

Пенни словно не существовало. И тут она вспомнила. У меня в номере есть часы, сказала она. Но почему-то в ванной. Интересно, почему в вашем отеле часы ставят в ванную, а? спросила она девушку. Наверное, чтобы постоялец, находясь в ванной, вовремя освободил номер? Но, когда человек принимает душ или ванну, часы ведь запотевают от пара, верно? Я хочу сказать, циферблат не видно. Так что все равно не поймешь, сколько времени. Впрочем, вы, вероятно, протираете их средством против пара.

Девушка промолчала. Она глядела на дверь ее номера.

Так что, принести? спросила Пенни.

---

[33] Примечания: 33

Самая популярная песня американского фолк-исполнителя Генри Уорка, написанная в 1876 г., о любимых часах старика, которые встали в день его смерти.

По дороге в номер она заметила, что на ее высыхающих замшевых ботинках появились разводы. Черт, выругалась она про себя. Вот паскудство, блин. Вы только посмотрите. Вот она, награда за помощь. Десять минут десятого, крикнула она девушке.

На них есть секундная стрелка? спросила та.

Пенни вынесла часы в коридор. Они были черные, в стиле арт-деко. На подставке красовалась маленькая наклейка: Собственность Отелей Глобал.

Десять минут десятого, повторила Пенни.

Девушка взяла часы. Покачала головой. Подержала, повертела их в руке. А потом опустила в дыру и бросила.

Вот черт, подумала Пенни.

Какое-то время не было слышно ровным счетом ничего. Потом они услышали далекий хлопок пластмассового корпуса о дно шахты. Черт, снова подумала Пенни. Так я и знала.

Думаете, они разбились? громко спросила она.

Конечно, разбились, сказала девушка, кивая, круги под глазами совсем потемнели.

Не знаете, они были авторской работы? спросила Пенни.

Она с опаской подошла к отверстию и загляну-

ла в глубину.

Как же их теперь достать? спросила она.

Мрак. Пустота. Спертый воздух шахты. Пенни решила: она заявит, что никаких часов не было. Она снова отступила назад; да, полный разгром; но она тут ни при чем. Если придется, она напишет жалобу на фирменной бумаге «Глобал», утверждая, что ее заставляют платить за предмет, которого она в глаза не видела и которым никогда не пользовалась. *В указанный день в моем номере часов не было. Я отказываюсь платить за пропажу вещи, которой, насколько мне известно, в номере не было. Я не имею к этому отношения.*

Если из моего номера что-то пропало, вам следует потребовать возмещения ущерба или пропажи в первую очередь у обслуживающего персонала.

Кроме того, я вынуждена пожаловаться на шум и беспорядок, устроенный вашим персоналом во время ремонтных работ, проводимых в позднее время суток в коридоре рядом с моим номером в ночь моего пребывания в отеле. Это причинило неудобства не только мне, но и другим постояльцам, из которых никто не был предупрежден заранее, а впоследствии не получил извинений.

Тем временем девушка что-то говорила.

Более тяжелый предмет упал бы быстрее, намного быстрее, бормотала она. То, что весит больше, падает быстрее, потому что тяжелее. Чем предмет тяжелее, тем быстрее он летит вниз. Правда же?

Да, несомненно, сказала Пенни.

Нет, сказала женщина.

Вы уж не обижайтесь, но я знаю, что говорю, сказала Пенни. Представьте, что вы бросили в это отверстие рояль. Конечно, при условии, что в моем номере есть рояль и я разрешила вам бросить его вниз, повернулась она к девушке (вежливо, но с намеком). Так вот, рояль, несомненно, упадет на землю куда быстрее, чем часы, которые вы только что бросили.

Огромный сверкающий рояль словно в замедленном кино падает на дно бездны, превращаясь в груду деревянных обломков и струн, солидная гладко лоснящаяся крышка трескается и разлетается в какофонический хаос, обнаженные ребра с молоточками покачиваются во тьме, словно обломанные камыши вдоль речного берега.

Нет, повторила женщина.

Образ рояля в воображении Пенни тут же испарился. Она терпеть не могла, когда с ней

спорили.

Женщина складывала монетки по два, десять и двадцать пенсов в отдельные кучки на ковре, сидя среди россыпей серебра и меди.

Галилей, сказала она, продолжая сортировать монеты, бросил со знаменитой Пизанской башни горошину и перо. Они упали на землю одновременно.

Да, сказала Пенни, но сейчас речь не об искусственных условиях. В реальности рояль падает намного быстрее, чем часы, часы — намного быстрее, чем монета, монета — намного быстрее, чем горошина…

Нет, снова сказала женщина. Она прекратила свое занятие. С минуту она взвешивала на ладони монеты разного достоинства, а потом осторожно опустила их в соответствующие кучки.

Все предметы, брошенные вниз из одного и того же места, начала она. Упадут на землю в одно и то же время. Примерно. Но если они различной формы. Как, например, перо и горошина. То из-за своей формы перо встретит большее сопротивление воздуха. Хотя и не намного. Но. Представьте себе. Что мы очутились на Луне. Там нет воздуха. Поэтому перо и даже рояль, брошенные вниз. Упадут на поверхность в один и тот же миг. Я

говорю про Луну. Просто предметы будут там падать медленнее, вот и все. Это на Луне. У нас же гравитация всего в шесть раз больше. Если сравнивать Луну с Землей. А падающие предметы, даже рояль. Так малы. Рояль, горошина, перо, монета, да что угодно. Все равно, что ни возьми. Потому что сопротивление воздуха здесь, у нас, почти не играет роли. Все предметы, считай, одного размера, чуть больше, чуть меньше.

Женщина замолчала, задумавшись. Впрочем, продолжала она, если в одно и то же время бросить вниз два предмета, которые сильно отличаются по размеру, то падать они будут с огромной разницей в скорости. К примеру, если бросить монетку там или горошину. А вместе с ней — планету, размером, скажем, с Землю.

Она сдвинула кучку монеток по пять пенсов в сторону. Потом сгребла к себе обеими руками кучки по пятьдесят пенсов и по фунту и начала складывать монетки друг на друга, в столбик, старательно пересчитывая.

Пенни знала, что женщина не права. Опустив глаза, она открыла было рот и почти увидела, как у нее изо рта полились невысказанные слова. Все-таки у нее хорошая реакция; Пенни боялась оскорбить женщину, вдруг она важная персона.

Мало ли. Кто знает? Хорошо, что Пенни заставила себя смолчать. Но невысказанные слова, вырвавшись у нее изо рта, змеей закрутились вокруг шеи. Тварь шипела и собиралась ужалить. Пенни ненавидела эти фокусы своего воображения. Зло берет: вечно оно подсовывает ей змей, дохлых тварей да раздолбанные рояли потрясающей красоты. Вечер обещал закончиться весьма неприятно.

Неугомонная девчонка сняла одну кроссовку. Подошла вплотную к дыре в стене, которую сама же выломала. Расстегнула, сняла комбинезон и завернула в него кроссовку. Затем опустила руку в дыру. Женщина наблюдала за ней, придерживая шаткий столбик монет на полу. Пенни промолчала. Девушка разжала пальцы, и вещи полетели вниз. Пенни сомневалась, она действительно слышала или только вообразила звук при падении свертка — глухой удар кроссовки с мягкой резиновой подошвой да совсем легкий выдох форменной ткани.

Девушка сползла на пол, спиной по стене. У нее был изнуренный вид. Казалось, она сейчас заплачет.

Женщина в пальто поднялась. Она взяла полстолбика монет достоинством по одному фунту

и поменьше и опустила их в подкладку пальто. Монеты неприятно задребезжали.

А вы знаете, сказала она. Что лондонский Биг Бен идет так точно благодаря двухпенсовым монеткам? Их кладут столбиком на маятник. И тогда часы идут правильно.

Она показала сначала на дыру в стене, потом на рассортированные монеты на ковре. Это ваши, сказала она девушке. Тридцать два фунта с полтиной. Минус те, которые вы бросили туда.

Она перешагнула через столбики монет, кивнула девушке, потом Пенни. Засунув руки в карманы, плечом распахнула двери на лестницу. Пропустив ее, створки на петлях снова тесно прижались друг к другу.

Пенни почувствовала себя ужасно одинокой. В довершение всего девушка начала беззвучно плакать. Сев на пол, она опустила лицо в ладони и стала слегка раскачиваться взад-вперед. Пенни поднялась. Без кроссовки нога девушки казалась совсем маленькой, над носком повыше щиколотки виднелась полоска белой кожи.

Не надо, сказала Пенни, не двигаясь с места. Не надо плакать. Ну, будет вам. Все хорошо. Все будет хорошо.

Девушка раскачивалась и рыдала. Пенни в

растерянности оглянулась. Она могла просто вернуться в номер и запереть дверь. Но девушка все равно будет плакать в коридоре, и, находясь так близко, всего лишь за тонкой перегородкой, Пенни будет это чувствовать (а что хуже, наверняка и слышать). Правда, можно вызвать сюда по телефону кого-нибудь из служащих. Кто-нибудь поднимется по лестнице наверх и успокоит коллегу.

Пенни подняла выломанную панель, отнесла в самый дальний конец коридора и прислонила к двери чужого номера. Внимательно осмотрела обе руки на предмет заноз. Потом присела на корточки и подобрала из кучи монет и обломков свои косметические принадлежности. Сложила обратно в косметичку. Сдула крошки голубой краски с зеркальца и протерла его чистым концом ковра.

Вернувшись к себе в номер, она нажала на телефоне единицу. Она хотела как лучше.

Добрый вечер, дежурная слушает.

Добрый вечер, сказала Пенни. Это из номера 34. Кажется, в коридоре у моей двери плачет ваша служащая.

Пенни влезла в пальто. Надела сумку на плечо. Захлопнула за собой дверь, убедилась, что запер-

то надежно. Перешагнула через столбики монет и пошла по коридору. Нажала кнопку вызова лифта и стала ждать, пока перед ней раскроются двери. Ждать пришлось долго.

Стоя у дверей лифта, она окликнула девушку; та сидела и плакала, скрестив ноги, опираясь спиной на изуродованную стену. Ход в бездну нависал у нее прямо над головой.

Сейчас к вам кто-нибудь поднимется, сказала Пенни бодрым голосом. Потерпите немного.

На дне шахты лежали невидимые в темноте кроссовка и смятая форма; они еще хранили тепло, но постепенно остывали. Рядом лежали монеты, штуки три-четыре, может, больше. А еще разбитые часы. Пластмассовый корпус расколот, циферблат в паутине трещинок.

Звякнул колокольчик. Двери лифта открылись. Пенни зашла внутрь. Двери лифта закрылись.

Она всем телом навалилась на дверь-вертушку и толкала ее вперед, пока не оказалась на улице. Вместе с настоящим, некондиционированным воздухом на нее снизошло облегчение. Слава богу, у нее не было комплекса вины, а если и был, то разве что вины мимолетной, в общем, ерунда, каприз воображения. Ей и требовалось-то всего ничего — сменить атмосферу. Она стояла у входа

в отель и дышала, вдох-выдох.

Дождь прекратился. Пенни увидела впереди женщину в пальто, та медленно переходила улицу. Она нагнала ее у выставочного зала. Женщина смотрела через витрину внутрь, прикрыв глаза ладонью, чтобы не мешал отраженный свет уличных фонарей. Пенни тоже посмотрела. И увидела свой силуэт на фоне рулонов дешевых ковров.

Привет, это опять я, сказала Пенни.

Женщина ее видела, но, словно не замечая, продолжала глядеть в глубину зала.

За всем этим явно что-то кроется. Пенни носом, сердцем чуяла хороший материал. Можно сказать, чувствовала его. Она взяла след. И не отступит.

Интересно, что бы это значило, произнесла она. Курите?

Женщина помотала головой.

Терпеть не могу, когда плачут, сказала Пенни. Она зажгла сигарету, затянулась, выпустила дым. Но, к счастью, у меня нет комплекса вины, продолжала она. А что вы собираетесь делать? Может, направляетесь в какое-то интересное местечко?

Женщина пожала плечами.

Хотите зайти куда-нибудь выпить или переку-

сить? спросила Пенни.

Женщина отвернулась, что-то пробормотав. Пенни послышалось, что она идет смотреть на дым.

Я с вами, сказала Пенни. Обожаю дым.

Женщина рассмеялась, задохнулась, закашлялась. Потом потрясла головой, стараясь сдержать приступ. На дома, сказала она, уняв кашель.

А, сказала Пенни. На дома, понятно. Можно составить вам компанию? По правде говоря, мне совершенно нечем заняться, по крайней мере в данную минуту.

Лицо женщины было равнодушным. Помолчав, она кивнула.

Она повела Пенни за собой вдоль выставочного зала, потом по скверно освещенной улице, практически пустой, не считая трех машин, припаркованных возле китайской забегаловки.

Вы хотите присмотреть для себя дом? спросила Пенни

Мм? сказала женщина.

Я хотела спросить, может, вы ищете для себя дом, сказала Пенни.

Женщина снова издала смех с присвистом, переходящий в кашель. Да, сказала она. Угадали.

Они миновали компанию подростков, которые

сидели и стояли, подпирая стену забегаловки. Привет, бросила на ходу Пенни. *Приветик*, передразнили парни. Один из них швырнул что-то им вслед. Смятую банку из-под пива. Парни покатились со смеху, стали что-то горланить. Пока, крикнула Пенни. *Пока-а*, закричали в ответ.

Женщина хромала. Но при этом шла удивительно быстро, и Пенни с трудом за ней поспевала.

Вы ударились ногой? Потянули мышцу? спросила она.

Да. Когда играла в теннис, сказала женщина.

С этим шутки плохи, сказала Пенни. Перед игрой надо обязательно сделать разминку, иначе можно что-нибудь себе повредить.

Дул ветер. Казалось, они прошагали несколько миль. Женщина часто останавливалась и кашляла. После нескольких попыток заговорить Пенни замолчала; ее озадачивала немая спина проводницы. Ее передергивало от звука кашля. Вполне возможно, что женщина — алкоголичка. Все это вызывало не меньшую растерянность, чем слезы горничной. Она уже жалела, что ушла из отеля, и подумала, не вернуться ли, пока она еще помнит дорогу. Но на обратном пути ей снова придется пройти мимо тех парней у забегаловки, только теперь в одиночку. К тому же вдруг за

время ее отсутствия служащие еще не успели увести слезливую девицу. Так они добрались до городских окраин, и ветер доносил уже не запах по-зимнему сырого металла, но аромат сырой земли, изгородей и садовых участков. В центре небольшой лужайки перед каждым домом, дворик за двориком, росли розовые кусты — одни совсем голые, на других цветы побиты морозом.

Женщина остановилась.

Они стояли перед окном с раздвинутыми шторами; можно было поглазеть. Ребенок, девочка, сидела на диване и читала книжку. В комнату вошла женщина и что-то сказала. Девочка подняла глаза и отложила книгу. Потом вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Как вам этот? спросила Пенни, разглядывая дом. Одноэтажный домик, приземистый уродец, зажатый между соседями. Такой обойдется совсем недорого. Перед домом на открытой площадке, покрытой травой, стояло несколько машин. Одна была без дворников.

Тс-с, шикнула женщина. А может, она просто дышала с присвистом, Пенни не поняла. Женщина еще немного постояла перед окном. И двинулась дальше.

Миновав несколько домов, она остановилась у

другого освещенного окна. Пенни подошла ближе. Какая-то женщина измеряла портновским сантиметром длину ног мужчине, который смотрел телевизор, стоя на стуле.

Это ваши знакомые? спросила Пенни. Женщина в пальто помотала головой. Потом кинула на Пенни свирепый взгляд; Пенни испуганно отступила назад. Мужчина, видимо, сказал что-то ужасно смешное. Женщина расхохоталась с полным ртом булавок. Ей вторил мужчина. Она вынула булавки изо рта и, отведя колючую руку подальше, села на пол.

В самый интересный момент, когда парочка за стеклом отсмеялась и стала обжиматься прямо на полу, женщина в пальто двинулась дальше. Она останавливалась перед каждым окном, в котором были раздвинуты шторы и горел свет, и стояла у ограды, откуда все было видно. От веранды к веранде, от одного дощатого домишка к другому, с таким же крохотным прямоугольным садиком, окошки у всех маленькие, словно съежились, свет за задернутыми шторами превращает их в сусального золота квадратики на черном фоне, а комнаты, куда Пенни удавалось заглянуть, забиты разнокалиберной мебелью. В углах торчали кресла-близнецы; всякая рухлядь валялась

в грудах или была аккуратно, с маниакальной педантичностью разложена по полочкам и каминным доскам. В основном люди в освещенных комнатах смотрели телевизоры, а кое-где экраны отбрасывали яркий мигающий свет в пустые комнаты с незашторенными окнами, глядящими в темноту; вереница домов тянулась без конца. По краю каждого участка и чуть дальше, между тротуаром и дорогой, шли полоски нестриженой травы. Трава была муниципальная. Пенни шла по тротуару. Она изо всех сил старалась не ступать по траве.

А женщина все смотрела на людей, которые смотрели телевизор. Пенни поежилась, втянула руки в рукава, шмыгнула носом. Брр, произнесла она. Женщина вздрогнула; взлетевшая рука приказала: тихо.

Пенни отошла в сторону и прислонилась к фонарному столбу; она злилась. Под светом фонаря она заглянула в сумку в поисках парацетамола. К сожалению, не захватила. У нее начиналась простуда. Разболелась голова. Стоял жуткий колотун, чтоб его. Они перешли с бедной улицы, где дома были в заплатах или забиты досками, а садики какие-то обгрызенные, в квартал побогаче — тут машины были поприличнее, а в садах пестрели

обрезанные ломоносы и высаженные под зиму анютины глазки.

Этот очень даже ничего, доверительно прошептала Пенни.

Женщина уставилась в окно, где средних лет женщина в халате пила из кружки, лакомясь с тарелки чем-то оранжевым. Иногда она бросала взгляд на газету, что держала на коленях, но больше смотрела куда-то вперед. Мерцающего отсвета не было. Видимо, она слушала музыку или радио. А может, просто сидела в тишине. Пенни вспомнила название улицы на стене углового дома. Отсюда как раз удобно вызвать такси. Ох, она же вынула мобильный телефон из сумки, он остался лежать рядом с телефоном в номере, а у нее не было при себе денег, чтобы позвонить в заказ такси! Господи, подумала Пенни. Вот черт. Сердце у нее ушло в пятки. Она испугалась.

Но ведь у этой женщины есть деньги, у нее полным-полно мелочи, Пенни сама видела, как в коридоре отеля та опустила монеты в карман. Сердце у нее подпрыгнуло. Где-то поблизости должна быть телефонная будка. А если бы Пенни очутилась здесь, в этих местах совсем одна (сердце снова ушло в пятки), она могла бы перевести оплату звонка на кого-нибудь из домашних

или на редакцию, чтобы ей вызвали такси через службу «Говорящие желтые страницы» (сердце снова подпрыгнуло), которая может определить номер звонящего в любой точке страны, откуда бы ни совершили звонок.

Пока они переходили через поросшую травой насыпь, Пенни плелась сзади и лихорадочно думала, кому бы позвонить. Потом она вспомнила, в каком состоянии ее ботинки. По другую сторону насыпи, где шла улица, по обеим сторонам которой стояли на небольшом расстоянии коттеджи, по центру проезжей части между рядами припаркованных машин брела старушка, божий одуванчик.

Здравствуйте, сказала Пенни. Мы тут смотрим дома. Вам не холодно?

Старушка была без пальто. Искала свою кошку.

Она никогда не гуляла так поздно, сказала старушка. Стоило мне отвернуться, как она пропала. На нее это непохоже. Прямо не знаю, что делать.

Не волнуйтесь, сказала Пенни. Вы внимательно поискали в доме? Может, она спит в шкафу или под кроватью. Кошки очень самостоятельные. Они умеют о себе позаботиться. Идите домой, а то холодно. Она сама вернется. А может, она ждет

вас дома.

Она у меня черно-белая, сказала старушка. Вы ее не видели?

Нет, сказала Пенни.

Белое пятнышко над глазом, вот здесь, и белая манишка. Она никогда не гуляет. Она могла проскользнуть в дверь, когда приходили из Общества спасателей. Должно быть, убежала, пока я ходила за кошельком. Я не пускаю ее на улицу. Она никогда не гуляет.

Тем временем женщина в пальто проковыляла приличное расстояние и собиралась повернуть за угол. Пенни просто не верилось, что ее спутница успела уйти так далеко. Она снова испугалась. Она попрощалась со старушкой, но та согнулась, чтобы заглянуть под машину, и не расслышала. Пенни побежала вдогонку за женщиной. Каблуки не давали бежать быстро. Сгорбленная хромая фигурка исчезла где-то за железнодорожным мостом.

В конце концов Пенни увидела ее на бетонной скамье перед небольшим зданием, видимо, торговым центром. За спиной женщины виднелись библиотека и два магазинчика. В витрине обувного все туфли пестрели рождественскими украшениями. Второй магазин был закрыт; в го-

лой темной витрине виднелась надпись: «Скидка на все товары 50 %»; внутри — одни пустые полки. Вывеска над входом: Хилтонз. Самое лучшее. Пенни даже не могла понять, чем здесь торговали раньше, до ликвидации. Ей стало грустно. Она отвернулась и стала смотреть в другую сторону. Поблизости раздавался непрерывный грохот; повернув голову, она увидела двух мальчишек на скейтбордах, которые прыгали на покатую бетонную стену за магазинчиками.

Чем бы дитя ни тешилось, сказала Пенни.

Женщина закуталась в пальто с головой. Пар от дыхания вырывался из отверстия между пуговицами.

В вестибюле закрытой библиотеки был городской телефон. У Пенни екнуло сердце. Она подошла к телефону и сняла трубку. Работает! Слава богу. Какое счастье. Самое время вежливо поинтересоваться: вам не кажется, что лучше взять такси и вернуться в отель? Стало холодно, и вообще, мне пора. Мне надо работать, большое спасибо за приятную прогулку. Но в тот момент, когда она, присев на скамью рядом с женщиной, открыла рот, туда занесло ветром волос. Он не принадлежал ни ей, ни женщине в пальто. Волос был длинный. И явно чужой. Пенни с омерзением

вытащила его изо рта. Потом, зажав пальцами, вытянула руку вперед. Кончики волоса развевались на ветру.

В каком-то смысле это то же самое, да, абсолютно то же самое, подумала она, что заглядывать в окна разных домов и наблюдать за людьми, которые об этом не догадываются. Женщины с шитьем в руках перед телевизорами, что освещают гостиные вместо каминов. Мужчины, нежно кладущие сигареты меж губ или спящие с отраженным мерцанием на лице. И еще — бесконечное поглощение пищи и питья; она весь вечер наблюдала с улицы за этим занятием ни о чем не подозревающих людей. Подумать только! Но если бы эти люди посмотрели в окно, в черный квадрат комнаты между раздвинутыми шторами или поднятыми жалюзи, то увидели бы вовсе не черноту, и уж конечно не тех, кто на них смотрит, а отражение самих себя в отражении собственной гостиной. А если бы они выключили свет, подождали, пока глаза привыкнут к темноте, и опять посмотрели, интересно, что бы они увидели там, за окном? Кого бы они там увидели? Может, они бы вообще ничего не увидели?

Наблюдение за привычной перистальтикой чужих жизней доставляло какое-то порочное,

тошнотворное наслаждение; Пенни отталкивала и одновременно завораживала мысль о том, что, стоит повернуть выключатель в комнате или ухватить самую настоящую «нить» — волосок с чужой головы, предмет, наделенный эфемерностью, неповторимостью и особой интимностью — и она может установить с кем-то невидимую связь. Она подняла руку повыше. Ветер сдул волос с перчатки, и Пенни следила за его полетом вдоль тротуара, пока не потеряла из виду. Тогда она повернулась, чтобы наконец хорошенько рассмотреть женщину, что сидела, дрожа от холода, рядом с ней на ледяной бетонной скамье.

Та выглядела усталой. Она дышала прерывисто и шумно, словно через несколько слоев влажной ткани. Каждый вдох отдавался в груди приглушенным, но явственным эхом. Можно было подумать, что ее терзает неведомая сила. Была в ней какая-то обреченность; рассеянный взгляд, стянутая кожа вокруг рта, особенная манера сидеть — все это наводило на мысль, что она будто отключена от источника питания и держится только за счет аварийного блока, запасы энергии в котором на исходе. Она сжимала кулаки, но то был жест покорности; ботинки свободно болтались, словно были с чужой ноги. Сгорбленная

поза, походка, неуклюжая и осторожная, страдание от холода и в то же время безразличие к нему — все это настойчиво свидетельствовало; и Пенни силилась понять, о чем. С одной стороны, эта женщина была неизвестно кто. А с другой, она произвела на Пенни колоссальное впечатление. Пенни не могла припомнить ничего подобного, и вдруг до нее дошло, что среди всех, с кем ей приходилась встречаться в жизни, среди этих сотен, тысяч людей, никто и близко не напоминал незнакомку.

Пенни решила посвятить ей еще немного времени, а потом вернуться в отель. Мало ли что может произойти. Она обожала в себе это качество — готовность к риску, к приключениям, вроде нынешнего.

Она вежливо подождала, пока женщина прокашляется. Потом вытащила из сумки сигареты и начала.

Точно не будете? спросила Пенни.

Это вредно, сказала женщина.

Вы не против, если я покурю? спросила Пенни снова.

Женщина помотала головой.

Как вас зовут? продолжала Пенни, закуривая. Чем зарабатываете?

Зарабатываю? сказала женщина.

Ну да, сказала Пенни. На жизнь.

А-а, жизнь, сказала женщина. Хриплый голос раздавался из пальто. Пенни ждала продолжения, но напрасно.

Холодная ночка, сказала она.

Ясная, откликнулась женщина. И показала вверх.

Высокое небо было усыпано звездами. Красиво, сказала Пенни. И поежилась. Она решила зайти с другого боку.

Как вы думаете, что она затеяла, горничная в отеле? спросила она женщину.

Та снова пожала плечами.

Пенни поедала глазами телефон за плечом женщины. Вдруг та заговорила.

Она хотела проломить стену, сказала она.

Да, сказала Пенни. Она была какая-то растерянная, ни дать ни взять брошенный щенок. Думаю, такие молоденькие девушки не должны работать. Хочу с этим разобраться, когда вернемся в отель. Вы согласны?

Она не сбежала, сказала женщина.

Пенни неуверенно кивнула.

Это были ее деньги, сказала женщина.

А-а, ничего не понимая, ответила Пенни. Те-

перь я тоже потерялась.

Да, сказала женщина. Это хорошо. Значит, на самом деле вы ни за что.

Что? спросила Пенни.

Не потеряетесь, сказала женщина.

Да-да, сказала Пенни. Не потеряюсь. Понятно.

Если ты знаешь, что потерялся, сказала женщина, значит, ни за что не потеряешься.

Пенни запомнила эту мысль. Если знаешь, что потерялся, значит, на самом деле ни за что не потеряешься. Так, что ли? Она не поняла. Умно, произнесла она вслух.

Женщина кивнула.

А потом сказала: помните старуху на углу Морган-Роуд? Она вам сказала, что потеряла кошку?

Бедная, сказала Пенни. Надеюсь, кошка найдется.

Нет, сказала женщина. Она ищет ее каждый божий день. Никакой кошки нет. А если когда и была, то пропала давным-давно.

А-а, сказала Пенни. Видно, вы не раз совершали подобные вылазки. Вы часто здесь бываете?

Сомневаюсь, что кошка существует, проговорила женщина.

Пенни знала, что некоторые люди предпочитают жить в отелях, а не в собственном доме или

съемной квартире. Вы живете в отеле? спросила она.

Молчание.

Пенни затушила сигарету о подлокотник бетонной скамьи. Она решилась еще на одну попытку. Последнюю.

Вы родом не отсюда, верно?

Женщина покачала головой.

А откуда? спросила Пенни.

Женщина молча дышала.

Забавно, сказала Пенни, словно обращаясь к самой себе. Когда меня об этом спрашивают, я обычно вру. Это называется невинная ложь. Я рассказываю, что у меня было несчастное детство и что я сирота. Интересно, человек и в тридцать лет остается сиротой? Этой байкой я всех потчую — на вечеринках, и не только. Говорю: *вообще-то я сирота*, и смотрю в лицо собеседнику, вы не представляете, как забавно наблюдать внезапное замешательство. Думаю, во-первых, люди воображают, будто я прошла через тяжкое испытание, которое в будущем, после смерти родителей, ждет и их. Но в то же время они видят во мне ранимую личность, которая нуждается в особой заботе. Этого я и добиваюсь. Но надо же излить кому-нибудь душу. Со мной это редко бывает,

сказала Пенни.

Она взглянула на женщину. Кажется, та слушала. Пенни продолжала.

Вообще-то мои мать с отцом оба живы-здоровы. Хотя смотря откуда посмотреть. Теперь они живут в разных городах, так что на Рождество нам с братом приходится мотаться туда-сюда. Оба они хорошо обеспечены. Мы росли в полном довольстве. Мое детство было в меру сладким, в меру гадким. Раз уж я пустилась в откровения, то расскажу все без утайки. Мой отец изменял матери направо-налево — как делают большинство мужчин. И вот в подростковом возрасте, когда я просекла, что происходит, то начала, что называется, подворовывать. Ну, скажем, в магазинах. В гостях тоже, но в основном в магазинах.

Женщина вроде бы слушала.

Я тибрила все, что попадалось под руку, откуда только можно. Это оказалось на удивление просто. Я прятала украденные вещи под кровать; думаю, они до сих пор находятся в отцовском доме. Особенно виртуозно я воровала украшения для волос; они проскальзывают в рукав незаметно, словно сами собой, раз — и целая горсть побрякушек, каждая в отдельном пакетике, с крючка да в сумочку или в рукав. Они так и ле-

жат кучей под моей девичьей кроваткой, все эти нераспакованные пластмассовые шарики и цветные резиночки. А еще косметика и компьютерные игры. Приезжая к отцу, я обычно достаю свои запасы и перебираю. Еще у меня там много одежды. Юбки, джемпера, маечки. У меня под кроватью, можно сказать, обесценившийся клад. Все шмотки сплошь розовые, серые, голубые да бежевые. Старомодные до слез. На кухнях у знакомых я воровала кружки, ложки, всё подряд. Я поставила цель: унести из каждого дома как минимум один «сувенир».

Не сработало. Теперь про мать, подумала Пенни.

Мать всегда больше любила брата, начала она. И я всегда об этом знала. Только теперь мне по фигу. А тогда было совсем не по фигу, наоборот, и я отомстила ни о чем не подозревающей матери в постели — стала спать со старым другом родителей. Случайно встретилась с ним на станции в пригороде Лондона. Он был частым гостем в нашем доме, я хорошо его знала. На вид этакий, знаете, добрый папашка, все они одинаковые.

Наконец-то женщина кивнула. Клюнула, подумала Пенни и почувствовала, как по затылку пробежал озноб азарта.

Я подумала: вот тебе. И отомстила: мы наспех потрахались в пустом станционном зале ожидания. Первый мужчина. Это было потрясающе. И в то же время так убого. Омерзительно. Вы понимаете?

Женщина сочувственно посмотрела на Пенни. Та ответила ей жалобным взглядом. Секс, констатировала она про себя, сохраняя на лице маску страдалицы. Если не срабатывают истории про воровство и про девочку, которую не любили папочка с мамочкой, упирай на секс, не ошибешься.

Она продолжала.

Он любил, чтобы я носила очень короткие юбки. Я здорово наловчилась красть мини. Мне было семнадцать. Он был главным редактором газеты. Кстати, именно он устроил меня на первую работу. Так что эта интрижка оказала положительное влияние на мою жизнь, причем в разных планах.

Женщина вдруг разволновалась. В газете? В настоящей газете? спросила она.

В «Мире», ответила Пенни. В нашей газете полно «воды». Буду честной до конца: нам приходится заполнять газетную площадь в очень сжатые сроки. Этим я и занимаюсь. Моя работа

— «лить воду» для людей вроде нас с вами.

Она толкнула женщину в бок, как закадычную подругу. Женщина мотнула головой. Значит, вы работаете не в газете? спросила она.

Я работаю в «Мире», сказала Пенни. Ну, «Мир». Знаменитый «Воскресный Мир».

Это газета? спросила женщина.

Ну да, «Мир», повторила Пенни.

В смысле, этот, как его, позабыла слово, сказала женщина и описала руками большой круг, будто стараясь обхватить нечто необъятное.

Пенни засмеялась. Просто не верится, что вы не слышали про «Мир», сказала она. Но тут глаза женщины округлились, и она высунула голову из пальто.

Так вы журналистка? спросила она. Берете интервью у людей, и все такое?

Ну, в основном интервью, сказала Пенни. Все такое, как правило, не слишком занимательно.

Это в вашей газете была та страница? спросила женщина. Она размахивала руками. Пенни откинулась на спинку скамьи.

Возможно, сказала она. Какая страница?

Про вещи, которые носят с собой бездомные, ну, про то, что лежит у них в карманах.

Хм, произнесла Пенни.

Там должны были напечатать фотографии вещей разных людей. Надо было выложить их из карманов на землю все до одной. А рядом должны были написать о самом человеке, объясняла женщина. Имя, место, где сделана фотография, в таком духе.

Нет, что-то я не помню такого материала, сказала Пенни. По крайней мере, за время моей работы в «Мире».

А вы давно там работаете? спросила женщина.

Уже четвертый год, ответила Пенни.

Глаза женщины затуманились. А, сказала она и отвернулась. Но вскоре повернулась снова. А вы не помните такую страницу, может, видели в другой газете? спросила она.

Нет, сказала Пении, качая головой. В «Мире» точно не видела. Некоторые издания еще делают такие репортажи. Думаю, это была другая газета, мы редко занимаемся подобными экспериментами. Буду с вами откровенна: это не актуальный материал. Да, при прошлом правительстве в моде были слезные истории о несправедливости общества и судьбе маленького человека. Но при нынешнем это выглядит как дурацкое нытье. Сейчас про это никто не пишет. Разве что про наркотики. Они по-прежнему актуальны.

А там были и наркотики, сказала женщина. Все их принимают. Мы, бездомные, все колемся. Все без исключения.

Вы все колетесь, повторила Пенни.

А как же, сказала женщина. Дурь, она как бы трахает мозг. Причем как следует. Извиняюсь за выражение, сказала она, словно спохватившись.

Так вот чем вы занимаетесь, произнесла Пенни.

Она здорово изменяет человека, сказала женщина.

Бездомного, сказала Пенни.

Да любого, сказала женщина. Он превращается в грязную скотину.

Женщина умолкла. Сидела и ничего не говорила. Потом покачала головой. Бессильно подняла руки ладонями вверх. Ой, извиняюсь за выражение, повторила она.

Я просто дура, думала Пенни. Какая же я дура. Во-первых: это пальто. Мелочь в карманах. Грубая кожа, вонь, апатия, безразличие. Бесцельное шатание. Дыхание со свистом. Я просто дура. «Пенни летит в пропасть». «Пенни пала». Неплохой заголовок. Ее вдруг снова разобрал смех. Затем она вспомнила про телефон, такси и теплый номер с задернутыми шторами.

Женщина что-то говорила. Что-что? спросила Пенни.

Вещи, стоит их тронуть, сказала женщина, ну, рассыпаются.

Знаете, вечером, когда мы встретились, я думала, у вас номер в отеле, сказала Пенни.

Ага, ответила бродяжка. Так и было.

А-а, сказала Пенни. Она поднялась и стала притопывать ногами. Ботинки совсем расклеились, ноги заледенели. Пенни подумала, не дай бог, я их отморозила.

Про что вы там пишете — про всякие новости и исторические события, типа той войны в Заливе? спросила бродяжка.

Мм? произнесла Пенни. Нет-нет, я пишу колонку «Стиль жизни». Правда, как-то для одной статьи мне пришлось прыгать с парашютом. Это был кайф.

Вот это да, вежливо удивилась женщина.

Пенни вышла на проезжую часть. Мимо проезжали машины, но такси было не видать. Здесь ходят такси? прокричала она. И потопала ногами.

Можно попросить вас об одолжении? спросила женщина.

А? крикнула Пенни, она стояла на середине

дороги, прикидывая, берут ли местные таксисты кредитные карточки.

Можно узнать у вас смысл?

В каком смысле, смысл? спросила Пенни, возвращаясь на тротуар.

Есть одно слово. Я не знаю, что оно значит.

Давайте. Какое слово? спросила Пенни, постукивая каблуком о каблук, глядя на дорогу в поисках признаков другого мира.

Моисоста, сказала женщина.

Пенни замерла на месте. Мои что? спросила она.

Женщина громко повторила слово по буквам. Пенни покачала головой.

Нет, сказала она. Я не знаю, что это за слово. Лично я никогда такого не слышала.

Оно из стихотворения, сказала женщина. Моисоста, вы.

Пенни открыла сумку. Достала ручку и стала искать, на чем бы записать. Женщина произнесла слово еще раз, и Пенни записала его печатными буквами на внутренней обложке чековой книжки. Потом внимательно изучила надпись, держа книжку под светом из окон библиотеки, и покачала головой.

Нет, сказала она. В первый раз вижу. Похоже

на иностранное. Может, французское? Мне очень жаль, но…

Пенни поразило, что она и впрямь испытывает сожаление. Она снова взглянула на бродяжку. И подумала, как эта женщина может так заблуждаться — верить, что на Луне есть гравитация. Все знают, что это не так. Пенни улыбнулась про себя. И сделала запись в чековой книжке.

Как вас зовут? спросила она женщину. Прошу вас, скажите. Сегодня я провела удивительный вечер. Встреча с вами перевернула мою жизнь.

Женщина как будто была польщена.

Дженет, сказала она.

Дженет. Дальше? спросила Пенни, записывая.

А зачем вам это знать? спросила женщина.

Просто так. Чтобы лучше запомнить, ответила Пенни.

С минуту женщина раздумывала. А потом сказала: Фримен. Дженет Фримен.

Пенни Уорнер, сказала Пенни. Было приятно познакомиться. Она сняла перчатку и протянула женщине руку. Та, приятно пораженная, сжала ладонь Пенни холодными пальцами.

Это вам, Дженет, сказала Пенни. На всякий случай.

Пенни опустила сложенный чек женщине в

карман и, засунув поглубже, прихлопнула сверху. Она забыла про испорченные ботинки. Ее сердце забилось и взлетело от радости, вознеслось трепетной птицей высоко-высоко.

Да, кстати, сказала Пенни. Подвезти вас до отеля?

Бродяжка покачала головой.

Ну, ладно. Так вы не знаете, здесь где-нибудь ходят такси? спросила Пенни. Кстати, Дженет, может, вы будете так добры и одолжите мне денег, чтобы вызвать такси по телефону? Мне пора возвращаться. Работа.

Тем временем женщина сунула руку глубоко в подкладку пальто, вытащила монетку в двадцать пенсов и уже протягивала ее Пенни.

Держите, сказала она.

К тому времени, когда Пенни добралась до отеля, мысль о том, что она выписала слишком крупный чек, не давала ей покоя. Поднявшись на лифте на свой этаж, она уже приняла решение.

Двери лифта раскрылись. Пенни выглянула наружу.

Девушки не было. Мелочь с ковра тоже исчезла. Всё прибрали. Но жуткий пролом в стене зиял по-прежнему. Пенни прошла мимо, отвернувшись, чтобы ничего не видеть. Она отперла свою

дверь. В стерильно чистом номере пахло новым компьютером.

А что, здесь симпатично, подумала она.

Она плотно задернула шторы, скинула с ног грязные, никуда не годные ботинки и плюхнулась на кровать.

Как я устала, подумала она.

Ни на том, ни на другом телефоне сообщений не было. Она включила компьютер. Часы на мониторе показывали 11:15. Новой почты не было. На секунду ее охватило острое чувство одиночества. Затем она прямо с ходу набрала первый абзац текста. Перечитала. Он практически не требовал исправлений.

Неплохо, подумала она.

Она потянулась к телефону и набрала 1.

Добрый вечер, дежурная, произнес голос.

Здравствуйте, сказала Пенни, это из тридцать четвертого номера. Я хочу заказать клубный сэндвич.

Конечно, мадам, ответил голос. Я переключу вас на «Обслуживание номеров».

Еще одна просьба, сказала Пенни. Вы не подскажете код платных каналов в телевизоре? Я не смогла найти информацию в брошюрах, хотя перерыла весь номер.

Конечно, мадам. В нашей брошюре в разделе «Платные каналы» указано, что необходимо просто набрать дважды цифры вашего номера. Таким образом, код платного канала в вашем номере будет тридцать четыре — тридцать четыре.

А, сказала Пенни.

Обслуживание номеров, произнес голос.

Это из тридцать четвертого номера, сказала Пенни. Принесите мне, пожалуйста, клубный сэндвич.

Разумеется, мадам, ответил голос. Какой напиток к сэндвичу?

Какао, сказала Пенни.

Да, мадам. Со сливками?

Без, сказала Пенни.

И повесила трубку. Она пультом включила телевизор и быстро пробежала по каналам, пока не нашла тот самый закодированный, что начала смотреть в начале вечера. На экране появилась надпись: теперь надо было нажать на пульте кнопку платного просмотра. Пенни нажала. Канал включился мгновенно. Женщина в мужской широкополой шляпе и расстегнутом плаще сидела в машине возле какого-то дома. Она явно изображала частного сыщика; у нее был фотоаппарат с чудовищно длинным объективом.

Глядя в объектив, она наблюдала за мужчиной и женщиной, которые неистово трахались на кухне. Сыщица посмотрела-посмотрела, а потом опустила фотоаппарат и засунула себе палец в рот. Женщина на столе застонала. Она держалась за стенку буфета. Мужчина что-то сказал ей приглушенным голосом. Потом перевернул ее на живот и вошел сзади. Женщина застонала громче. Прямо у ее головы висел набор ножей, рядом стояло блюдо, насколько рассмотрела Пенни, с нарезанным сырым мясом, а в плетенке лежали пирожные с белой глазурью и красными вишенками. Мужчина намотал кусок мяса на указательный палец и, похоже, собирался засунуть его женщине в задний проход. Камера перешла на женщину в машине, которая тем временем вынула объектив из фотоаппарата и положила себе между ног. О-о, простонала она. И, не вставая, стала елозить по нему взад-вперед.

Пенни дописала второй абзац и перечитала вслух.

Отлично, решила она.

Вдруг она что-то вспомнила и достала чековую книжку. Она ведь записала на ней слово. То самое, значение которого хотела узнать бродяжка. Из праздного любопытства Пенни вызвала компью-

терную программу «Правописание» и набрала по буквам мо, потом и, сос и та, но поле поиска осталось пустым. Через секунду программа предложила заменить искомое слово на *моста*. Она посмотрела в тезаурусе[34]. *Слово не найдено*, отвечала программа. *Выберите другое слово для поиска.* И предложила следующий список слов на замену: мои, мост, мостик, мостить, мостовая, мостостроительный.

Пенни принесли заказ.

Она подписала счет, поела, попила.

За едой она вспоминала прошедший вечер. Скучным его не назовешь. Напротив, он оказался на редкость интересным. Никто бы не поверил, что она совершила прогулку по самым подозрительным районам города и заглядывала в чужие окна в компании бездомной, которая спрашивала у нее смысл. Кто, кроме Пенни, пошел бы на это? А ей понравилась эта бродяжка, которая водила ее смотреть на садики перед домами — в одном они видели старый диван, в другом холодильник — садики с позабытыми детскими игрушками, а где с фуксиями, розами и аккуратными темными газончиками. Сады Старой Англии. Так и слы-

[34] Примечания: 34
Компьютерная поисковая программа.

шится: «Великобритания Блэра на заре Нового Тысячелетия». Она должна предложить этот заголовок. Его стоит обмозговать. Класс: яркая мысль, немного китча, старомодная помпезность плюс определенная социальная направленность. Она была довольна. Она не ожидала, что эта авантюра принесет столько пользы.

Ей пришло в голову, может, бездомная обходила дома в поисках, чем бы поживиться.

Пока не забыла, Пенни набрала номер круглосуточной банковской службы и ввела свой пароль. Потом назвала оператору номер выписанного чека.

Аннулировать? спросил оператор.

Пенни медлила с ответом. Она вдруг застыла, словно на нее направили пульт дистанционного управления и нажали «паузу». В это бесконечное мгновенье ей вспомнилось все: толщина и худоба монет; великие часы, взирающие сверху на Темзу и на здание парламента, маятник которых не выходит из строя благодаря столбику мелочи; бородатый мужчина, взбирающийся по древним ступеням, зажав в кулаке перо и горошину; а еще как взятая у бродяжки монетка, что провалилась в щель автомата, позволила человеку на другом конце провода поднять трубку и услышать ее

голос.

Алло, сказал мужской голос. Алло!

А теперь она сидела на кровати в номере с трубкой в руке и разговаривала с незнакомым служащим круглосуточного отделения банка.

Да, будьте добры, сказала она.

На мгновенье она подумала, что даст слабину. На мгновенье ее мир пошатнулся. Но, слава богу, уже все в порядке. С этим чувством она продиктовала в трубку две последние цифры выписанного чека; наверное, это было жестоко по отношению к бродяжке, учитывая проведенный вместе вечер и особенно — происходящее в данный момент на экране телевизора. Но дверца, что приоткрылась у Пенни в сердце, захлопнулась. Слава богу, подумала она снова, восхищаясь собой, во-первых, за порыв великодушия, а во-вторых, за способность вовремя остановиться, за то, что она обладала необходимым для этого здравым смыслом. Раз уж человек бедный, значит, бедный. Он просто-напросто не умеет обращаться с деньгами. Для человека непривычного деньги — сплошная морока. Без них даже легче. Как говорится, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко…

«Как бродяжке счастье привалило». «Пенни с Небес».

Она рассмеялась. Здорово сказано. Она была просто в ударе. Дописав последний абзац статьи про отель, она еще раз просмотрела текст.

То, что надо, подумала она.

Опасаясь вызывать по телефону горничную (вдруг пришлют ту девушку, что рыдала в коридоре), она сама стянула с постели покрывала и одеяло. Как всегда, проверила простыни на предмет следов от сигарет, крови, всяких там пятен, волос.

Закончив статью, она сохранила текст и отправила по электронной почте. Она не стала выключать телевизор, что-то сыто бормотавший на малой громкости у стенки, свет тоже оставила. (Обычно это прогоняло сны, но в ту ночь ей снова приснится, как она падает из самолета, на спине — бракованный ранец, стропы и веревки перепутались и парашют не раскрывается, а она парит над безлюдным английским ландшафтом, и деревья кажутся такими крохотными, что хочется взять одно, зажать между большим и указательным пальцами и положить на язык, словно заморский деликатес, который не знаешь, как правильно есть. Но вдруг кто-то поймет, что она этого не знает, или вдруг за время полета дерево в желудке вымахает до своих истинных размеров,

уподобившись земным собратьям, разорвет ей чрево, и оттуда вырвутся на свет новорожденные листья и ветви, ствол и корни?) Она собрала и упаковала в чемодан гостиничный шампунь, блокнотики, ручку, карандаш, ватные шарики, бархотку для обуви и крем для рук, потому что завтра рано утром отправлялась на юг, домой.

Она вытянулась во весь рост. Кровать была гигантская. Постель пахла чем-то сладким и уже успела нагреться от ее тела. Пенни была готова немедленно провалиться в глубокий, крепкий сон.

Само совершенство, подумала она, засыпая.

ОТЕЛИ «ГЛОБАЛ»

Не важно, в каком уголке мира вы очутились, главное, что рядом есть «Глобал». Да, вы можете находиться где угодно — даже в родном городе. Здесь вы спокойно поработаете и отдохнете, надежно укрывшись «от всего этого» в великолепных просторных номерах. Их неповторимые интерьеры, созданные по оригинальному проекту, выше всяких похвал. Это лишь одно из фирменных отличий уникальной сети отелей «Глобал».

Здесь вам будет хорошо.

Почему стоит поехать в «Глобал»?

Для этого не нужен повод. Сеть «Глобал» — это комфортабельные, как правило, небольшие отели в современном стиле с уютной атмосферой. И они по праву занимают место под солнцем. Разумные цены и элегантная обстановка позволяют им оставлять далеко позади всех конкурентов. Ибо здесь исполняются желания.

Почему стоит пожить в «Глобал»?

Да вам просто не захочется уезжать! Где бы вы ни оказались — в Нью-Йорке, Брюсселе, Лидсе, — мы с полной уверенностью гарантируем, что в отеле «Глобал» вас, как и автора статьи, подстерегает соблазн целый день просидеть в номере, упиваясь пышной роскошью обстановки. Сидя в кресле, вы ощутите поистине домашний уют, и уже не захотите подняться, не говоря уж о том, чтобы покинуть номер. А еда! О ней можно говорить часами. Это еще одна причина, по которой

вы не захотите уезжать. Сеть «Глобал» делает ставку на лучших шеф-поваров с многолетним опытом, поэтому в любом отеле вас ждут разнообразные и изысканные блюда высочайшего качества.

Светская жизнь

Это превосходное место для проведения деловых встреч, оборудованное по последнему слову техники, удовлетворит запросы как одного бизнесмена, так и небольшой конференции. Смеем заверить, что доступные цены «Глобал» в любом случае достойны вашего внимания.

Зимний отпуск

Давайте признаемся честно: зимой тяжело работать, тяжело переносить погоду и вообще жить. Вам предлагается альтернатива: неземное блаженство в комфортабельных условиях, безупречное обслуживание и само удовольствие от пребывания в номере с видом «от Глобал» и возможности пользоваться телевизором новейшей модели. Почему бы на время не позабыть обо всем? Максимум

стиля, минимум забот… Классические и, безусловно, современные отели «Глобал» — это идеальное убежище, с особой, ни с чем не сравнимой атмосферой.

Рубрика «Совершенство от „Мира“» присуждает сети отелей «Глобал» девять баллов из десяти.

Безупречный стиль, безупречный отдых.

Превосходное место.

Будущее в прошедшем

И поскольку я решила самое главное что я там побывала и поскольку я принесла домой охренительно шикарные новые туфли а еще они накормили меня завтраком и все было очень вкусно

И поскольку у меня есть бумажка в пять фунтов

И поскольку я знала я уже знала из газет про весь этот ужас про бесформенную кучу окровавленных костей я не удивилась не испытала шока это было ни на что не похожее чувство

И поскольку она неслась так быстро быстрее ветра я готова спорить я уверена ей было бы приятно страшно приятно это узнать мне нравится представлять что она теперь легкая как воздух даже легче она как те снимки что полиция делает на городских шоссе когда кто-то едет с превышением скорости и фотокамера успевает уловить лишь блики фар мчащихся машин так велика их скорость я думаю она превратилась во что-то в этом роде мне кажется она частенько носится над городскими зданиями день и ночь на волшебном

потоке стремительного света или даже ныряет рыбкой из окон своего отеля и не падает а парит потому что просто не может упасть ведь теперь она умеет плавать и в воздухе не только в воде в отличие от остальных всего-навсего живых в общем вот что я об этом думаю

И поскольку как обычно в эту ночную пору впрочем на самом деле уже не ночь скорее утро который час полпятого так вот поскольку я ни свет ни заря пялюсь в вентиляционную решетку в потолке а в голове у меня вертится мысль и я никак не могу от нее отвертеться ведь она должна была стать она вот-вот наверняка добилась бы места запасной в национальной сборной ей обещали устроить пробный заплыв и взять в команду которая выступает вместо сборной на соревнованиях если Сара хорошо проплывет дельфином она сказала что должна проплыть чисто-чисто и почти на полсекунды быстрее так она сказала а еще что ее примут в команду если она проплывет на 0,45 секунды быстрее она сказала это лежа в постели вон там в том углу ей сказали что у нее есть шансы на пробный заплыв поскольку результат в 0,45 это вполне приличная скорость для ее возраста а ведь 0,45 секунды это почти пшик всего ничего раз-раз-раз

и она пронеслась мимо так стремительно что ты сомневаешься уж не померещилось ли по ее словам все что от нее требовалось это проплыть чисто-чисто как бритвой срезать и она никому об этом не говорила вдруг ничего не выйдет как она сказала чтоб не сглазить и я тоже никому не сказала ни одной душе запасная это значит запасная пловчиха в команде представляете Сара моя сестра Сара может стать запасной в национальной сборной охренеть правда а она была так близко ее голос звучал совсем рядом вон оттуда и я могла легко дотянуться до нее рукой нет вы представьте каково это срезать как бритвой то есть как бы побрить дельфина просто жуть берет ведь надо быть очень осторожной как бы не поранить ему шкурку где ж там развернуться бритве да вовсе негде ведь он и так гладкий это было в среду вечером она лежала и рассказывала мне об этом это было так странно она никогда мне ни о чем не рассказывала обычно она вообще со мной не разговаривала а вскоре после этого в следующий понедельник вечером да это случилось в понедельник вечером она не вернулась домой в обычное время она вообще не вернулась и с тех пор с той ночи она каждую ночь является мне по частям и все они словно просят я никак

не пойму о чем знаете словно она стоит у спинки моей кровати и вдруг разлетается на части прямо-таки взрывается разлетаясь на сто частей вот ее ухо шея ямка между ключицами кисть пальцы рук и ног вот пятки ступня часть спины с лопаткой где был вырез купальника глаз рот мышцы и боже мой мать вашу у меня аж живот скручивает от этого слова грудь порой по ночам та или другая ее грудь смотрит на меня точно широко открытым оком а иногда они являются обе и пялятся на меня парой глаз прямо как он когда говорит что я совершенно обнаглела да Сара твои груди совершенно обнаглели именно в прошедшем времени господи как странно у меня поехала крыша знаете я уже совсем тронулась и хотя сегодня они еще не появлялись я все равно не могу заснуть может это после вчерашнего наверное сердце у меня еще бьется как бешеное а может это из-за того что меня так накормили в отеле я просто обожралась сто лет так не ела даже представить не могу сколько времени я вообще не думала о еде

И поскольку теперь я точно знаю впрочем я и так знала что это был именно несчастный случай наверное я не могу уснуть как раз потому что наконец узнала хотя обычно в это время ночи то

есть утра я все равно лежу без сна потому что все думаю и думаю например о том что ей должно было исполниться двадцать лет причем 22 января следующего года то есть через каких-то пару месяцев ей бы стукнуло двадцать лет 22 января 2000 года 20-22-2000 а еще о том что все в школе уверены что она сама прыгнула например эта старая корова англичанка Эллис которая стоит перед классом и смотрит на меня этаким печальным взглядом вот дура будто я калека или урод какой мы тогда читали вслух Тэсс из рода д'Эбервиллей Т.Харди там есть такая сцена когда Тэсс глядится в зеркало и вдруг ей приходит в голову что все знают дату своего рождения но ведь каждый год мы сами того не ведая отмечаем и другую дату дату нашей смерти и я почувствовала как все до одного весь класс даже мальчишки буравят мне взглядами спину а Джемма справа и Шарлотта слева не поднимают глаз потому что знают о чем думают остальные по классу словно пробежал электрический разряд все разом напряглись мать их словно произошло что-то о чем никто не решается говорить я знаю все думали что и я должна думать ах у нее тоже была такая дата может она даже выбрала для этого особый день это случилось 24 мая месяц май 24-е число а на

самом-то деле в тот момент я блин вообще не думала ни о ней ни о том что стряслось я думала о чем-то другом и слушала о другом о девушке которая смотрелась в зеркало вот и все но тут мне пришлось задуматься об этом понимаете потому что все знали и все этого хотели хотя никто бы не посмел ляпнуть это вслух еще бы нет конечно и поэтому ночью и еще долгое время спустя я думала только об одном как же ей давались все эти 24 мая год за годом ведь каждый раз она наверное просыпалась и вставала как в обычные дни потом завтракала как правило она съедала на завтрак одно яблоко и мама ругалась мол одно яблоко слишком мало для растущего организма что завтрак главная трапеза дня она то ли читала об этом в журнале то ли слышала по телевизору я считаю им не стоило заставлять ее есть через силу когда мы были маленькие и они еще могли заставить ее проглотить скажем хлопья Фростис или там Райс Криспис не знаю не помню а потом она отправлялась в школу конечно не в самом раннем детстве еще до моего рождения а позже когда ей было лет пять тогда 24 мая если то был будний день она шла в школу сначала в начальную Эдвардс а с одиннадцати лет в среднюю Борн а может она в тот день ходила в бассейн или

еще куда теперь я точно знаю что она сделала это не нарочно и не знала что это будет ее вторая дата просто ужас какой-то я никак не могу выбросить из головы эту мысль из книжки что этот день всегда со мной и бывает каждый год вот интересно доведется ли мне хоть раз что-нибудь ощутить и понять что это моя другая дата а вообще-то я думаю если бы в реальной жизни ничего такого не случилось и мы бы просто читали в классе этот отрывок я бы подумала какая клевая мысль несмотря на то что книга довольно старая с занудными рассуждениями про судьбу я толком и не помню сюжета только что-то про погибшую лошадь ребенка и усатого мужчину конечно в те времена было куда больше смертей а в фильме-экранизации который мы смотрели была даже кровь на потолке подумать только я лежу и смотрю в потолок вот как сейчас и вдруг вижу как по нему расползается кровавое пятно кровь сочится сквозь потолок и капает прямо на постель это так жутко ведь она а нам не сказали и тот парень сегодня тоже не сказал была ли там кровь не знаю может быть ничего и не было может когда разбиваешься всмятку то крови не бывает но я-то думала совсем про другое да-да про 24 мая про то что вычитала в книге думала

да уж когда такое случается в реальной жизни это вовсе не кажется клевым но ты больше ни о чем не можешь думать потому что это похоже ну вроде как читаешь книгу представьте что вы читаете книгу все равно какую и уже добрались до середины вы находитесь в самой гуще повествования сроднились с персонажами уже в курсе событий их жизни а потом переворачиваете следующую страницу и вдруг на середине текст обрывается вы видите белый лист без единого слова а вы точно помните что когда покупали книгу брака не было книга как книга у которой есть конец последняя глава последняя страница все как полагается но сейчас пролистывая ее до конца вы видите что все белым-бело и безмолвно вот на что похоже это чувство

И поскольку в сентябре они с мамой отдали ее кровать друзьям Хендерсонов те сказали что их знакомым нужна односпальная кровать они обещали не рассказывать новым владельцам что прежняя хозяйка кровати отбросила копыта одноместная ложа смертное ложе ха-ха а интересно что за человек спит теперь в ее кровати и как бы он поступил если б вдруг узнал продолжал бы спать в ней или нет кстати это уже не наша а моя комната они сняли матрац вынесли кровать

боком через дверь положили на крышу машины он снял боковые планки и связал проводом от старого обогревателя но не сумел закрепить узел провод был резиновый и они посыпались на тротуар мужчине пришлось их подобрать и положить в багажник у них был универсал и матрац на крыше показался мне из окна комнаты небольшим лоскутком я даже удивилась ведь вблизи кровать казалась довольно большой а с расстояния просто крохотной как детская они вынесли раму сидя в комнате я слышала как ее с трудом протискивали в дверной проем наконец получилось они разобрали ее и положили в машину сзади опустив одно сиденье теперь здесь пустое место и комната прежняя но все-таки другая опустевшая может просто свет падает по-новому но на ковре остались ямки доказательство ее присутствия и если провести по ковру рукой можно почувствовать углубления в местах где стояли ножки кровати а у стены было полно пыли он все пропылесосил на биологии нам рассказывали что основная часть пыли состоит из частиц человеческой кожи и если это правда значит какая-то часть Сары оказалась в пылесосе господи но она бы только расхохоталась ей всегда попадало за то что она не пылесосила под

кроватью я собрала пыль которая осталась после пылесоса и завернула в носовой платок он лежит среди моего белья в самом низу стопки в верхнем ящике потому что это наверняка пыль с тебя Сара а что это возможно ведь летом у тебя шелушилась кожа а вдруг у меня в верхнем ящике частицы ее кожи с весны 1999 года боже мой охренеть в эту секунду ты есть а в следующую от тебя остались лишь хлопья черт знает чего толком не разглядеть о боже теперь комод целиком моя вотчина впрочем моих вещей не так много я до сих пор не могу заполнить все ящики зато теперь они закрываются а вот раньше из них все выпирало они были набиты всяким барахлом полшкафа тоже опустело словно она сорвалась с места сбежала из дома и развесила мою одежду посвободнее чтобы на первый взгляд казалось будто ничего не изменилось но на самом деле все ее вещи исчезли правда он не заметил ее запасной комбинезон зато содрал со стены все фотографии и велел переклеить обои потому что от гвоздей остались дырки теперь там обои в красную полоску но только на одной стене вот идиот на тех старых обоях висели постеры с Джорджем Клуни[35] и

[35] Примечания: 35

Клуни Джордж — актер, исполнявший одну из главных ролей в популярном американском телесериале «Скорая помощь». Идет с 1994 г.

Кэрол Хэтэуэй[36] Палп[37] и Ромео и Джульеттой[38] господи как страшно когда подумаешь что их давно никто не вешает на стены словно это произошло много лет назад а не только что потом он выкинул все ее спортивные награды в мусорный бак во дворе я ничего об этом не знала пока как-то не вышла выбросить шелуху от лука а там сияет злато-серебро медали кубки значки и так далее я вытащила все и отнесла обратно в дом целую охапку призов те что она получила еще в детстве на межшкольных соревнованиях на всяких юношеских чемпионатах по прыжкам в воду и те что она выиграла в прошлом году все они пахли помойкой а я принесла их в гостиную и вывалила на ковер он просто взбесился как ненормальный лечиться надо унеси все обратно я тебя предупреждаю Клэр повторять не буду унеси все обратно но он все-таки повторил правда а ведь сзади на некоторых медалях было выгравировано ее имя я взглянула на эту груду на ковре

---

[36] Примечания: 36

Одна из главных героинь телесериала «Скорая помощь».

[37] Примечания: 37

«The Pulp» — популярная английская рок-группа 90-х гг.

[38] Примечания: 38

Экранизация 1996 г. одноименной пьесы У.Шекспира с Леонардо ди Каприо в главной роли. События перенесены в 90-е гг. XX в.

в гостиной и сказала до сих пор не верится что я посмела возразить ему вслух между прочим вот этот приз розу в следующем году должны вручить новому чемпиону ты не можешь взять его и выбросить он не твой и он ничего не ответил но судя по тяжелому дыханию разъярился еще больше потом бережно словно боясь повредить взял приз в руки поставил на сервант открыл дверцу поставил его внутрь и закрыл дверцу потом сгреб все остальное с ковра завернул в кухонное полотенце и снова выбросил в бак а на следующий день пошел на работу и унес с собой розу в бумажном пакете и потом много дней бродил по дому с опущенным лицом сгорбившись как будто у него блин вырос горб или как будто он надел нагруженный рюкзак не знаю с камнями или кирпичами во всяком случае надеюсь это была охренительная тяжесть а сейчас я слышу его мерзкий мощный храп слышу как он ворочается во сне сон у него нисколько не ухудшился с чего бы конечно нет блин а наша мама то есть теперь не наша а моя совершенно раздавлена она сама похожа на привидение и все время принимает эту дрянь что прописал добряк доктор называется ами-нази-что-то а это придурок Бретт из четвертого говорит слушай твои предки

после похорон наверняка что-нибудь принимают принеси мне я могу продать я послала его а он сказал если принесешь большую дозу в обиде не останешься отвали урод мать твою плевать мне что они болтают эти уроды теперь они меня дразнят у Клэр сестричка дельфин-десельфин у Клэр сестричка дельфин-десельфин эти вонючие уроды у северных ворот вопят как заведенные когда я прохожу по другой стороне дороги но теперь я знаю что она не хотела и у меня есть доказательство так что пусть все они подавятся надо бы рассказать матери и отцу но я не могу понимаете не могу спокойно сообщить об этом за чаем он выходит из себя при одном упоминании ее имени а она все равно ничего не ест не видит и не слышит сидит на стуле мешком знаете будто с дерева сшибли сухую ветку и она развалилась на части предположим я расскажу ей все наедине когда его нет дома или он в другой комнате или пошел в ванную или снова бреется своей бритвой вжик-вжик блин мать его и не может услышать тогда я скажу ей мама успокойся я знаю она не покончила с собой у нее не было такой цели и не было причины я знаю я там была я ходила в отель и поговорила с ее сослуживцами один парень сказал что это был несчастный случай

это точно потому что он сам лично все видел их с ним поставили в одну смену на всю неделю они болтали о всякой чепухе он сказал они просто валяли дурака даже собирались в кино после ночной смены уже договорились на Счастье[39] а она просто дурачилась все вышло случайно никто ничего не планировал но мне блин запрещается каким-либо боком затрагивать эту тему я должна молчать в тряпочку как будто стоит мне заговорить просто открыть рот и стены дома рухнут к чертям собачьим словно заговорил призрак никто не смеет ни слова сказать о наболевшем да и в самом деле как это можно сказать рана еще не зажила я не знаю какие подобрать слова с каких слов с какого слова мне начать даже если я решусь она до сих пор слишком рассеянна она просто не услышит или сразу ударится в слезы а он от этого конечно взбесится как в тот день когда он снял со стены все постеры или когда выбросил все ее призы и золотые и серебряные тот приз за прыжки в воду в форме дельфина теперь в земле на свалке потускневший никому не нужный кстати теперь свалку кажется освещают фонари но все равно ее награды уже

---

[39] Примечания: 39

«Happiness» — фильм-драма режиссера Тодда Солондза, 1998 г. США.

завалены мусором лежат вперемешку с чайными пакетиками объедками презервативами всяким дерьмом и сверху донизу покрыты склизкой пленкой какая бывает на искореженных мусорных баках что по многу месяцев валяются под железнодорожным мостом теперь уж наверное ее призы придавлены тоннами выброшенного за это время хлама и этот груз вгоняет их все глубже в землю они превращаются в клад и когда-нибудь через сотни лет через много веков их найдут на раскопках которые устраивают чтобы узнать о жизни древних цивилизаций и это будет сенсационным открытием а потом сзади прочитают ее имя и людям станет интересно кто же она такая ее призы будут красоваться в музее в стеклянном шкафу и разглядывая их люди будут думать интересно какой она была эта Сара Уилби которая стала чемпионкой в 1996 году в заплыве на 50 метров дельфином в Юношеской лиге тыщу лет назад интересно что она была за человек и как жила наверное она была отличной пловчихой раз победила но может в далеком будущем наши скорости будут считаться черепашьими может тогда все люди будут уметь развивать такую скорость господи а ведь она плавала быстро в самом деле быстро мы часто ходили смотреть на нее

когда они еще могли меня заставить и она всегда вырывалась далеко вперед неслась к противоположному краю бассейна переворачивалась под водой словно в прыжке сальто и первая с силой отталкивалась от бортика намного на целый километр обгоняя любого соперника было трудно поверить что можно так долго оставаться под водой а потом из пены вздымались ее плечи и голова представляете как прекрасен первый вдох после бесконечной задержки дыхания каково это не дышать не дышать и вдруг в последнюю секунду глотнуть воздуха наверное от этого охренеть можно она всегда финишировала первой когда не было достойных соперников и в худшем случае второй или в числе призеров когда мерилась силами с действительно сильными пловцами ее мог обогнать лишь кто-то по-настоящему сильный мы сидели на зрительских трибунах он орал хлопал в ладоши и размахивал руками а когда все кончалось она стояла с полотенцем на плечах вода струится по ногам и плечам волосы прилипли к шее вся мокрая даже лицо я помню мы как-то стояли у бассейна и мамин знакомый все поддразнивал ее Сара научи плавать свою младшую сестренку тогда в семье будет аж две чемпионки и все засмеялись а он подмигнул мне

потому что знал что никто ни один человек на свете ни за какие блин коврижки не заставит меня и близко подойти к этой сраной воде да еще плавать наперегонки перед толпой народа и все так забавлялись мол она знаменитая чемпионка а я даже не умею плавать теперь когда она является мне по частям я нарочно вспоминаю как вода сбегала по ней сверху вниз струясь по телу и это не дает ей теперешней распасться ведь раз вода бежит у нее именно по телу значит голова находится на шее шея переходит в плечи плечи в грудь дальше идут руки и все остальное а запах хлорки или что они там добавляют в воду до сих пор стоит в нашей комнате и еле уловимо витает там где стояла ее кровать и в коридоре тоже потому что в корзине для белья лежат ее купальники я до сих пор чувствую этот запах а может он мне чудится такой слабый-слабый нет наверное мне кажется интересно пахнет ли хлоркой ее кровать может друзья Хендерсонов гадают что это за запах стоит у них в спальне но они никогда не узнают его источник нипочем не догадаются однажды ночью я еще не спала а она задремала но вдруг неожиданно проснулась и вздрогнула всем телом поднявшись так резко что кровать покачнулась я говорю что такое она

сказала о господи рассмеялась и говорит мне приснилось что я упала на край тротуара прямо на бордюр это было недели за две до ее смерти боже мой с ума сойти на что готовы люди лишь бы только не заговорить или не оказаться рядом с человеком у которого стряслось несчастье например в школе на меня смотрят со смущением словно я и впрямь их чем-то смущаю как грустно впрочем это не то слово грустно мне было когда умер Флаф помню оглядываешь кухню а кота нет его любимый стул пуст это было очень грустно но моя печаль была размером с кота а сейчас кажется что кухня вообще стала не нужна что иметь кухню как-то глупо и лишний стул ни к чему зато особый смысл обрело то чего нет на кухне чего в ней не хватает до этого я знала лишь одного покойного дедушку но это было ужасно давно и когда он сидел в саду подставив голую грудь солнцу я видела широкие складки у него на шее и на лице точно собственная кожа стала ему велика и вся сморщилась а с ней все было иначе он был вроде как внутренне готов к смерти стал слишком легок для собственной оболочки и та загрубела отяжелела а она выглядела идеально кожа была ей точно впору и натянута гладко без единой морщинки казалось ей нет сносу поэто-

му Сара напоминала стрелу которую остается только положить на тетиву и запустить в небо у-ух ты а на похоронах многие путали ее имя лица соседей выражали недоумение и если я встречаю на улице или в магазине кого-нибудь из знакомых родителей они смотрят на меня как-то странно искоса мол как же вы справляетесь с такой огромной потерей будто мы потеряли кошелек или собаку или как мол ужасно лишиться жизни подобным образом словно она взяла свою жизнь и засунула куда-то а когда спохватилась то не смогла вспомнить куда именно или ах как ужасно потерять самого близкого человека будто мы потеряли ее в спортивном отделе супермаркета и обратились в бюро объявлений чтобы по сети громкоговорителей передали внимание Сара Уилби ваши родственники ждут вас у бюро объявлений. Сара Уилби пожалуйста восстаньте из мертвых ах ты черт а ведь теперь теперь ее нет верно и видимо все кончилось блин за 0,45 секунды раз и ты уже в том другом мире где все мертвецы стоят рядком и улыбаются Сара дед рядом обе бабушки Флаф и покойница старушка из дома напротив и все поют а кто-то вопит *Господи*

приди[40] *а* мертвая миссис Кинчер из начальной школы номер три подыгрывает им на гитаре ведь никто не произносит слово мертвый правда же никто не скажет твоя сестра мертва она умерла миссис Джонстоун с нашей улицы как-то остановила меня по дороге в школу и говорит я понимаю что ты чувствуешь вцепилась в руку как ненормальная вылупив глаза да эту пропасть ничем не заполнишь и мне кажется в этом есть смысл потому что заглянув в шахту я увидела что стальные желобки ну такие углубления то ли из стали то ли из железа по которым эта хреновина как ее подъемник для еды и посуды ездила вверх-вниз по шахте они по-прежнему там в задней стенке ха-ха саму шахту еще удалось более-менее замаскировать прикрыв отверстие панелью и выкрасив всю стену в один цвет но убрать желобки с внутренней стенки никто не удосужился ну что вы к чему так утруждаться поэтому они до сих пор тянутся с верхотуры до самого дна а наверху есть еще небольшое колесо для стального троса который удерживал подъемник оно тоже осталось на месте поворачивается легко и послушно готовое к работе как ни в чем не бывало один Бог

---

[40] Примечания: 40
Строки из гимна скаутов.

знает сколько цемента ушло бы на засыпку этой бездны несколько грузовиков Мистера Дантиста[41] на фиг но они даже не почесались и шахта существует но только тайно мне оставалось лишь заглянуть в нее я заглянула и словно увидела вот она только что стояла наверху на том самом месте где сегодня стояла я а в следующий миг ох а эти проклятые железяки остались на месте и похоже останутся навсегда думаю даже если бы туда залили цемент все равно в каком-то смысле пропасть не исчезла бы она бы сохранилась просто теперь засыпанная цементом подумаешь да если бы даже снесли весь отель а значит разобрали бы шахту и ее больше не было она бы все равно осталась там же пусть невидимая пусть бы о ней никто не знал а клоню я вот к чему если это правда то правда и другое поскольку Сара жила здесь ходила по улицам загребала руками воду ну когда она плавала то загребала воду чтобы с силой бросить тело вперед так вот значит в каком-то смысле она тоже с нами но это бред ведь она умерла ты же на самом деле умерла правда Сара так что если отель когда-нибудь снесут или просто уничтожат его внутренности скажем если

[41] Примечания: 41
«Mister Dentist» — марка цемента.

его захотят полностью перестроить сохранив фасад сейчас это модно сохранять внешний облик зданий и переделывать начинку как например кинотеатр на Меррет-стрит где вы собирались посмотреть Счастье думаю в конце концов так и сделают отель перестроят и тогда никому не будет дела что там кто-то упал и погиб потому что к тому времени уже никто не будет помнить никто не будет знать

И поскольку все произошло именно там я часами сидела перед отелем потому что не знала куда еще податься не знаю просто хотела узнать не знаю что но дома остались только блин ямки в ковре чепуха какая-то да еще эти двое сидят себе в креслах как идиоты и пялятся в телек я ведь не имела ни малейшего понятия что будет там в отеле так ведь думала вдруг ты оживешь вдруг я заверну за угол а ты сгустишься из пустоты помашешь мне рукой и скажешь думала я сдохла да а вот и нет я все время была тут сняла номер и живу себе а вы волновались конечно я знала ничего такого не случится и вообще все мертвецы не похожи на себя в жизни они как правило вампиры или страшилища с жутким воем алчущие мести а бывает их самих не видно они лишь двигают предметы в комнате как же это

называется полтергейст что ли или летают перед окнами на улице как в фильме Жребий Салема[42] но это все сказки такого не бывает на тебя это не похоже ты бы ни за что не превратилась в дурацкого зубастого вампира а была бы какая есть но вдруг она действительно выглядит как есть а ведь она лежала под землей и все лицо у нее нет нет она бы появилась в полном спортивном снаряжении или в джинсах и пижамной куртке как дома сначала она всегда была так одета потом я разучилась представлять ее вот тупица и теперь мне являются лишь отдельные части ее тела я знала что есть какой-то способ избавиться от них а потом нашла комбинезон и надела он был мне великоват впереди на пуговицах наверное запасной тогда она была не в нем конечно не в нем потому что когда она упала свернутый комбинезон лежал в шкафу под моей курткой видно его не заметили когда убирали из шкафа ее вещи его просто не заметили иначе бы непременно выбросили я обнаружила его только потом и это был знак я подумала вот бы пробраться в отель но за стойкой работала девушка которая всегда пыталась подойти ко мне через дорогу она как

[42] Примечания: 42

«Salem's Lot» — экранизация 1979 г. одноименного романа американского фантаста Стивена Кинга.

раз дежурила и уже один раз выходила на улицу так что мне пришлось убраться вот я и решила что сегодня не самый подходящий день но все же вернулась туда в плаще поверх комбинезона я сняла его у входа решив войти и проскользнуть мимо стойки как будто я новая горничная чтобы она ничего не заподозрила но она спала как убитая положив голову на стол так что мне не пришлось отвечать на вопрос что я здесь делаю никто меня не остановил и я спокойно поднялась по лестнице на верхний этаж я ведь знала что все произошло там наверху все газеты писали об этом поместив рядом ее снимок из шестого класса СМЕРТЬ ТАЛАНТЛИВОЙ ПЛОВЧИХИ СТРАШНАЯ ГИБЕЛЬ МЕСТНОЙ СПОРТСМЕНКИ ТРАГИЧЕСКИЙ ПРЫЖОК НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ я прочла все статьи в библиотеке а потом обнаружила пустоту постукивая по стене а позже когда эта дежурная Лайза поднялась наверх и все увидела она меня не вышвырнула ничего подобного она даже не рассердилась а сказала тут неубрано но этим займется наш служащий она оказалась такой доброй когда она шла ко мне через улицу я думала что она устроит скандал я ошиблась у нее в кармане был ключ подходящий к любому номеру она постучала в ближайшую дверь там никто

не отозвался тогда она отперла дверь и вынесла пачку салфеток у меня так заложило нос что я с трудом дышала когда поплачешь всегда трудно дышать а я рыдала навзрыд наверное из-за этой шахты я заглянула туда а там была такая темень и затхлый воздух но я так и не увидела дна далеко оно или близко долго лететь или не очень думаю самое печальное самое убийственное во всем этом что на самом деле не важно произошло это намеренно или случайно важно вовсе не это а только одно в эту секунду она была здесь на том самом месте где сейчас стою я а в следующую эта женщина протянула мне салфетку а потом спросила где моя вторая кроссовка я не ответила она спросила чьи деньги раскиданы по полу я подумала если буду молчать она просто отстанет но тут она сказала что стена похожа на огромный игровой автомат и видно я выиграла джек-пот я чуть не рассмеялась потому что было и правда похоже что из чрева стены вылился дождь монеты а она снова зашла в номер принесла мусорное ведро собрала в него монеты и сказала мы сейчас спустимся вниз я подумала что она позвонит в полицию и хотела смыться но она держала меня за руку я сидела в служебном помещении где переодеваются и пьют чай пока она выдавала ключи и

отвечала по телефону потом она вернулась взяла меня за руку повела к кладовке и постучала дверь открылась там было немерено всякого барахла а из глубины вышел парень моргая на свету как медведь который проснулся и вылез из берлоги на свет он знал Сару сказала мне женщина и назвала мое имя а еще она сказала что мне нужна новая обувь он спросил мой размер и вернулся держа в одной руке старомодные мартинсы[43] с молниями впереди а в другой новенькие найки[44] с низким белым верхом скорее кеды они искрились новизной как будто их никто не носил они пришлись мне точно впору потом она вынесла из-за стойки пылесос и сказала парню чтобы он пошел наверх и убрал в коридоре потом спросила может я тоже хочу подняться туда на минутку тогда я спросила не одолжит ли она мне свои часы если на них есть секундная стрелка часы были что надо она передала их мне через столбики перил а когда я поднялась наверх этот парень который дружил с Сарой стоял уставившись на стену с выражением типа ни хрена себе

---

[43] Примечания: 43

«Dr. Martens» — английская марка ботинок на толстой подошве.

[44] Примечания: 44

«Nike» — популярная американская марка кроссовок и спортивной одежды.

он спросил твоя работа я кивнула и подумала сейчас он мне устроит а он опустился на пол словно у него отнялись ноги и рассказал как все было сначала я не очень-то хотела слушать но меня поразило что прямо перед этим они смотрели телек там шел вестерн и люди брели по снегу фильм с Уорреном Битти[45] и кем-то еще а потом она поспорила с ним на пятерку что поместится в подъемник и поместилась он видел как она свилась там в клубок и собирался ее похвалить он хотел сказать ты наверное гуттаперчевая в этот ящик залезет разве что маленький ребенок но на середине предложения вдруг затрещали тросы а к концу раздался грохот от удара о господи но я уже слышала про то как она свернулась в клубок правда я читала в газетах так что это не было для меня новостью он затряс головой закрыл глаза руками а когда я снова обрела слух и способность соображать когда прекратилось это назойливое жужжание в ушах словно мерзкий визг его бритвы я правда больше не хотела ничего знать только хотела сделать то зачем пришла я подошла к дыре ведь я дала себе слово у меня осталась вторая кроссовка а теперь были часы

[45] Примечания: 45

Битти Уоррен (род. 1937) — знаменитый американский актер, режиссер и продюсер.

так что на этот раз все должно было получиться я очень старалась я бросила кроссовку вниз и внимательно прислушалась а когда обернулась к нему он уже отнял руки от лица и вылупился на меня но я уже сделала что хотела блин побежала к лестнице но он догнал меня придержал дверь на лестницу ногой и издав булькающий звук протянул мне что-то я не поняла что какую-то свернутую слегка потертую серо-голубую бумажку и тогда он сказал мы с ней поспорили а я не отдал выигрыш так что возьмите вы наверное он имел в виду ваш спор Сара я развернула бумажку это оказалась пятифунтовая купюра она была сложена много раз в маленький квадратик и теперь сама словно состояла из квадратиков а когда я спустилась в холл за стойкой была уже другая девушка и я на минуту испугалась что меня схватят и придется отвечать за дыру в стене и решила спокойно выйти на улицу как обычная постоялица или дочь постояльцев но тут из служебного помещения вышла Лайза завела меня туда усадила и дала меню чтобы я заказала настоящий английский завтрак я сама все выбрала я вернула ей часы было полпервого я пробыла там сто лет но время пролетело незаметно потом она ушла и принесла еду в немереном количестве

там было не одно а целых два яйца ветчина две сардельки какая-то круглая темная масса не знаю наверное черный пудинг еще фасоль в отдельной мисочке видимо на случай если кто-то ее не любит гора треугольных тостов целый штабель на тарелке думаю она принесла несколько порций новая девушка у стойки взяла себе немного через стойку мужчина в комбинезоне тоже он был такой добрый а тот парень который знал тебя уже спустился и тоже взял немного еды масло в завитках на белых блюдцах несколько сортов джема в ванночках не больше наперстка можно было выбрать малиновый клубничный абрикосовый или черносмородиновый я взяла малиновый завтрак был чудесный к тому же бесплатный я все не осилила а они говорили съешь еще тебе не повредит мне было приятно что все они похлопывали меня по плечу как старые знакомые как близкие друзья все были такие хорошие потом Лайза проводила меня до дому непривычно было возвращаться в новых найках очень странное ощущение я пружинила на асфальте словно шла по воздуху она стояла на улице пока я не помахала ей и не закрыла за собой дверь на душе было непривычно легко и в то же время грустно пока мы шли к дому она

сказала что у меня утомленный вид я сказала что мало сплю а она сказала что спит слишком много и может отдать мне пару часиков она пришлет их по почте вот бы такое было возможно одолжить кому-то несколько ненужных часов вот было бы здорово положил в конверт и послал вместе с запиской нашел-немного-времени-и-вспомнил-про-тебя как забавно в смысле не смешно а интересно мне было так тоскливо придя туда я так страдала а потом лопала роскошный завтрак в офигительных найках и чувствовала себя на седьмом небе это так же как с книгой в которой на середине обрывается текст кажется что это конец но это не так история продолжается и испытывать облегчение нормально потому что конец это тоже нормально это как со второй датой когда все в классе думали что я непременно должна что-то чувствовать а я на какой-то миг вообще забыла о произошедшем словно кто-то прислал мне по почте минутку облегчения минутку другого ощущения нашел-минутку-и-вспомнил-про-тебя так вот похоже сегодня ночью наступил тот самый конец и принес совсем другое неожиданное чувство словно кто-то нашел у себя этот вечер и вспомнил про меня

И поскольку ты покинула нас слишком рано

я лежала с тех пор без сна и начала составлять список дел которые ты могла бы совершить например стать пловчихой это само собой но по-моему дело в том что ты могла бы стать кем угодно например врачом ты могла бы продавать джемперы в магазине одежды туфли в обувном или газеты или ухаживать за деревьями и кустами в парке понимаешь у нас в школе все просто свихнулись миллениум то миллениум сё как ты готовишься к новому тысячелетию пятьсот слов на тему как изменить мир к лучшему в новом тысячелетии а я думаю только о том что список дел которым ты могла бы себя посвятить растет на фиг и растет он никогда не закончится я постоянно вношу новые пункты ты могла бы вести по телеку ветеринарную передачу или заняться тем что мы сейчас проходим в школе подбором кадров по компьютеру или выйти замуж или работать в больнице как раз в ту ночь когда привезли девушку что разбилась упав в шахту лифта тогда твоя история не закончилась бы а развивалась дальше как в Скорой помощи по-моему никто бы не стал смотреть этот сериал если бы каждый раз когда умер пациент серия обрывалась ведь для настоящих врачей и сестер в отделении скорой помощи работа продолжается

каждую неделю несмотря на то что у них постоянно кто-нибудь умирает представляете если бы сериал прерывался как только прервется чья-то жизнь тогда бы по всей стране телеэкраны гасли через пять минут после начала серии и зрители стучали бы по крышкам телевизоров швыряли пульты о стену начались бы забастовки а я смотрю за тебя телевизор вдруг ты по нему скучаешь стараюсь не пропускать Бруксайд[46] это ужасная туфта а из Скорой помощи ушел не только Джордж Клуни говорят Кэрол тоже скоро уйдет ты бы здорово расстроилась забавно возможно ты этого не знаешь хотя все вокруг весь мир на хрен уже знает а еще я стараюсь жевать еду скажем тост медленно-медленно чтобы запомнить для тебя его вкус сначала идет поджаренный слой потом серединка куда впиталось масло потом джем такой как был сегодня и наконец хрустящая верхняя корочка я теперь вообще стараюсь есть помедленнее чтобы по-настоящему прочувствовать вкус например не знаю апельсина или курицы или картошки с подливкой я помню ты ее любила например сегодня на завтрак был мороженый горошек так себе обычный горошек если

[46] Примечания: 46
«Brookside» — популярный английский телесериал. Идет с 1982 г.

ты помнишь его вкус а как-то когда в гостиной никого не было я встала на подлокотник дивана и провела для тебя по верху двери там где дерево до сих пор не обстругано и не покрашено думаю его не красили с тех пор как был построен дом там сверху тучи не иначе как столетней пыли и пласты грязи думаю там покоится прах всей нашей сраной семейки и наших кошек а когда я слезала с дивана то потрогала бархатную ручку кресла-качалки чтобы передать тебе это ощущение хотя меня всю передернуло знаешь так бывает когда проводишь ногтем по старой пластинке из его коллекции то есть не проводишь а провожу а еще я смотрю на все очень пристально чтобы ты тоже могла увидеть все что захочешь например новые машины которые везли в город на автовозе они были новенькие с иголочки еще без номеров такие клевые блестящие шустрые прямо загляденье у новых машин говорят огромная скорость а еще я была в бассейне представляешь я и в бассейне я пошла туда чтобы вдохнуть для тебя этот запах смесь воды хлорки и шампуня твой запах я ходила туда в обед на прошлой неделе там плескались дети а какой-то парень прыгал с вышки но фигово он так тяжело плюхался в воду что она издавала стон будто ей больно да трудно

поверить я в бассейне куда бы не пошла ни за какие деньги ни за что на свете только через мой труп ха-ха вот смешной анекдот слушай заходит в бар на Диком Западе бык подходит к барной стойке и говорит я ищу мужика который назвал меня скотиной но может для тебя глупый анекдот который рассказала младшая сестра а может ты любишь слушать анекдоты может ты сама слышала как Лора травила анекдоты у газетного киоска даже не знаю стоит ли их запоминать и пересказывать тебе как сейчас надеюсь тебе не скучно слушать их по второму кругу а этот ты слышала мужик построил кафе Одуванчик а его сдуло я и впрямь схожу с ума на фиг разговариваю с мертвецом человеком который умер и конечно ничего не слышит а я с ним болтаю рассказываю анекдоты кретинка я теряю разум внимание разум Клэр Уилби просят подойти к бюро обслуживания покупателей я сама ходячий анекдот вот что я такое а мое сердце стучит как бешеное я просто тащусь от наших с ней разговоров тащусь потому что теперь я болтаю с ней без умолку раньше мы с ней почти не разговаривали а теперь рта не закрываем и я все думаю и думаю о том что после смерти человек кажется гораздо живее чем был при жизни это безумие

бред сумасшедшего честное слово я должна с этим покончить это болезнь кретинство если бы кто узнал что это я оставляю там конфеты меня засадили бы в психушку но я не вижу разницы почему сажать крокусы можно хотя я не уверена что она любила крокусы а про конфеты знаю точно потому что она показывала мне как надо слизывать с ириски сахарную глазурь после чего она становится грязно-белой она держала ее в зубах раздвинув губы чтобы мне было видно она говорила что есть два способа есть ириски можно прямо в глазури и тогда жевать надо с усилием это один способ и один вкус а можно сосать конфету пока не сойдет глазурь а потом начать жевать тогда вкус совсем другой вот я и подумала что хорошо бы класть там ириски это будет справедливо ведь незадолго до того она перестала есть сладости чтобы похудеть и плавать быстрее но я до сих пор помню как она держала во рту блестящую от слюны ириску черт как все это дико у меня дикие мысли если бы кто-нибудь узнал о чем я думаю что я оставляю на могиле конфеты для покойницы которая блин никогда их не съест я до сих пор не могу привыкнуть что есть слово смерть и ее смерть кто-то умер и она умерла как соединить воедино эти вещи

как это можно понять как можно понять вот ты ходишь по улицам как все и вдруг больше не можешь словно вознесся и исчез высоко в небе или завернул за угол и упал в небытие и теперь тебе никто не может даже позвонить я помню однажды Флаф поймал мышь мы отнесли ее в пристройку на ней не было крови но она была в шоке так сказала мама мы положили ее на блюдце а рядом поставили другое с водой а когда вернулись и открыли дверь там не было даже косточек лишь кучка белого пуха перекатывалась по блюдцу мы тут же выбросили все вместе с блюдцем а еще оказывается там на небесах есть правила как-то Тереза Дрю она из католической семьи и до Борна училась в католической школе подошла ко мне на искусстве когда мы делали капсулы с посланием будущему и рассказала что большинство святых стали святыми потому что приняли мученическую смерть так что может и хорошо что она умерла именно так но потом она спросила правда ли что она прыгнула нарочно потому что тогда ее не пустят в рай и земля где ее похоронят будет проклята но ведь ты не нарочно правда а кстати некоторые люди носят с собой мощи святых как талисман от беды или от сглаза как носят на счастье лапки настоящих

белых кроликов дядя Мартин показывал нам свой брелок кроличьи лапки были с коготками так вот я думаю что носовой платок с пылью у меня в ящике тоже вроде талисмана и хотя я не собираюсь носить его при себе мне спокойнее от мысли что он там конечно я никому о нем не расскажу и не покажу все подумают какая гадость она чокнулась но я знаю если бы Сара увидела то расхохоталась бы и по поводу пыли тоже а я бы тогда скаламбурила мол она стала такая воздушная такая невесомая что побреет своего дельфина за 0,45 ведь теперь она бы точно могла стать лучшим пловцом в целом на фиг мире если б только захотела если это то о чем она мечтала ведь она теперь такая легкая что может мчаться как ветер со скоростью блин света я бы выпалила все это а она бы шлепнула меня по макушке сделав строгое лицо и потрепала по волосам мол какая у меня глупая сестренка интересно может в комбинезоне я немного на нее похожа вообще-то мы с ней были не очень похожи но может так хоть немножко хоть капельку похожи ну хоть самую малость

И поскольку части ее разбитого всмятку тела пока не появлялись сегодня не появлялись слава богу слава черту что мне не дают заснуть не

они а мое собственное сердце-колотушка да еще этот гнусный звук из-за стены его храп даже не верится что человек может так чудовищно храпеть и не просыпаться сказать он спит как сурок значит ничего не сказать это был бы эвфемизм года века нет тысячелетия потому что звук такой будто рядом с домом кто-то сверлит кирпичи или водит по ковру газонокосилкой без мотора которую надо самому толкать вперед и грохочет она как десяток моторов почище любого мотора неудивительно блин что я так хреново сплю я месяцами не высыпалась интересно пришлет ли мне Лайза час-другой она ведь хорошая я не помню чтобы раньше он так храпел теперь он или храпит или уже встает через минуту он встанет и тогда начнется этот омерзительный ви-иииизг с добрым утром на фиг последнее время он не вылезает из дома бреет свою рожу по три раза в день что-то я такого не припомню раньше было по-другому думаю он считает что я стала просто невыносима и не только потому что я с ним не разговариваю а потому что я есть на свете а еще я точно знаю что если бы меня бросили в бассейн а меня пришлось бы бросить силой потому что сама я бы ни за что не стала прыгать или нырять раз она больше не может так вот если бы меня

бросили в бассейн я бы тут же пошла ко дну тогда поднялась бы суматоха и кому-то из спасателей пришлось бы нырять и поднимать меня со дна как кирпич для ныряния иногда мне хочется стать просто ухом или глазом или бровью даже просто парящей ресницей которую держат на кончике пальца загадывают желание и сдувают вот бы стать легкой как маленький кусочек ну не знаю чего зеленого листа какое облегчение превратиться в такую малость чтобы исчезли всякие там руки ноги голова что не дают мне покоя повезло тебе Сара о господи что я говорю господи я не хотела Сара поверь просто сорвалось у нее были самые офигенные ресницы роскошные и длиннющие таких длинных я ни у кого больше не увижу они так и трепетали на кончиках твоих век вверх-вниз всякий раз как ты закрывала и вновь открывала глаза или просто моргала тысячу раз в день как любой человек и тогда твои ресницы подрагивали что с ними теперь интересно им тоже было больно а в субботу когда мы с мамой ездили в Сенсбери кое-что произошло она присела на скамейку пока я платила в кассу мне дали сдачу и чек я сворачивала его чтобы положить в кошелек и вдруг заметила в самом низу слова до свидания заходите еще и пока я

шла к маме она сидела рядом с газетным киоском мне вдруг ни с того ни с сего вспомнилось как однажды вечером было поздно я уже собиралась ложиться ты лежала в постели и смотрела на меня я видела как твои глаза блестят в темноте ты просто смотрела и все ничего особенного но я вдруг почувствовала отвращение у меня внутри все перевернулось я прямо взбесилась злость переполняла меня как вода чашку раковину ванну бассейн реку океанскую впадину что угодно меня так распирало от злости аж дыхание перехватило и воздух вырвался наружу через нос словно я сосуд слишком малый для гигантского потока Сара ты помнишь как после первого дня в отеле у тебя заболел живот и ты выпила розовую микстуру из бутылочки накрытой пластмассовым стаканчиком а знаешь я успела порыться в твоей тумбочке прежде чем ее унесли и нашла там этот стаканчик тогда прошла неделя как ты на дне стаканчика осталось немного розовой жидкости которую ты не допила она засохла я выковыряла ее ногтями корочка приняла точную форму внутренней стенки стаканчика на ней даже отпечаталась внешняя надпись с донышка только задом наперед обалдеть правда как здорово правда теперь эта корочка лежит в глубине моей тумбочки я

хочу сохранить ее пока она не рассыплется не знаю как долго на ощупь она стала шершавая как промокашка потемнела и ничем не пахнет а когда я лизнула оказалось сладко знаю это бред но я просто должна была сохранить ее как и купюру в пять фунтов что задолжал тебе тот парень ее я тоже положила в тумбочку я никогда не потрачу деньги твои потому что в каком-то смысле да в каком-то смысле это значит что ты ну вдруг эти вещи смогут тебя вернуть или зная что они у меня ты сама за ними вернешься а даже если нет я все равно буду хранить их для тебя это важнее всего на свете я распрямила купюру положив между двумя книгами Солнечными знаками Линды Гудмен[47] и словарем он у тебя еще со школы там миллион слов которые можно проверить и глядя на него я всегда задаюсь вопросом какие слова ты хотела узнать просто удивительно как много там слов и все немые вроде тех что я блин надумала в этой комнате теперь не нашей а моей их столько что я в них купаюсь ха-ха скорее тону они будто залили комнату почти до потолка и моя кровать качается на этих волнах как кораблик как лодка или нет может я погрузилась в их

[47] Примечания: 47
Английский астролог с мировым именем.

толщу и дышу через жабры как рыба у меня есть жабры а я и не знала возможно я плаваю лучше чем думала вот я плыву ныряя вверх-вниз сдался мне ваш кислород я блин крутая пловчиха боже мой не спать глубокой ночью это еще лучше чем обкуриться теперь я плыву лежа на палубе лодки которая плывет в как же называется большая глубина короче очень глубоко под километровой толщей моих невысказанных слов интересно а слова тяжелые или легкие наверное это зависит от смысла или скрытого смысла зато словари-то ни фига блин не легкие ой кажется птица ты слышала обычно незадолго до рассвета одна пичужка поднимает весь этот идиотский гвалт и клекот который продолжается до самого утра словно можно подумать они встречают первое утро нового мира похоже на наш школьный гимн Дрозд поет как же поет скорее орет блин как резаный НАСТУПИЛО УТРО ЭЙ ПОДЪЕМ НЕ ХРАПИТЕ СОНИ ВСЕ ВСТАЕМ в детстве я думала что утро наступает мгновенно словно в темной комнате включают лампочку но на самом деле сначала свет серый даже на свет-то не похож наоборот кажется что он гаснет вот самое офигительное утро какое я помню был низкий туман и вроде сквозь него уже стал пробиваться свет но

я не могла ничего разглядеть сплошной туман как будто между моим окном и миром повис беловатый полог через который ничего не видно как будто мира вообще не стало а когда стало светать я наблюдала как туман поднимается над садом наискосок словно занавес словно кто-то стягивал его за шнур какое чудо видеть возвращение мира господи а в ту кошмарную ночь он исчез была глубокая ночь не то что сейчас сначала меня разбудил телефонный звонок потом постучали во входную дверь я вскочила и встала в дверях нашей комнаты полицейские уже были в коридоре мужчина и женщина отец успел кое-как одеться но из-за пояса его брюк торчала резинка пижамных штанов мама вдруг побелела и вжалась в стену а полицейский подошел к отцу держа каску на локте согнутой руки отец казался рядом с ним таким маленьким у него словно хребет переломился а у меня оборвалось сердце я почувствовала что-то случилось наш дом вдруг изменился что-то просочилось в дверь и он изменился вроде был прежний но в то же время другой словно его сломали а потом снова склеили но перепутали части и теперь мы стояли в коридоре дома который светился снаружи сам по себе никто из нас не двигался а солнечный

свет все равно блин струился как обычно

И поскольку хорошо что с того дня я снова стала видеть смысл в том чтобы вставать завтракать и так далее день за днем

И поскольку оказалось что завтрак может здорово пахнуть и быть вкусным а я и забыла

И поскольку ты пахла особой дезинфицированной водой Сара и поскольку теперь ты превратилась в воздух а может и не в воздух откуда я знаю

И поскольку накрывая стол на двоих после школы ты обычно постукивала по нему плоской стороной ножа в такт мелодии которая играла по радио или в телеке

И поскольку у меня есть наша фотография с прошлогоднего Рождества она в тумбочке под словарем так он ее не найдет и она не найдет а значит не будет переживать хорошо ли держать ее дома

И поскольку ты бы хохотала над носовым платком и пылью и розовой корочкой уж я-то знаю

И поскольку однажды ты сильно дернула меня за волосы

И поскольку тебе здорово влетело от мамы когда она меня расчесывала и вдруг вычесала щеткой здоровенный клок волос

И поскольку с тех пор у меня так и не заросло то место на голове

И поскольку ты ругалась круче всех на свете

И поскольку когда я наябедничала что ты ругаешься ты до синяков исщипала мне руку

И поскольку когда я первый раз пошла в школу Борн то у южных ворот меня со всех сторон обступили твои одноклассники и друзья и стали спрашивать наперебой неужели я твоя младшая сестра не знаю знала ли ты об этом

И поскольку я всю жизнь буду помнить никогда не забуду звук твоего дыхания в темноте

И поскольку когда мне было одиннадцать лет однажды вечером по радио передавали песню про длинную извилистую дорогу и сама не знаю почему я очень испугалась мне показалось что земля напичкана мертвецами даже земля вокруг цветов в нашем саду и хотя я ничего не сказала и мы обе лежали в своих кроватях ты спросила что такое тебе страшно ты догадалась хотя я молчала ты пошла на кухню сделала тост и забралась ко мне в постель мы съели его вдвоем и я заснула у тебя на плече а когда проснулась на следующее утро тарелка с крошками так и лежала на одеяле как доказательство что это был не сон

И поскольку ты умела очень долго не дышать

под водой

И поскольку ты умела по ней ходить да ходить по воде однажды когда в бассейне почти не было народу я сидела на самом верху зрительской трибуны а ты шагала по воде далеко внизу в глубоком конце бассейна я была потрясена и не могла понять как ей это удается ходит себе по глубине словно бежит на месте как она держит равновесие в пустоте

И поскольку теперь ты наверное умеешь ходить и по воздуху

И поскольку я знаю где бы ты сейчас ни была ты хранишь всех нас меня и маму и папу

И поскольку ты тоже каждый раз была там да ты точно была в бассейне я тебя видела как сейчас вижу на верхнем трамплине высоко над зрительскими местами нам всегда приходилось смотреть задрав головы как ты смотришь вниз на воду и каждый раз наступает миг перед прыжком когда ты выжидаешь какую-то долю секунды кажется ты колеблешься и если захочешь можешь взять и спуститься вниз типа да пошло оно все но потом ты всегда прыгала ты делала шаг вперед доска уходила вниз потом вверх вниз снова вверх ты раздвигала руки в стороны и уже летела в воздухе вниз головой и каждый раз это было просто

офигительно ты легко пронзала воздух который расступался так красиво как я не знаю что и ты входила в воду как настоящая рыба как горячий нож в масло вот как

И поскольку то был твой последний полет и ты полетела вниз сплетя руки и ноги в невообразимый клубок я знаю я все знаю и все кончилось в один миг гладь воды больше не раздавалась в стороны а застыла навеки слушай Сара пусть ты там не могла совсем не могла пошевелиться и уже ничего не могла исправить послушай ты летела очень быстро да быстрее не бывает я точно знаю потому что сегодня я там была ты летела с невиданной скоростью мне до сих пор не верится что такое возможно меньше четырех секунд гораздо меньше всего-навсего три с хвостиком я засекла для тебя время

Настоящее

Утро.

Сад влажен после ночного дождя. Зима еще не вступила в свои права; все вокруг завалено сором прошедшего года, а впереди целых три месяца, пока он сольется с землей и весна явит свой лик.

Дерево покрыто желто-красными лоскутами, маленькие несъедобные яблочки, половина которых лежит на земле, поклеваны. Все равно, на дереве, на земле ли, они станут добычей мороза. Кое-где на ветках еще остались листья, но новая смена, закупоренная под корой, настойчиво выталкивает их с насестов. Сирень уже совсем голая. Ревень свернулся клубком и зарылся в почву. Два его огромных листа, напоминающих о лете, закрывают от дождя газонокосилку и гниют, прильнув к металлическим лезвиям и корпусу. Новая травка словно опалена косо павшим инеем. Форсития похожа на веник из мертвых прутьев. А герань до сих пор цветет. Ноготки тоже. Маргаритки и колокольчики вянут. А солнцецвет еще в цвету. В воздухе носятся маленькие мошки, юные и бесстрашные. Пиретрум совсем

зеленый. Ясколка тоже. На краю клубничной грядки под листьями, несмотря на холодное время года, изредка появляются зеленые ягодки. Их срывают самые остроглазые птицы; в небе до сих пор парят тучи птиц, деревья в саду постепенно опадают.

Утро. Местные призраки уже вышли прогуляться.

Бумажный пакет от «Маркс энд Спенсер», заброшенный ветром на забор, воскрешает призраки тысяч немолодых женщин, которые медлят у вешалок со свитерами и кардиганами, бродят по отделам еще не открытых магазинов, разглядывая одежду и сгорая от, увы, несбыточного желания помять пальцами шерстяные рукава моделей новой зимней коллекции и, приложив их к груди, вдохнуть запах новизны, пока призраки муженьков маячат у входа, руки в боки, на лице скука и бесконечное нетерпение.

В одном городке далеко на севере, в туманных и продрогших горах Шотландии призрак миссис М.Рид вновь торчит на улице перед своей бывшей лавкой, где она торговала сахарными и мятными леденцами, жвачкой, лакрицей, мятными конфетами, лепешками, шоколадными фигурками, фабричными конфетами — новинкой — и сли-

вочной помадкой, которую сама готовила тут же в задней части магазина, на месте которой теперь бетонный квадрат автостоянки. Горы чреватых кариесом сластей в вазочках, выставленные на продажу в течение стольких лет; и все надо разложить по коробкам, взвесить, завернуть, получить деньги. Вчера двое мужчин сняли с дома вывеску «Канцелярские товары Китса», потому что Китс захотел повесить новую, а под старой, на стене, та первая надпись по-прежнему живет, как жила все эти семнадцать лет, и больше века до того, прячась во тьме под другими вывесками, жила с тех пор, как миссис Рид приказала сделать ее над лавкой, что она открыла после смерти мужа, который запрещал ей торговать, мол, это позор, и которого она не слишком-то любила — городские болтуны, посасывая ее конфеты, сплетничали, что это дело рук супружницы: приготовила шоколад по-иностранному, расплавив на огне, и влила крысиный яд; все это больше ее не касается, ведь над входом в лавку, пусть всего на день, вновь красуется солидная надпись стойкой краской в декадентском стиле: Кондитерская миссис М.Рид.

Через всю страну на край света, прочь от могучих армий северных воинов-призраков, оч-

нувшихся от столетнего сна, в гневе обнаживших свои раны и потрясающих шишковатыми щитами, несется призрак Дианы, принцессы Уэльской, призрак исторического масштаба, королевского рода, призрак розы, живущий в миллионах потрясенных трагедией гостиных и вновь воскресший сегодня на страницах утренней «Дейли мейл», газеты, которая по-прежнему гонит тираж, пытаясь вернуть к жизни ту, что с каждой попыткой все больше уходит в прошлое: ее призрак улыбается ласково и застенчиво, как девочка — в тиаре и в куртке для верховой езды, с младенцем на руках и с букетом цветов, отведя кокетливо-скромный взгляд в сторону, помахивая рукой из кареты; через час-другой, когда утро засияет во всей красе, милосердная дева с глазами, полными печали, проплывет в вышине, глядя на бесчисленные киоски и почтовые отделения с пестрыми шеренгами открыток, на полотенца, чашки, подносы и подстаканники в тысячах сувенирных магазинов Англии рубежа тысячелетий, благословенные ее благим благословенным ликом.

А в хмуром городке далеко на юге блеклая тень актера-ребенка Соломона Пейви, умершего, *едва*

тринадцать разменяв[48], почти четыреста лет назад, летом 1602 года, отправляется бродить по городу всякий раз после грубого пробуждения, стоит кому-нибудь прочесть стихотворение его памяти, сочиненное Беном Джонсоном[49], который знал его как одного из «детей придворных балов»[50]; призрак бродит по реконструированному театру «Глобус»[51], здесь все как прежде, но ни волшебства, ни смрада прошлого нет и в помине. Зыбкое воспоминание об актере бродит за кулисами, по галерке и балкону. Театр закрыт — межсезонье. Еще не настало время для завсегдатаев ресторанов и обширного фойе, застланного ковром. В этом году здесь шли сплошь пьесы эпохи Возрождения, а сам Соломон Пейви (в капкане эпитафии Джонсона, лишившего беднягу достойного и сладкого забвения) сегодня выбирает Уильяма, который написал свои «Ошибки» до

---

[48] Примечания: 48

Из эпитафии Бена Джонсона на смерть Салафииля Пейви.

[49] Примечания: 49

Джонсон Бен (1573–1637) — английский поэт и драматург.

[50] Примечания: 50

Автор намеренно смешивает название детской труппы «Дети придворной капеллы», актером которой был С.Пейви, и название комедии Бена Джонсона «Бал Цинтии», впервые поставленной этой труппой.

[51] Примечания: 51

Театр в Лондоне, где шло большинство пьес У. Шекспира.

рождения, «Цезаря» — при жизни, а «Клеопатру», к своему великому сожалению, — после кончины мальчика, которому посчастливилось играть лишь стариков, и, умерев на пороге юности, так и не довелось раскрыться в роли Джульетты, которой, впрочем, было бы далеко до его Клеопатры — *Счастливый конь! Гордись, что под Антонием ты ходишь*[52] — декламируя строки безмолвным фальцетом, он пересекает деревянную сцену и попадает в безлюдный зал, потом одним прыжком перемахивает через стену и парит вдоль реки над головами людей, спешащих на работу или вяло бредущих домой по новому пешеходному мосту. И дальше, по течению бесконечной угрюмой реки, там, где высится Купол Тысячелетия[53], исторический памятник современности, чье шаровидное нутро по мере приближения нового года все больше наполняется страхами, бахвальством, пафосными речами и пустотой, где свист падающей сверху веревки призывает на мгновение призраков всех тех, кто упал в объятья смерти с виселицы, что, стояла здесь задолго до

---

[52] Примечания: 52

Из трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра», *пер. Б. Пастернака.*

[53] Примечания: 53

«Millennium Dome» — гигантский комплекс, построенный в 2000 г. в Гринвиче для встречи нового тысячелетия.

всяких куполов, и они несутся, раскачиваясь взад-вперед, мимо сонных сторожей, сквозь ворота с электросигнализацией, а камеры наблюдения прилежно фиксируют их отсутствие.

А где-то на юге страны, на севере ли, в каком-то городе (если угодно, хотя бы в том, с которым тесно связаны события этой книги, мелкие и значительные) призрак Дасти Спрингфилд, популярной певички шестидесятых, самоуверенный и растерянный, целеустремленный и нерешительный, вылетает из открытого окна дома с террасой на углу Шорт-стрит. Он парит над улицами и садами, над простертыми земельными владениями и свалками, над зловонными канализационными стоками, над бассейном, над отелем со старинными обшарпанными номерами, взмывает в небо, откуда его голосок доносится до города так слабо, что его и не слыхать. Но это не означает, что он вообще пропал; всю Шорт-стрит околдовал тот самый «влюбленный взгляд, твои глаза горят, сердцу правду говорят»; у Дасти высокий начес, глаза с черными стрелками, она совсем еще девочка, руки движутся в пантомиме, будто прижимают к груди дорогую вещицу, а та раз — и выскальзывает; этот взгляд, говорящий гораздо больше, чем могут выразить слова; взгляд, над

которым не властно время; она рассказывает всем слушателям, всем-всем, кто ее слышит, что она ждала, так долго ждала, а обитатели домов на Шорт-стрит и ближайших улицах, которых каждое утро по будням ровно в семь будит ее голос, орущий на полную катушку в доме 14, лежат в кроватях, накрыв голову подушкой, потом угрюмо косятся на чашку слишком раннего кофе, приготовленного слишком быстро, слабо или крепко, швыряют оскорбления в стены своих спален, звонят с очередной жалобой по горячей линии Городского совета, злобно смотрят в окно или в открытую дверь на источник шума, с хмурым видом слушают восьмичасовые новости по радио-4[54], пока их показания в который раз записывает дежурный полицейского участка, заканчивающий смену, потом идут через дорогу, чтобы постучать в дверь дома 14 и, если там осмелятся открыть, пригрозить хозяину или хозяйке трепкой, но в полусне не замечая, что сами прислушиваются, а то и подпевают призраку Дасти, которая почти допела, дойдя до пошлого заключительного всхлипа, *не бросай меня*, поет она, и трехминутная песенка (подобно миллионам

[54] Примечания: 54
Одна из основных программ внутреннего радиовещания BBC.

других двух-, трехминутных песенок про встречи и разлуки, находки и потери, про бесконечный круговорот любви и превратностей жизни) кончается, словно опускаясь на распластанных серых крыльях горлиц в сад, на хранящие росу ветви яблони-кислицы, плавно и безошибочно точно, чтобы обрести покой.

Утро. Женщина, которая по утрам моет лестницу и часть тротуара перед отелем с выложенной надписью «*Глобал*», уже выплеснула воду из ведра и убрала его вместе со шваброй в шкафчик. Она давно ушла домой. Слово *«Глобал»* пока что чистое; по нему прошлось совсем немного людей.

По всему городу, уже надев форму, завтракают дома девушки-кассирши из супермаркета (кроме тех, кто работает неполный день или у кого выходной, эти в основном дрыхнут или готовят завтрак для детей и мужей).

Люди, купившие вчера в аптеке «Бутс» прописанные лекарства, чувствуют себя лучше, хуже или без изменений. У кого-то простуда. Кто-то подхватил заразу. Кто-то ни на что не жалуется. У кого-то кружится голова, и сегодня им не рекомендуется иметь дело с механизмами. У одних температура поднялась, у других понизилась. Кто-то выздоровел во сне и встает бодрячком. А

кто-то обнаружил или обнаружит, проснувшись, что лекарство никак не повлияло на его самочувствие.

Люди, томившиеся вчера в очереди в кино, просыпаются или еще спят. Лишь немногие из них припоминают, что вечером посмотрели фильм.

Инструкторша по вождению пьет на завтрак какао «Хорликс»; кофеин ее возбуждает. Она предается мыслям о ласках своего ученика. Ее муж никак не справится с галстуком. Она улыбается и отвечает на его вопросы, продолжая думать о том, как распаляется мальчишка в машине, зарывшись в ее одежду.

Ее ученик лежит утром в кровати и вспоминает прошедшие уроки. Она хороший инструктор? спросила вчера его мать (она платит за уроки). Да, ответил он. И покраснел. Она просто классная, она сказала, что скоро я смогу ездить без инструктора и с легкостью сдам на права после нужного количества уроков, говорит он. Впереди еще десять уроков. Интересно, что еще ему предстоит освоить?

Хозяйка кафетерия наслаждается тишиной, наступающей обычно перед утренним потоком посетителей. Она сделала себе сэндвич с ветчиной и принялась за свежую газету. Опять статья

про извращенцев; это не так интересно, как вчерашняя статья про людей, ставших жертвами акулы. Зато после чтения у нее появляется ощущение духовного очищения, силы.

Старик, который вчера махал с тротуара вслед уезжающему сыну, смотрит из окна в сад. Он развесил на дереве мешочки с орехами для птиц. Зимние птицы — его отрада. Вот зяблик. Вот еще один.

Мужчина, возмущенный вчера неприличным поведением парочки на остановке, просит жену завязать ему галстук. Пойди сюда, говорит она, берет у него галстук, продевает за воротник, перекидывает сверху, снизу, потом затягивает узел, готово. Она целует его в щеку. Он идет в коридор и смотрится в зеркало; сам не зная почему, он чувствует раздражение. Открывает входную дверь, кричит: пока.

А та парочка пьянчуг с автобусной остановки лежит в постели. Он пытается заснуть, но стоит ему забыться, похмелье бьет по векам изнутри, заставляя открыть глаза. Его подруга не спит, она стряхивает пепел сигареты в чашку. Потом улыбается любовнику; он вяло улыбается в ответ.

Рабочий примостился на доске, торчащей из эркера третьего этажа. Скоро он разбудит своей

дрелью всех окрестных засонь. Все равно уже пора вставать. Мимо на велосипеде проезжает девушка. Он машет ей рукой. Хотя видит впервые. Она тоже его не знает. Но машет в ответ. Привет, ягодка, кричит он. У него поднялось настроение. Он опускает дрель и озирается вокруг, насвистывая мотивчик песенки, которую помнит с детства.

Женщина, которая вчера устало плелась в толпе, открывает один из пакетов своей громоздкой ноши. Это пластиковый контейнер апельсинового сока, размером аж с ее туловище. Больше берете — меньше платите. Она старается удержать тяжелый пакет, прижав его к себе, и наполняет четыре стакана. Потом ставит на кухонный стол по одному перед каждым ребенком.

Женщина, которая никак не могла поместиться в кабинку бассейна, лежит в постели. Она читает книжку и ест банан. Кошка уютно устроилась в складках ее живота. Она целых четверть часа умывалась и прихорашивалась, а теперь мурлычет, с обожанием глядя на хозяйку.

Девушка из часового магазина только что приняла душ и теперь сохнет, сидя на краешке кровати. Мокрые волосы упали на лицо. Она откидывает их назад, заправляя за уши. Надевает

на запястье часы. Это не ее часы. Они принадлежат одной из заказчиц. Одна девушка отдала их в починку еще летом и до сих пор не возвращалась. Часы просто замечательные; таких на свете сотни, они похожи, как близнецы, но у этих ремешок так разносился, что стал мягким, даже теплым на ощупь, и идут они после ремонта точнехонько. Когда хозяйка все-таки придет за часами, девушка за конторкой уже знает, что скажет: вот, держите. Я уж беспокоилась, когда вы за ними придете. Я знала, вы про них не забудете. Отличные часы. Она не рассердится, эта *С.Уилби*, как написано в картотеке, говорит себе девушка каждое утро, надевая часы; она специально залезла в ящики с готовыми заказами, пока мистер Майклз был на конференции по продажам, нашла сверток, развернула и рассмотрела часы. Вот уже несколько месяцев они лежат в шкафчике с исправными часами, которые спрятались по отдельным сверткам, тикая в собственное удовольствие. ***С.Уилби. £27.90. Вода в механизме.*** Двадцать восемь фунтов; немалая цена за заурядные часы. Она провела черту поперек страницы в рабочем журнале, написала сбоку «неуплата», стерла данные из компьютера, а счет свернула и положила себе в карман. Потом сняла свои часы

и надела те, что принадлежали девушке. Пряжка легко застегнулась на старом месте. У них с С.Уилби одинаковые запястья.

Девушка из часового магазина впервые соблазнилась чужими часами. Она сама никак не может поверить. С.Уилби целыми днями торчала на улице у магазина, хрупкая, застенчивая девушка, она ничего не просила, смотрела себе под ноги, но привлекала внимание. Девушка из часового притворялась, что не замечает ее. Она сама не знает, почему. Ей казалась, так надо. Она была не готова. Время было неподходящее, и это ее смущало. Да и сейчас смущает при одном воспоминании, и тогда она чувствует, будто у нее в груди бьется крылышками, деловито елозит и копошится маленькое существо.

Она уже заглянула в местный телефонный справочник и выписала номера всех Уилби. Как-нибудь она соберется с духом и обзвонит их одного за другим, спрашивая того, кто поднимет трубку, не живет ли здесь С. Уилби, мол, пусть она зайдет в магазин за часами.

Она идет на кухню, насыпает в миску хлопьев, заливает молоком. Ее мать на работе. Брат еще не встал. Она берет ложку из сушки для посуды. Смотрит на свои часы. Почти восемь. Брат все

дрыхнет — придется идти на работу пешком. Чтобы не опоздать, она выйдет через пятнадцать минут.

Каждое утро, застегивая часы на запястье, она представляет себе одну и ту же сцену. Это случится сегодня. Та девушка положит руки с голыми запястьями на конторку и скажет: я пришла за своими часами, заказ на Уилби. Тогда она, продавщица из часового магазина, поднимет руку, на которой красуются часы девушки. Надеюсь, вы не рассердитесь. Я в них прямо-таки влюбилась.

Она доедает завтрак и снова смотрит на часы. Выходить через пять минут. Она глядит из окна в сад.

Смотрите, они отлично идут, скажет она. И знаете, денег не надо. Я заплатила.

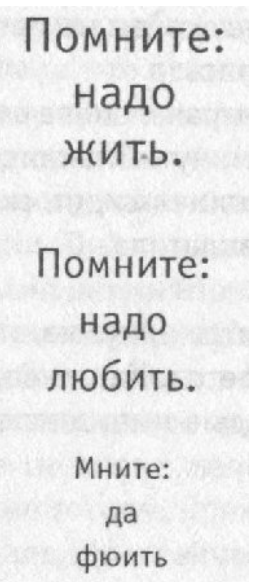
Утро. На ветку садится пичужка, за ней другая. Дерево слегка покачивается. Капли воды летят с веток на землю, этакий дождь в миниатюре.

Помните:
надо
жить.

Помните:
надо
любить.

Мните:
Да
фюить[55]

[55] Примечания: 55

Помните:
надо
жить.
Помните:
надо
любить.
Мните:
да
фюить

О-гого-
ооо-ого-
-ооо-оо
о[56]

[56] Примечания: 56

